

Битва за Арракис

Направленность: Гет

Автор: [Имие Ла \(https://ficbook.net/authors/1832958\)](https://ficbook.net/authors/1832958)

Фэндом: Emperor: Battle for Dune, Герберт Фрэнк "Дюна" (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Фейд Раута Харконнен/Нирием Харконнен, Алия/Раднор, Раббан/Ирулэн, Гансенг/Йире Ордос (без взаимности), Ахиллус/Фиона, Карно Ордос/Йире Ордос, Ашиар/Йире, Ашиар/Сиона

Рейтинг: NC-21

Жанры: Романтика, Ангст, Юмор, Флафф, Драма, Фантастика, Экшн (action), Психология, Философия, Пародия, Повседневность, Даркфик, Ужасы, Hurt/comfort, AU, Эксперимент, ER (Established Relationship), Стёб, Антиутопия, Первый раз, Дружба, Пропущенная сцена

Предупреждения: **Смерть основного персонажа, ООС, Насилие, Нецензурная лексика, ОМП, ОЖП, Гуро, Смерть второстепенного персонажа**

Размер: планируется Макси, написано 158 страниц

Кол-во частей: 23

Статус: **в процессе**

Описание:

Альтернативная история по мотивам "Дюны". С момента смерти императоров Шаддама IV и его зятя Пола Муаддиба прошел не один стандартный год. Сначала престол переходит к родственнику Шаддама Фредерику IV Коррино, но вскоре нового императора убивают диверсанты Дома Ордосов. Его наследник и родственник - коварный злобный интриган Ашиар может разделить участь Фредерика; пытаюсь спасти положение, он спешно созывает Ландсраад и предлагает трем Великим Домам вновь вступить в войну за Арракис...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Это вторая, исправленная и дополненная версия моего давнего произведения, наверняка знакомого многим по старому профилю. К сожалению, качество того, что висело там, оставляло желать лучшего, поэтому я его удалила и предлагаю вашему вниманию новый отредактированный вариант.

Текст написан по мотивам книг Ф. Герберта, Б. Герберта и К. Андерсона о Дюне, а также одноименных компьютерных игр. В нем использованы некоторые сюжетные моменты, названия и персонажи из указанных игр и романов упомянутых авторов, а также книги А. Ляха «Истинная история Дюны», но в общем и целом оно является альтернативной историей и с канонической событийной линией связано лишь отчасти. Многие персонажи состоят совершенно в иных родственных отношениях, нежели в каноне (так, например, муж Алии Атрейдес - дальний родич барона Харконнена, а не Дункан Айдахо, Ракан - не барон, а племянник барона), некоторые герои, погибшие в каноне, живы, здоровы и счастливы (Фейд Раута Харконнен благополучно стал бароном

после гибели дяди, с его братом тоже все благополучно).

Что изменилось по сравнению с первоначальным вариантом:

- некоторые персонажи поменяли имена (Ли`Теила теперь зовут Аэрнейл, Мортеса - Элрем);
- текст отредактирован и отформатирован;
- добавлены некоторые сцены и реплики;
- исправлена шапка.

Если кому интересно, то старую версию без редакции я перезалила вот сюда:

http://samlib.ru/editors/l/laar_m/dune.shtml

Иллюстрации есть здесь:

https://vk.com/album83548914_192334069

ТОС

ТОС	2
Вступление. Краткая предыстория	4
1. Просто день перед войной	13
Примечание к части	16
2. Ледяной герцог	17
Примечание к части	18
3. Обратная сторона ЖЗЛ	19
Примечание к части	28
4. Ландсраад - Совет Домов	29
Примечание к части	39
5. Дом Тлейлаксу	40
Примечание к части	46
6. Бесплезные переговоры	48
Примечание к части	51
7. Первая кровь	52
Примечание к части	61
8. Брошенная в бездну	62
9. Ночные гости	67
Примечание к части	78
10. Костер	79
Примечание к части	87
11. Садовник	88
Примечание к части	94
12. Осенний призыв	95
Примечание к части	108
13. Жестокая забава	109
Примечание к части	114
14. Кровавый песок	115
Примечание к части	119
15. Просто вещи	120
Примечание к части	126
16. Умри сегодня	127
Примечание к части	137
17. Смерти подобно	138
18. Разгром	144
19. Совсем одна	150
20. Предел достигнут	155
21. Новый поворот	161

Вступление. Краткая предыстория

«Планета Арракис, также известная как Дюна, выглядит мертвой: она сплошь покрыта песком, на ней нет ни рек, ни морей, ни океанов. Однако на Арракисе добывают самое важное сокровище во вселенной — спайс, который встречается только на этой планете. Навигаторы Космической Гильдии осуществляют с помощью спайса межгалактические полеты, и спайс является своего рода наркотиком, влияющим на организм человека в любых дозах. Поэтому декаграмм спайса стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев. Великий Дом, контролирующей Арракис, контролирует и спайс. А у кого в руках спайс — у того в руках и вселенная».

Из старинных хроник

ВСТУПЛЕНИЕ, или КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Как-то раз герцогу Паулю Атрейдесу, великому потомку Агамемнона, взбрело в голову жениться. Он взял себе жену из Дома Ришезов, но брак у герцога не удался и семейная жизнь не заладилась: проблема заключалась в том, что Пауль был рьяным сторонником династических браков и, наверное, сделал бы свою коронную фразу «Никогда не женись по любви» девизом Дома Атрейдесов, если бы в душе не побаивался того, что его засмеют в Ландсрааде. Ребенок от законной жены у Пауля Атрейдеса был всего один — Лето Атрейдес I, а сам герцог гулял от своей законной супруги направо и налево.

В связи со знатным происхождением герцога следует сделать небольшое лирическое отступление с экскурсом в историю дворянских родов Империи. Если посмотреть повнимательнее, можно убедиться в том, что большая часть «детей лейтенанта Шмидта» и прочих потомков известных личностей не имеет к этим выдающимся людям никакого отношения — ни прямого, ни косвенного, тем более что генетический анализ никто-либо вообще не делал, либо сделать его было просто невозможно при самом горячем желании, так как от великих предков за давностью лет и косточек не осталось. Впоследствии один известный хронист Дома Харконненов указывал на то, что так называемые «дворяне» Империи вышли из рядов военной аристократии в период формирования государства, а герцогами, графами и баронами объявили себя, грубо говоря, попросту ради пафоса, сделав по ходу событий эмблемы отрядов, которыми командовали, гербами Великих Домов. Тот же хронист писал, что знаменитый герб Атрейдесов на деле изначально был форменным знаком какой-то дивизии. Как показывает практика, приписать человеку дворянскую фамилию и сделать его представителем знатного рода немногим проще, чем съесть конфетку. Так, например, очень часто сами представители Великого Дома или даже народная молва приписывают к числу его полноправных членов дальних родственников или особо отличившихся соратников. Генерал Аэрнейл внезапно оказался Ордосом посмертно; к сожалению, не представляется возможным выяснить, какую фамилию он носил ранее, ибо в свои архивы Ордосы никого просто так не пускают. На Гайди Прайме все, напротив, лежит в открытом доступе, а местные власти даже и не скрывают того, что псевдо-Харконнены Джостен, Мори и Рикко ранее по бумагам значились Джостеном Криуби, Мори Хэллеком и Рикко Вэйлом. Иногда молва может прилепить другую фамилию даже представителю Великого Дома: благодаря этому Дом Верниус превратился в Дом Икс — детей Ромбура и Тессии никто называть Верниусами уже и не думал.

Как бы оно ни было на самом деле, факт все равно остается фактом: герцог Пауль старательно распространял байки о том, что является прямым потомком Агамемнона, героя Троянской войны. Предка он себе выбрал действительно достойного: как все прекрасно помнят, Агамемнон в бытность свою правителем Микен влез в несправедливую захватническую войну (якобы из-за развратной жены своего братца), угробил в ней кучу своих ни в чем не повинных соотечественников и несчетное количество соплеменников Париса, в том числе представителей гражданского населения, женщин и детей, непонятно зачем разорил чужой город, бессовестно изменял жене с троянками (жена не осталась в долгу, но при этом оказалась виноватой во всех смертных грехах и сотне пороков поменьше, а ее благоверного добрые люди выставили несчастной жертвой распутной бабы), пытался принести в жертву родную дочь и подвергал свою армию смертельной опасности, поругавшись с Ахиллом из-за чужой девки, то бишь Брисеиды. В общем, Агамемнон представлял собой замечательный образец для подражания, которому старательно следовали его скорее всего мнимые потомки.

Вскоре герцог начал прикладываться к бутылке и порой нализывался до состояния полного аута. Он очень любил корриду и как-то раз вышел на арену в стельку пьяный. Несчастный бык впал от источаемого герцогом вино-водочного смрада в невменяемое состояние и забодал старого алкоголика насмерть. Так бесславно закончил свои дни Пауль Атрейдес.

Лето Атрейдес, единственный законный сын Пауля, очень любил своего папашу и во всем его слушался. Папа с детства учил его, что по любви жениться не следует, и Лето с ранней юности предавался грязному разврату с простолюдинками, об алиментах и хоть какой-то помощи появившемуся на свет потомству, естественно, речи не шло. Став взрослым, Лето решил жениться на ком-нибудь из Дома Коррино, однако делать это не спешил, зато успешно отравлял жизнь собственным сожительницам и незаконным детям.

Основными чертами национального характера Атрейдесов были благородство, доблесть, интеллигентность и великодушие. Особенно ярко это проявилось в первом из Атрейдесов, Вориане, который грязно оклеветал и подставил Абульурда Харконнена, и самом герцоге Лето, который подавал пример истинно благородного поведения своим подданным, сожительствуя с разными женщинами без официального оформления отношений и терроризируя родных домостроевскими порядками. Во всем подражая Дому Коррино, Атрейдесы не считали женщин за людей. Пользуясь тем, что Кайлее Верниус некуда было идти (в то время Икс находился под властью Тлейлаксу), герцог Лето не торопился на ней жениться, но и никакой свободы в то же время ей не давал. Выбор у Кайлеи был невелик — либо жить на положении незаконной жены герцога на Каладане, родной планете Атрейдесов, либо отправиться к Тлейлаксу на опыты, но трудно сказать, что бы она предпочла, если бы раньше узнала о непорядочности и двойных стандартах Дома Атрейдесов. В один прекрасный день Лето приволок домой Джессику Харконнен и в открытую объявил, пользуясь беспомощным и бесправным положением Кайлеи: «Это моя любовница, она будет жить с нами». Неудивительно, что на следующий день несчастная женщина выбросилась из окна с малолетним ребенком на руках. Впрочем, пусть восхваление подобного благородства опять же останется на совести самих Атрейдесов.

Стоит добавить, что Джессику Лето сосватала ее полоумная мамаша, почетный член Ордена, вернее, известной тоталитарной секты Бене Гессерит, которая нагуляла ее от барона Владимира Харконнена, при этом она не только не давала отцу видеться с дочерью, но и скрывала от самой Джессики, кто ее родитель: дочь узнала об этом уже в зрелом возрасте после появления у нее собственных детей.

Все люди прекрасно знают, что наркотики — зло, но в том, какое это зло, убеждаются по большей части лишь тогда, когда посмотрят собственными глазами на деградировавшего наркомана. Сын Лето и Джессики, больше известный как пророк Муад'Диб, с детства отличался впечатлительностью и неординарными способностями: так, например, он мог предвидеть будущее или воздействовать на разум и волю отдельных людей. Папаша Пола из-за этого жестоко над ним издевался и постоянно высмеивал сына, за что и поплатился. В один прекрасный день герцог и его сожительница поехали по делам на Арракис, который в тот момент император Шаддам IV предоставил во временное пользование Дому Атрейдесов; с собой они взяли своего сына и его младшую сестру Алию. После одной горячей семейной ссоры из-за предстоящей официальной женитьбы на ком-то из принцесс Коррино герцог необъяснимым образом оказался в неживом состоянии. Пол впоследствии сваливал вину на Харконненов (которых в тот момент на Арракисе не было и в помине), но люди подозревали, что на деле к смерти Лето Атрейдеса причастны либо Пол, либо Джессика Харконнен — дама не робкого десятка и истинная дочь своего отца, либо и Пол, и Джессика одновременно.

Как бы то ни было, но после смерти отца Пол с матерью и сестрой довольно долго прожил среди фрименов — коренного населения Арракиса, где прочно подсел на всякую дрянь. Дрянь Пол кушал, пил, нюхал и вообще употреблял всеми известными и неизвестными науке способами с целью усиления своих сверхспособностей, но эффект получился обратным ожидаемому. Это окончательно разрушило и без того неустойчивую психику молодого человека, и он постоянно галлюцинировал во сне и наяву. Один из сподвижников Пола времен Арракисской революции, фримен Стилгар, рассказывал, что как-то раз увидел Пола, стоящего в пустой комнате и исступленно размахивающего крисножом; впоследствии пророк Муад'Диб уверял его в том, что сражался с Харконненами. Вскоре сестра Пола Алиа, не выдержав выходок братца, убежала от него на Гайди Прайм к своему родственнику барону Фейду Раута Харконнену; тот, в отличие от Пола, был человеком адекватным и давно звал Алию к себе, понимая, что великий пророк окончательно сбрендил. Мать Пола Джессика, некоторое время понаблюдав за этим ужасом, отобрала у Пола его детей и уехала с внуками на Каладан. Сделала она это вовремя, ибо ее сынуля в припадке безумия вскоре наложил на себя руки, бросившись с обрыва. Что ему там померещилось перед смертью — остается вечной загадкой: то ли авиация Харконненов, то ли его просто духи преследовали. Алиа же, как оказалось в итоге, перебралась на Гайди Прайм, родную планету Харконненов, отнюдь не зря: там ей удалось встретить свое личное счастье в лице Раднора Харконнена, главнокомандующего барона. Раднор был по жизни человеком крайне своеобразным, но если уж кого и любил, то преданно, искренне и горячо. В число этих немногих он с легкостью включил Алию, поскольку она хорошо его понимала.

Леди Джессика, мать Пола и Алии, была дочерью барона Владимира Харконнена от сектантки-гессеритки. По слухам, у нее была еще старшая сестренка, но бедную девочку угораздило родиться с ДЦП, и мамашка то ли сама пустила ее в расход, то ли продала на

опыты Дому Тлейлаксу. В юности Джессика сама состояла в ордене (а на деле — самой настоящей тоталитарной секте) Бене Гессерит. Эта организация, членами которой были только женщины активно занималась генетическими экспериментами, на деле понимая в генетике столько же, сколько ежик в тригонометрии. Гессеритки мечтали вывести Сверхчеловека, или Квисац Хадераха: повторять их изыскания, пожалуй, не стоит, ибо результатом был Пол Атрейдес. На деле итог эксперимента мог быть еще хуже (для гессериток), ибо по плану Квисац Хадерах должен был быть сыночком то ли Фейда, то ли Раббана Харконненов. В этом случае великий орден быстро бы накрылся медным тазом, поскольку Харконнены ненавидели сектанток лютой ненавистью, а барон Фейд даже мечтал объявить им джихад. Сестры Бене Гессерит мнили себя очень популярным образованием, хотя на деле их привечали исключительно Коррино и Атрейдесы (да и те не всегда), прочие же Дома ненавидели тихо или в открытую. Ордосы и Тлейлаксу вообще специально отлавливали гессериток и ставили на них в подпольных лабораториях такие изуверские опыты, что даже славящиеся своей жестокостью Харконнены, узнав об этом, отправились бы отдыхать в сторонке.

Сектантки искренне верили, что могут непостижимым образом влиять на пол и способности будущих детей, управляя биохимией своего организма и совокупляясь в нужное время с разными мужчинами, хотя на деле у них мало что получалось — и получиться не могло при всем желании, поскольку науке известно, что сперматозоиды оказываются в маточной трубе уже через девяносто секунд после полового контакта. Такой быстрый процесс бывает затруднительно отследить даже при помощи современной техники в лаборатории, не то что самому по себе. Несмотря на то, что ученые-генетики давно выяснили, что ответственность за пол будущего ребенка несет мужчина, гессеритская байка получила весьма широкое распространение среди полубразованных мракобесов типа Шаддама IV Коррино, который за всю свою жизнь ни разу не был в школе, не учил биологию и старательно третировал свою несчастную жену Анирул за то, что у нее были одни дочери. Благодаря этой же байке Джессика Харконнен смогла убедить своего малограмотного сожителя Лето в том, что рождение первенца-сына, а не дочки — ее заслуга.

Империей галактики правил Дом Коррино — редкостные отморозки поистине вселенского масштаба. Они состояли в довольно близком родстве с Атрейдесами: Лето I был правнуком брата Шаддама II по матери. Арракисская бойня началась с того, что император Шаддам IV, стремясь вытряхнуть из Дюны как можно больше прибыли, проводил всякие махинации со сдачей планеты в аренду то Харконненам, то Атрейдесам, которые по бумагам значились как временные наниматели мест добычи спайса. Полу Атрейдесу в один прекрасный момент взбрело в голову не только получить в безраздельное пользование эту планету, но и занять императорский трон; в ходе государственного переворота, именуемого Арракисской революцией, он спихнул с престола Шаддама и для пущей законности женился на его дочке Ирулэн, однако в фактических супружеских отношениях состоял с фрименкой Чани Кайнз.

Чани родила Муад'Дибу троих детей и после вторых родов умерла вследствие неоказания надлежащей медицинской помощи, а малышей, как об этом уже упоминалось, забрала себе их бабушка Джессика, рассудив, что детям нужна спокойная обстановка и хорошее образование, а не общество полоумного папаши. Законная фиктивная жена Пола Ирулэн вследствие того, что муж не уделял ей никакого внимания, погуливала от

него с Раббаном Харконненом и обзавелась таким образом потомством в лице трех сыновей — Копека, Ракана и Гансенга Харконненов. После того, как Пол Атрейдес наложил на себя руки, Ирулэн, которую Коррино и Атрейдесы заколебали по самое не могу, сразу убежала к Раббану на Ланкивейл — якобы лечить расстроенные нервы. Самое веселое заключалось в том, что Муад'Диб умудрился во время брака с Ирулэн доглотиться до такой степени, что упорно не замечал живота у собственной жены.

Супруга Шаддама IV Анирул, которую этот милейший товарищ своими выходками вогнал в гроб во цвете лет, родила ему пять дочек и ни одного сыночка, чем был весьма недоволен сам император, однако ему, видимо, просто нужен был повод третировать страдалицу-супругу — сыночков у него и на стороне хватало. Один из них, Фредерик Коррино, весьма оборотистый товарищ, биологию в школе все-таки учил, а потому, прибегнув к генетической экспертизе, предъявил доказательства своего родства с Шаддамом и сразу после смерти Пола предъявил права на императорский трон. Правил новоиспеченный император Фредерик IV, увы, недолго, зато помирал весьма долго. Наиболее слабое место Фредерика заключалось в его чрезмерных амбициях. Он действовал по принципу «разделяй и властвуй», а именно под разными предложениями стравливал друг с другом Великие Дома. Согласно очередному замыслу императора, все достаточно сильные Дома должны были соперничать друг с другом за право добывания спайса на Арракисе, и он внес такое предложение на заседании Совета Домов, однако в различные средства массовой информации неизвестным образом просочились разглашенные кем-то из придворных императора сведения о том, что Фредерик собирался не просто стравить несколько Домов друг с другом и сделать победителя временным арендатором, а этого самого победителя просто-напросто добить, чтобы избавиться от потенциальных соперников внутри империи. Такой вариант никому не понравился, и наглого Коррино, который, по мнению многих, зашел слишком далеко, решили просто убрать. Сначала один из подручных Раббана, Элрем Харконнен, изловчился и незаметно подсыпал Фредерику что-то нехорошее, но яд был то ли просроченный, то ли медленнодействующий. Император тяжело заболел, и с каждым днем ему делалось все хуже и хуже, однако помирать он не спешил. Такое положение дел тоже устраивало не всех. В один прекрасный день на Кайтэйне, в столице империи, устроили праздник, и Фредерик, невзирая на отвратительное самочувствие, все же решил выйти к народу. В этот момент его вместе с несколькими придворными и любовницей-гессериткой Эларой взорвал ордосский диверсант-смертник.

Сводный братец Фредерика Ашиар Коррино, при его жизни бывший премьер-министром, тут же взял бразды правления в свои руки и провел расследование, в ходе которого выяснил, кто был повинен в смерти брата, но устраивать Ордосам и Элрему Харконнену головомойку не стал. Дело тут было, конечно же, в том, что Ашиар не получил бы власть без содействия убийц Фредерика, а трон он любил гораздо больше, чем родственничка.

Итак, сразу же после смерти братца Ашиар напялил на себя императорскую корону и принялся гадить всем и вся в худших традициях Дома Коррино. Он точно так же, как и его папаша, не считал женщин не то что за людей, а даже за более-менее ценные предметы мебели, что было для Коррино стандартным явлением: своих жен они воспринимали в лучшем случае как средства для произведения на свет потомства и искренне считали, что в рождении девочек виноваты их супруги. Дедушка Ашиара, Эльруд Коррино, так вообще убил одну из своих жен, а вторую довел до сумасшествия. У

нового императора тоже была супруга, над которой он с регулярной периодичностью издевался вместо того, чтобы просто развестись, как это делают все нормальные люди.

В свое время его брат Фредерик якобы заботился о налаживании связей между сорока Великими Домами, но делал это больше для виду, нежели в интересах самих участников мероприятия. По его инициативе ради мнимого укрепления внутриимперских связей было заключено несколько якобы что-то значащих браков среди представителей разных родов. Он сосватал Ашиару в супруги Йире из Дома Ордосов, видимо, решив таким образом пытаться влиять на новоявленных родственников. От законной жены у Ашиара был всего один сын — Эттан, которого папаша-Коррино воспринимал в лучшем случае как предмет домашней обстановки, равно как и супругу. Вскоре после свадьбы Ашиар завел себе низкого происхождения любовницу по имени Сиона Аттат, с которой познакомился во время дипломатического визита на Каладан. Он притащил ее к себе во дворец и принялся открыто с ней жить, никого не стесняясь и полностью игнорируя возмущение своей супруги. От сожительницы у Ашиара Коррино было четверо детей: сыновья Эленар и Фондиль и дочери Ана и Джун. Всем четверым бесстыжий император дал свою фамилию, а любимчика Эленара так вообще назначил наследником престола.

Надо сказать, что гербы Великих Домов Атрейдес и Коррино совершенно не соответствовали их нравам. Коррино, учитывая их выходки и наклонности, гораздо больше подошел бы шакал, а Атрейдесам — свинья в луже. Налепив себе на гербы льва и ястреба, эти товарищи здорово себе польстили: эти символы никоим образом не отражали ни их характер, ни линию поведения.

После самоубийства Пола Фредерик справедливо рассудил, что не стоит оставлять Дом Атрейдесов без главы. Благодаря развратному поведению старого герцога Пауля число потомственных Атрейдесов, не носивших фамилию папочки, было на Каладане весьма велико, и Фредерику не составило труда откопать пару-тройку кандидатов на роль нового герцога. После тщательного отбора, который Коррино и его ментат-дегенерат осуществили за кружкой горячительного напитка, герцогом был назначен некто Ахиллус, а Кэрил и Тирус, два других кандидата, стали его приближенными и генералами. Видимо, только благодаря природной тупости и добродетельности они не зарезали троюродного брата-герцога в первый же день.

Дом Атрейдесов находился в давней вражде с Домом Харконненов. Как всегда, повод для вендетты вселенского масштаба нашелся весьма тупой — в стародавние времена предок Атрейдесов оболгал и подставил предка Харконненов. Естественно, со временем историю приукрасили новыми подробностями, пересказали тысячу раз, и никто уже толком не помнил, как все было на самом деле, но время от времени потомки героев этой свары вытаскивали ее на поверхность и использовали в политических целях.

Заклятые враги Атрейдесов Харконнены славились своей жестокостью на всю галактику. На деле они были, несмотря на неприятную репутацию, людьми достаточно адекватными и осознали, кто их окружает. Вследствие этого Дом Харконненов ушел в глухую оборону: его представители понимали, что если они не будут никого кушать и периодически бить как своих, так и чужих, в осином гнезде — империи Коррино — им самим грозит участь быть скушанными. Распространению про Харконненов жутковатых слухов во многом способствовали они сами и довольно сильно этому радовались,

поскольку опять же осознавали: чем больше гадостей про них говорят, тем больше их боятся и тем в наибольшей безопасности от посягательств других окажутся они сами. Естественно, вследствие этого Харконненов не любил никто, кроме них самих.

Главой Дома Харконненов до начала правления Пола Муад'Диба был отец Джессики Владимир Харконнен, убитый прислужниками фанатика-мессии во время визита на Арракис вместе с младшим братом Абульурдом. Своих детей, кроме двух дочек, завербованных гессеритками, у барона Владимира не было, и он сделал наследником своего племянника, младшего сына Абульурда Фейда. Старший, Глоссу Раббан, казался Владимиру слишком импульсивным и туповатым, и ему досталось управление Ланкивейлом, еще одним владением Харконненов: помогал ему в этом двоюродный брат Элрем, сын сестры Владимира и Абульурда — Эрики Харконнен.

Гессериток новый барон Фейд люто ненавидел и вследствие этого выбирать себе супругу из их ордена, как это делали многие представители других Домов, не собирался. Он подошел к выбору жены довольно ответственно, понимая, что пускать чужаков на Гайди Прайм не стоит. Присмотрев себе спутницу жизни из числа своих, он обзавелся кучей детей, старший из которых, Ксенар, подавал значительные надежды. Надо сказать, что барону Фейду по жизни тоже сильно не повезло с гессеритками: в молодости он случайно связался с одной из них и повторил горький опыт дяди. Сектантка оказалась беременна и родила дочь, но в худших традициях ордена увезла бедного ребенка невесть куда и вырастила из него непонятно что. Барон даже не знал, как зовут его дочку; после этого он зарекся связываться с гессеритками и, если вдруг слышал название их ордена, бледнел от ярости и шипел сквозь зубы самые грязные ругательства.

Наиболее загадочным и странным из Великих Домов был Дом Ордосов. Ордосы, таинственные жители ледяной планеты Сигма Драконис IV на самой окраине галактики, не общались практически ни с кем, если в том не было крайней нужды, и жили за счет торговли и контрабанды. С недавних времен они оказались у Коррино в еще большей немилости, чем Харконнены. Причина для того была не очень-то серьезная, но досадная. У Дьюрала, прежнего герцога Ордоса, была единственная дочь Дэна. Жена герцога по неизвестной причине умерла довольно рано, и все свои надежды он возлагал на наследницу, но возникли непредвиденные обстоятельства: Дэна оказалась в интересном положении. Дьюрал просил дочь назвать имя виновника, умолял, угрожал, но все было бесполезно: ничего выяснить не удалось. В итоге герцог махнул рукой на произошедшее, но судьба готовила ему новый страшный удар: Дэна умерла во время родов. Трудно сказать, какие чувства охватили после этого главу Дома Ордосов, но можно предположить, что в душе он счел свою внучку Йире виновницей смерти матери. Одно было известно точно: Дэну герцог безумно любил, а вот по отношению к малышке не проявлял ни капли душевного тепла. Обычно Ордосы не заключали браков вне своего места обитания, но Йире стала несчастливой исключением. Прознав о том, что Ашиар Коррино собирается жениться, герцог послал своего ментата переговорить с императором и выдал внучку замуж за Ашиара Коррино. Естественно, мнения Йире, которая едва достигла совершеннолетия, и двадцатисемилетнего Ашиара старшие родственники не спросили.

Возможно, Йире с радостью пошла бы на этот династический брак, чтобы упрочить связи

между Домами, поскольку Ордосы всегда были довольно расчетливы в вопросах власти и денег, но она, вопреки распространенному предрассудку относительно ее соотечественников, была отнюдь не холодным и бесстрастным человеком. С детства она была взаимно влюблена в Карно — сына одного из советников герцога Дьюрала.

Может быть, другой человек, узнав о том, что его возлюбленная не по своей воле вступает в брак с другим, попытался бы протестовать, подговорил любимую бежать с ним куда глаза глядят, сорвал бы свадьбу или вообще наложил на себя руки, но Ордосы в основной своей массе были людьми весьма прагматичными. Возможно, на основании этого и сложился миф об их холодности и бесстрастности, но — к счастью или к несчастью — на деле все обстояло не совсем так. Конечно, трудно представить себе в подробностях образ жизни и мыслей столь странных людей, но Ордосы очень тщательно прятали свои эмоции под маской бесстрастности — показывать свои истинные чувства представители этого Дома считали в высшей степени неприличным; тем более они никогда не позволили бы эмоциям испортить насущные дела. Несмотря на свой юный в ту пору возраст, Карно понимал, что не стоит делать глупостей: даже если он будет умолять герцога, валяясь у него в ногах, не отдавать Йире за Ашиара Коррино, все это мало что изменит, а вот с благожелательным отношением Дьюрала после этого можно будет распрощаться. Йире, хотя ее сердце обливалось кровью, сделала вид, что все в полном порядке. Она прожила в своем безрадостном браке целых семь лет, когда Дьюрал что-то не поделил с Домом Тлейлаксу и погиб от рук его представителей. Согласно решению Совета Экзекьютриксов новым главой Дома Ордосов стал Карно, которого Дьюрал еще при жизни прочил себе в преемники, так что избрание его герцогом не стало неожиданностью ни для кого из обитателей ледяной планеты.

Справедливости ради стоит отметить, что правление молодого герцога обещало быть отнюдь не безоблачным. Он прекрасно понимал, что Коррино видят в Ордосах сильных и опасных конкурентов. Харконненов Коррино тоже не любили, но представители самого жестокого из Великих Домов казались Фредерику и Ашиару менее грозными противниками, поскольку не привыкли скрывать ненависти ко всем окружающим и публично кичились своими садистскими выходками. Ордосы же представляли собой в воображении давно впавших в паранойю Коррино более серьезную угрозу, так как по причине их скрытности и хитрости Фредерик и его братец не знали, чего от них ждать.

Когда падишах-император Фредерик IV решил стравить Ордосов на Дюне с Харконненами и Атрейдесами, Карно, будучи по природе хорошим аналитиком, сразу понял истинную подоплеку действий главы империи: Фредерик осознавал шаткость своего положения и мечтал задавить конкурентов. Именно поэтому герцог Ордос и помог Харконненам окончательно устранить главу государства, втайне надеясь, что в какой-то мере смерть императора исправит ситуацию и избавит Дом Ордосов от угрозы со стороны Коррино. Однако он ошибся. Хоть Ашиар Коррино в душе и радовался смерти своего сводного брата, он все равно не питал никакой симпатии к соотечественникам своей законной жены. Йире император, естественно, не любил, но все равно считал своей собственностью. В один прекрасный день он откуда-то узнал о том, что его супруга имела несчастье питать нежные чувства к ненавистному герцогу Карно. Маразматик Коррино счел это едва ли не личным оскорблением и затаил на главу Дома Ордосов совершенно невообразимую злобу, решив при случае непременно отомстить.

После прихода к власти Ашиар Коррино попал в крайне затруднительное положение и вскоре оказался сам не рад императорской короне. Его братец Фредерик был настолько туп, что позволил собственным вассалам, которых должен был держать в повиновении, сцепиться друг с другом из-за принадлежащей ему же территории, то бишь из-за Арракиса. Естественно, подданные восприняли это как проявление слабости, и император очень быстро погиб от рук своих же людей. После смерти Фредерика они окончательно распоясались и начали вести себя на своих планетах как единовластные самостоятельные правители, словно никакого падишаха-императора нет и в помине; в силу этого неприятного обстоятельства Ашиар понимал, что ему нужно спешно остановить сепаратизм, пока империя не развалилась на части, а сам новоиспеченный император не потерял трон, голову и принадлежащую ему галактику. Он панически боялся, что его может ждать участь Фредерика, и этот страх постепенно перерастал у него в самую настоящую паранойю. Решив попытаться спасти положение, он спешно созвал Ландсраад и объявил, что хочет продолжить дело своего брата, предложив трем Великим Домам вновь вступить в войну за Арракис. В душе он чувствовал, что единственной надеждой на спасение для него остаются благородные лизоблюды Атрейдесы, и уповал на то, что они смогут добить его врагов на Дюне, а уж он им немножко поможет...

1. Просто день перед войной

Бейте палками лягушек.

Это очень интересно.

Отрывайте крылья мухам.

Пусть побегают пешком.

Тренируйтесь ежедневно,

И наступит день счастливый —

Вас к Харконненам на службу

Примут главным палачом.

Фанатская переделка «Вредных советов» Г. Остера

Мори Хэллек посмотрел в окно. На фоне багрово-бордово-алого закатного неба Гайди Прайма резким черным силуэтом выделялась виселица с болтающимся на ней трупом одного из рядовых, которого главнокомандующий Дома Харконненов Раднор приказал сегодня утром казнить за разгильдяйство и халатность.

— А за что именно-то его повесили? — поинтересовалась Бхет, бабушка Мори, ставя перед внуком тарелку с супом.

— На посту заснул, придурок, не хер было пить во время отгула, — молодой человек продолжал разглядывать повешенного, на трупе которого уже сидело множество местных птичек-падальщиков с воробья величиной; за коричнево-бордовый цвет оперения они были метко прозваны «гвардейцами».

— Так ему и надо, — фыркнула Бхет. — Поставишь такого урода на стратегически важный объект дозорным, а потом доброй половины Харко-Сити недосчитаешься.

— Тем более что этот мудака склад с боеприпасами охранял, — пояснил Мори.

— У нашего Раднора не забалуешь, но оно и к лучшему, — согласилась бабушка. — Зато в нашей армии не процветает такое разгильдяйство, как в каладанской.

В силу того, что барон Фейд, в отличие от своего славного дяди Владимира, был по природе несколько мягкосердечен для Харконнена и отдавал себе в этом отчет, ему пришлось назначить своего дальнего родственника Раднора на должность главнокомандующего. Раднор, отвратительный хам и садист, наводил такой ужас на своих и чужих, что на Каладане родители пугали его именем непослушных детей. Проявлять странные наклонности будущий полководец барона начал еще в раннем детстве: ради развлечения он давил ногами хомячков, жарил живьем, запихивал в микроволновую печь и сажал на кол голубей, засовывал в аквариум включенный кипятильник и бросал на оголенные провода кур. В тринадцать лет он на спор собственноручно отрезал электрической пилой голову пленному Атрейдесу. Доставалось от него и своим: в студенческие годы Раднор поехал на военные сборы в сельскую местность Гайди Прайма, и там его облаяла собака местного лесничего. Раднор отстрелил ей голову из ракетницы, а потом избил хозяина до полусмерти трупом собаки. Однако при всех его странностях и склонности к извращенной жестокости окружающие

признавали, что командир из этого человека был отменный. Мало того, что главнокомандующий Дома Харконненов являлся превосходным стратегом и организатором, так к тому же он еще и отличался незаурядной отвагой и умел поддерживать в армии идеальную дисциплину.

В те дни барон Харконнен, понимая, что скоро начнется новая война, начал с помощью Раднора быстро и оперативно подыскивать себе именно таких подручных, которых бы все боялись, потому что в противном случае, по мнению главнокомандующего, их Дом вполне мог бы погрузиться в полный хаос. Фейд полагал, что рассчитывать на абсолютную сознательность граждан правительство может лишь в том случае, когда на них наставлены базуки и огнеметы Радноровых гвардейцев, и ему не пришлось пожалеть о том, что он препоручил милому родственнику всю грязную и черную работу, которую тот, впрочем, выполнял с нескрываемым удовольствием. Как-то раз на Гайди Прайме приключилась серьезная неприятность: засланные Атрейдесами и Коррино агенты начали мутить народ и подговаривать людей к открытому выступлению против барона, умело впаривая населению всякую бурду о тирании и произволе со стороны властей, хотя Фейд, в отличие от своих коллег — тирана-самодура Ашиара Коррино, тирана-идеалиста Ахиллуса Атрейдеса и склонного к патологическому накопительству тирана Карно Ордоса, злоупотреблял властью и служебными полномочиями в разумных пределах. Искусственно сформированная вражескими засланцами оппозиция вскоре принялась устраивать в Харко-Сити несанкционированные антиправительственные митинги, но барон, будучи человеком умным, прекрасно понимал, что в его владениях никаких инакомыслящих быть не должно, так как неизбежным следствием их появления будут разброд и шатание в рядах подданных и ослабление вертикали власти, а также общей мощи Дома. Он приказал Раднору действовать, и тот, недолго думая, применил на практике один радикальный метод, а именно закидал оппозицию бочками с соком чернильника. После этого добрая часть горе-диссидентов отправилась на тот свет, а оставшиеся решили заткнуть язык в филейную часть тела и не связываться с садистом-главнокомандующим, тем паче что он вычислил вражеских засланцев и растворил их в кислоте. Другим эпохальным изобретением Раднора была циркулярная пила, над созданием которой работал и молодой инженер Мори Хэллек. Как-то раз некие уроды похитили сорок бочек спайсового пива из хранилищ самого барона; главнокомандующий быстро отловил пивных воров и подверг их смертной казни через расчленение циркулярной пилой. Теперь, когда назревала война за Дюну, Раднор поручил своим людям разработать усовершенствованные варианты катапульты, позволяющей метать во врагов бочки с соком чернильника, и циркулярной пилы, чтобы успешно применять их в открытом бою, и Мори Хэллек вместе с другими инженерами в настоящее время заканчивал трудиться над пробной партией.

— Скорей бы Джейнис вернулась, — сказал он, держа в руке ложку с супом. — Скучно мне без нее. Как ты думаешь, нас пошлют на Арракис?

— Если она сдаст все нормативы — обязательно, — уверенно ответила Бхет. — Тебя, думаю, тоже, ты же военный инженер и знаешь, как все эти штуки работают. Навешайте там Атрейдесам по первое число!

— Навешаем, — почти радостно произнес Мори, — у них армия очень слабая. Вернее, не то чтобы слабая в плане вооружения, но слабая морально. Они не столько воевать ходят,

сколько проповедовать мир и добро.

Бабушка недовольно скривилась. Для нее Дом Атрейдесов был довольно болезненной темой: много лет назад ее старший брат по идейным соображениям сбежал к герцогу, наплел ему всяких баек о невообразимых зверствах барона Владимира, и нанялся к Лето на службу. Некоторое время спустя Гурни погиб, выполняя какое-то идиотское задание падишаха-императора Пола Муаддиба. В детстве Бхет была очень привязана к брату, но его странная выходка была ей более чем непонятна, а после его смерти она стала ненавидеть всех Атрейдесов лютой ненавистью. Некий остроумный Харконнен сочинил на покойного герцога Лето Атрейдеса и его дружков жесткую сатиру под названием «Приключения Лето Атрейдеса в аду»; этот пасквиль пользовался на Гайди Прайме огромной популярностью и стал для Бхет Хэллек настольной книгой — женщина нашла в ней своего рода отдушину.

— У меня есть заветная мечта, — сказала она внуку. — Увидеть, как Раднор раздавит танком герцога Ахиллуса и его свиту!

— Думаю, это покажут по всем каналам, — злорадно усмехнулся Мори. — Однако я непременно передам командиру твое пожелание. Он с огромной радостью его выполнит!

— Ой, я же новости пропустила! — вдруг воскликнула Бхет, посмотрев на часы.

— Включи-ка их поскорее, а то в наше время надо знать, что в мире творится.

Мори нажал на кнопку пульта.

— ...таким образом, во владениях нашего Дома уходящая неделя обошлась практически без происшествий, — вещала с экрана симпатичная девушка-ведущая с сияющими глазами. — К другим новостям. Около часа назад мы получили сообщение о том, что ментат Дома Ордосов Эдрик О покончил жизнь самоубийством. Его обнаружили мертвым в собственной спальне — ментат выстрелил из пистолета себе в голову. По сообщениям наших информационных агентств, официальные представители Дома Ордосов пока не делали никаких официальных заявлений по этому поводу. Таким образом, причины самоубийства ментата остаются неясными.

— И чего его на тот свет потянуло? — недоуменно произнес Мори, глядя на экран, где в тот момент крупным планом показывали Великий Дворец Ордосов на Сигме Драконис.

— Наверняка руководство их Дома в очередной раз бедному ментату зарплату вовремя не выплатило, — злорадно усмехнулась бабушка. — Или вообще годами не платило, и он решил, что лучше уж пулю в башку, чем медленно подыхать от голода. Ты же ведь знаешь, что все Ордосы патологически жадные.

— На Ордоса не нужен нож: ему покажешь медный грош, и делай с ним что хошь, — молодой инженер вспомнил хулиганский стишок. — Говорят, они у себя на планете деньги в льдах прячут. Теперь мне понятно, почему их ментат в такой позорной одежде ходил — они на нем деньги сэкономили.

Бхет расхохоталась.

— Обрати внимание, что ордосский консул одет не лучше — что у него за хуйня со шлангом на голове и старый мешок в качестве балахона? У кого страсть к накопительству, тот вечно на себе экономит. Твой покойный дедушка, помнится, мне рассказывал, что был у него в деревне идиот-сосед. Этот хмырь держал забегаловку, продавал там всякую хрень — чай, пирожки, пиво. Естественно, человек он был состоятельный, народ к нему валом валил — все же кругом работали, а в обеденный перерыв покушать надо. Вместо того, чтоб нормальный дом себе купить или построить, он нашел на свалке фанеру и смастерил себе из нее хибару, а деньги в куче соломы на заднем дворе держал. Так что ты думаешь? Все его с таким трудом заработанные солярисы в один кошмарный день мыши съели!

Примечание к части

В старом варианте - "Железная дисциплина". Текст немного подправлен и изменен.

2. Ледяной герцог

Карно Ордос не хотел ни с кем разговаривать. Когда утром Эдрика О нашли с простреленной головой в собственной спальне, это повергло всех в невообразимый ужас и недоумение. Ни предсмертной записки, ни иного объяснения причин самоубийства. Еще вчера ментат разговаривал с приближенными герцога, был во вполне хорошем настроении, не выглядел ни угнетенным, ни подавленным, словом — вел себя как обычно, даже пару раз обмолвился о планах на ближайшие недели. Теперь же... лужа крови, мозги на полу и стенах, в окоченевшей руке трупа зажат пистолет, и опять же никакого — вообще никакого! — объяснения произошедшему. Никаких сомнений в том, что Эдрик именно покончил с собой, а не был убит, нет и быть не может, но что же тогда толкнуло ментата на, казалось бы, беспричинное самоубийство?

Экзекьютриксы, Даджер и Бетриккон, естественно, пытались что-то говорить своему герцогу, но Карно даже не слушал их, односложно отвечая на вопросы и пропуская половину мимо ушей.

— У меня меняется уже второй ментат за последние два года! — в итоге оборвал их глава Дома Ордосов. — Вам всем не кажется, что это не совсем нормально? Однако теперь мы все равно ничего не сможем с этим поделать. Поручаю вам в ближайшие двое суток со всем разобраться и найти нам нового ментата. За дело, а меня не беспокойте, мне надо побыть одному и все обдумать.

Герцогу было необходимо на некоторое время отгородиться даже от самых доверенных людей. Запершись в своих покоях, он сел на пол у дальней стены, положив голову на колени — только так он ощущал себя в относительном спокойствии и безопасности — и чувствуя в душе гнетущую пустоту и невыносимую тоску. Нет, он не был трусом или жалким нытиком — напротив, Карно всегда считался достаточно жестким человеком, настроенным на упорную борьбу, и враги его уважали. Однако сейчас ему не хотелось видеть даже Экзекьютриксов. В конце концов, если уж Эдрика теперь нет в живых, тут уже действительно ничего не поделаешь, пусть ищут нового ментата, в конце концов, поиск подходящих кадров — это их прямая обязанность.

Герцог понимал всю тяжесть сложившейся ситуации. Он был уверен, что смерть Эдрика не была случайной — ментат наложил на себя руки не из простой прихоти или из-за приступа хандры. Карно пришла в голову мысль, что, скорее всего, кто-то пытался через Эдрика начать копать под Дом Ордосов, но тот не захотел подставлять своих. Не захотел — и поплатился. Его вынудили убить себя, в этом герцог был уверен на все сто. Кроме того, он осознавал, что нынешнее положение его Дома было гораздо более угрожающим, чем у всех его соперников, втянутых в войну за Арракис. Да, его заклятый враг — барон Фейд Раута Харконнен — достаточно силен и жесток, однако наиболее страшная угроза для Ордосов исходила отнюдь не от кровожадных Харконненов или кажущихся безобидными наивно-лицемерных Атрейдесов.

Коррино. Дом Коррино.

Карно отлично осознавал, что именно Коррино представляют собой наибольшую проблему. Да, Ахиллус Атрейдес имеет достаточно сильную армию, но он наивен и глуп,

с ним можно будет легко договориться, а то и просто обдурить этого любителя играть в благородство. Да, Фейд Раута Харконнен жесток и безжалостен, но он, по крайней мере, прямодушен, и от него знаешь, чего ожидать. Совсем иное дело — подлый и вероломный Ашиар Коррино. О таких, как он, верно говорил покойный герцог Дьюрал: падишах-император принадлежит к той породе людей, которые ласково улыбаются в лицо другому, а потом с ледяным спокойствием всадят ему же нож в спину. Карно знал, что Коррино нельзя доверять, и еще больше укреплялся в мысли о том, что Дом Ордосов находится в серьезной опасности. Если Фейд относится к герцогу Ордосу просто как к очередному врагу на войне, то Ашиар еще и сумасшедший, к тому же он прекрасно помнит, как Карно, спасая свою жизнь и жизни своих подручных, убил Фредерика. В довершение всего падишах-император прознал о том, что его нелюбимая жена в юности посматривала на герцога отнюдь не как на друга — да и сейчас чувства не угасли...

Ашиар Коррино не только страдал паранойей, но и к тому же был одержим идеей расправиться с Ордосами, в этом Карно был уверен на все сто. Герцог снова оказался в таком положении, когда ему будет необходимо бороться за существование дома, не только сражаясь с давними врагами — Харконненами и Атрейдесами, но и отстаивая свое право жить в смертельной схватке с Коррино. В войне не армий, но хитрости, нервов и разума. Если бы от Ашиара можно было избавиться столь же легко, как от Фредерика! Однако новый повелитель галактики оказался далеко не так глуп, как его предшественник. Для начала он заметно усилил охрану во дворце и повелел службе безопасности не пускать непроверенных лиц не только в столицу ко двору Коррино, но и на Кайтэйн вообще. После этого он приказал сардукаркам сопровождать его везде и всюду — даже в туалет, видимо, и там параноику-императору мерещились камикадзе и снайперы. Карно несколько раз засылал шпионов на Кайтэйн, и полученная информация оказалась неутешительной — герцог понял, что взять и быстро устранить Ашиара ему не удастся. Придется драться, и драться на равных, а еще необходимо быть все время начеку, чтобы не упустить тот момент, когда Ашиар все-таки захочет ударить исподтишка.

Карно как будто физически чувствовал, как на него каменной горой наваливается чудовищный груз ответственности и напряжения. Эту войну ему нельзя проиграть — для всего дома Ордосов это вопрос жизни и смерти. Герцог был готов к борьбе, он не собирался сдаваться, и все же ему было очень страшно, хотя он и не хотел признаваться в этом даже себе — все-таки он мужчина и воин, а не трусливая старуха. Страшно за себя, за своих людей, за будущее Дома Ордосов — а есть ли у него, собственно говоря, будущее? Однако Карно верил, что надежда есть всегда: если его вынудят, он будет биться насмерть и постарается все же выиграть войну.

Примечание к части

В этой главе почти ничего не изменилось - исправлена пара стилистических огрехов.

3. Обратная сторона ЖЗЛ

Был теплый осенний вечер. Домочадцы и слуги герцога Ахиллуса Атрейдеса в его замке на планете Каладан постепенно готовились ко сну — все, за исключением самого главы Дома. Герцог был занят крайне важным делом, а именно промывал мозги своему пятнадцатилетнему сыну Кассиусу, который имел неосторожность в присутствии отца сказать пару слов в защиту отдельных представителей Дома Харконненов.

— Все равно я уверен, что и среди наших врагов есть вполне достойные люди, — уверенно возражал юноша. — Например, Абульурд...

— Оставь свои басни про Абульурда дедушке Эзопу, — возмущенно заорал на него разгневанный родитель. — Этот проклятый Харконнен работал на публику и только притворялся добрым и заботливым. Всем известно, что покойный сиридар-барон Дмитрий Харконнен был однозначно не совсем нормален, и у него родились соответствующие дети — злобный развратный Владимир и Абульурд, хитрый, лживый, жестокий. Выйдет, бывало, к народу, повещает немного, и все в восторге, сердца тают: ах, благородный брат барона, как он трепетно заботится о людях, как он печется о благе даже последней былинки! На деле же Абульурд был еще более кровожадным и изворотливым, чем его братец. Знаешь, что у него в доме творилось?

Испуганный Кассиус отрицательно замотал головой.

— Так вот, достойный представитель Дома Харконненов Абульурд организовал в подвале своего жилища целый комбинат по производству консервов для животных. На консервы же он пускал не кого иного, как пленных Атрейдесов и фрименов, а также собственных провинившихся подручных; потом он сбывал свои адские продукты на Гайди Прайме. Сиридар-барон Владимир, которого с братом на самом деле связывала очень тесная дружба, был посвящен в тайну Абульурда. Время от времени он сам кушал эти консервы и всю их нахвалялся; те из его приближенных, которые были в курсе, чем сводный брат барона и его супруга на самом деле зарабатывают на жизнь, только хихикали. Да будет тебе известно, сын мой, что сейчас грязное дело Абульурда продолжает не кто иной, как его внук Гансенг, проклятое отродье Зверя Раббана. Этот вообще в открытую целую фабрику соорудил. Раднор поначалу велел на Арракисе пленных не брать, так Гансенг орал так, что во всем Харко-Сити стены дрожали: как же, его дохода лишили! Теперь Раднор отправляет пленных — как наших, так и Ордосов — прямиком на ланкивейльскую консервную фабрику, а потом Харконнены кормят человеческим мясом своих домашних животных! — продолжал герцог Ахиллус. — В арестованных по обвинению во всех мыслимых и немыслимых преступлениях у барона Фейда, как ты сам знаешь, тоже недостатка нет — вот истинный сын своего отца. Пыточные камеры переполнены, куда девать излишек? Всем понятно: отдать племяннику на консервы!

Перепуганный на-герцог трясся от ужаса. Ему уже представлялось, как безумный Гансенг тащит к адскому конвейеру его самого.

— Да, отец, — покорно согласился Кассиус, — я признаю, что думал о Харконненах чересчур хорошо. Мне казалось, что везде есть достойные люди, просто у них порой нет

возможности себя проявить. Теперь я вижу, что жестоко ошибался.

— И еще, — добавил глава Дома Атрейдесов, — мне тут доложили, что ты несколько раз был в гостях у этой старой ведьмы Джессики. Так вот тебе мое родительское повеление: чтоб я тебя рядом с этим отродьем Харконненов больше не видел. Наведаешься к ней еще раз — вообще не выйдешь из дома.

— Хорошо, я не стану к ней ходить...

Юноша поклонился отцу и ушел в свои покои. Больше всего на-герцогу хотелось сейчас лечь в постель и заснуть глубоким сном без сновидений, хотя обычно он любил немного поваляться в кровати с книгой или порисовать пейзажи. Неужели леди Джессика лжет ему и все Харконнены именно такие, как говорит отец? Ему до сих пор с трудом верилось в то, что члены ее семьи ели человеческое мясо и делали из него консервы. Может, она специально завлекает доверчивого Кассиуса в хитроумно сплетенные сети, в страшную ловушку, из которой он не сможет выбраться при всем желании?

На-герцог лег в постель и попробовал заснуть, но сон не приходил. Слишком тяжелыми были его раздумья — тяжелыми даже для взрослого человека, не говоря уже о пятнадцатилетнем мальчишке. Нужна ли им эта война? Сейчас положение дел на Каладане оставляет желать лучшего. Денег Дому Атрейдесов не хватает, народ возмущен очередным повышением налогов, а все средства будут вбуханы не в строительство дорог и домов, а в подготовку солдат и разработку новых видов оружия. Долго ли они так выдержат? Насколько это необходимо? Когда Кассиус задал отцу этот неподобающий вопрос, герцог ответил, что война нужна непременно — на это есть две причины. Прежде всего следует подумать о спайсе. Спайс — это всеобщее достояние, и без него всем будет в высшей степени плохо. Мало того, лишь Дом Атрейдесов способен поделиться спайсом со всеми — в руках Ордосов или Харконненов это вещество превратится в средство обогащения, шантажа или навязывания своей воли. Если эти два Дома получают контроль над спайсом, остальные жители империи не увидят ни одного грамма драгоценного вещества и не получат ни единого соляриса. Во-вторых, хочет ли он, Кассиус Атрейдес, в случае победы Харконненов — а ведь она неизбежна, если Дом Атрейдесов не вступит в схватку за спайс, ведь Ордосы на порядок слабее их общих заклятых врагов! — того, чтобы жизнь всех обитателей Каладана, да что там — всех жителей империи превратилась в кромешный ад? Нет? Тогда он должен осознать, что каждый Атрейдес обязан убить хотя бы одного Харконнена. Обязан, потому что иначе Харконнены придут на Каладан и перебьют всех!

Воображение рисовало впечатлительному Кассиусу жуткие картины. Как они сами-то живут на Гайди Прайме, эти Харконнены? Там вечный мрак и отравленная атмосфера, по улицам постоянно ходят гвардейские патрули, и любого человека могут схватить, бросить в темницу или убить за просто так... На-герцог решил завтра же, несмотря на строгий запрет отца, пойти и поговорить с леди Джессикой, а то уже совсем запутался. Она казалась ему очень разумной женщиной и часто проливала свет на многое, что Кассиусу было непонятно.

На следующий день за завтраком герцог Атрейдес объявил сыну, что в скором времени на Кайтэйне ожидаются переговоры между тремя Великими Домами, собирающимися вступить в войну за Арракис, и на это мероприятие он непременно возьмет с собой Кассиуса — как-никак он будущий глава Дома Атрейдесов, и ему уже необходимо начинать вникать в различные государственные дела.

— Там будут представители и других Домов, а также сам падишах-император, поэтому ты, дорогой сын, внимательно слушай и запоминай все, что там будут говорить, если что-то будет тебе неясно — потом сможешь задать мне вопросы. Не забывай о хороших манерах, ты должен произвести положительное впечатление на всех окружающих, — с пафосом вещал Ахиллус. — К сожалению, туда приедут и дети нашего заклятого врага барона Харконнена, поэтому ни в коем случае не поддавайся на провокации — они непременно начнут задирать всех в Совете Домов, выродки Фейда известны своим отвратительным свинским поведением.

— Как вы прикажете, дорогой отец, — почтительно ответил на-герцог. — Для меня будет большой честью поехать с вами и присутствовать на этих переговорах. А матушка поедет с нами?

— Конечно, — Ахиллус благосклонно взглянул на герцогиню Фиону, которая аккуратно ковырялась в тарелке. — Все главы Домов приедут со своими женами.

— А Поликсена? У них же школу временно закрыли из-за той эпидемии.

— Ей это незачем, она же девочка, ее дело — учиться быть хорошей женой и хозяйкой дома, политика не касается женщин, поэтому твоя сестра останется на Каладане. Ты же будь осторожен и внимателен. Как я тебе уже сказал, не связывайся с баронскими отродьями. Я даже не представляю себе, насколько дурно нужно воспитывать детей, чтобы они так безобразно себя вели, — разочарованно протянул герцог, поправляя воротник рубашки. — Разговаривать тихо не умеют, хохочут в полный голос, сквернословят, на прошлом собрании Совета Домов засунули придворному музыканту живую крысу в балисет, грубят окружающим, обращаются к собственным родителям и ментату на «ты»! Омерзительно!

— О да, мой дорогой супруг, — герцогиня на мгновение перестала изображать из себя мраморную статую. — Чего же вы хотите от детей барона, если он сам женат на какой-то простолюдинке с Гайди Прайма! Как известно, дурное дерево не приносит хороших плодов.

— Совершенно с вами согласен, любезная леди Фиона, — ответил Ахиллус, — подобные браки совершенно ни к чему. Конечно, барон в пору своей женитьбы был молодым и сильным мужчиной, и ему необходимы были женщины, но брать девушку из заводского поселка в законные супруги вовсе не следовало. Он вполне мог бы обеспечить ее достаточной суммой денег, чтобы она ни в чем не нуждалась, и забыть о ней, а в жены взять дочь главы какого-нибудь Великого Дома, воспитанницу ордена Бене Гессерит или девушку, окончившую специальный закрытый лицей для юных леди благородного происхождения. Так, по крайней мере, он бы мог упрочить свое положение, заключить выгодный союз и обзавестись супругой с хорошим образованием и манерами. Мне этот

его поступок кажется более чем странным. Когда Кассиусу придет время вступить в брак, мы сами подберем ему невесту, поскольку всем известно, что по любви жениться не следует.

Барон Фейд Раута Харконнен, в отличие от своих заклятых врагов, был давно и счастливо женат, у него было шесть сыновей и пять дочерей. Где-то через год после смерти своих отца и дяди он поехал вместе со своим ментатом Янихом Кобалом инспектировать у себя на Гайди Прайме завод, где тайно производили ядерные боеголовки. Там ему сильно приглянулась дочь начальника этого предприятия — Нирием. Отказывать барону во внимании она, понятное дело, не стала, причем не только потому, что это был сам глава Дома Харконненов, но и потому, что он ей тоже понравился. Спустя где-то четыре месяца после посещения завода до службы охраны барона дошли слухи о том, что Горус, отец Нирием, сильно сокрушается по поводу того, что их повелитель провел себе хорошо время и пошел своей дорогой, а у девушки теперь неприятности, потому что воспитывать ребенка одной тяжело, пусть они люди и не самые бедные. Верный Раднор, который в ту пору только начинал свою военную карьеру, быстро разыскал смутьяна и приволок его в Убежище Харконненов. Горус успел уже сто раз мысленно посетовать на свой длинный язык — не стоило им трепать, подумаешь, ребенок, ну вырастили бы как-нибудь! — но все пошло совсем не так, как он ожидал. Ментат барона, человек весьма неглупый и здравомыслящий, задал главе Дома Харконненов вопрос:

— Мой повелитель, если уж подвернулся такой случай..., а не задумывались ли вы о том, чтобы обзавестись баронессой? Во-первых, у вас будет статус женатого человека, и всякие богомерзкие гессеритки уже не будут особо пытаться лезть к вам в постель. Во-вторых, наследник Дома сильно упрочит его положение, а если он будет еще и не один, это вообще замечательно. В-третьих, Нирием — женщина красивая, да и вы ей, как я мог заметить, понравились, к тому же и не бесплодная.

Фейд Раута Харконнен очень ценил советы Яниха; поразмыслив пару минут, он пришел к выводу, что ментат дело говорит. Через месяц Нирием стала баронессой Харконнен, а Горус — тестем барона; еще через четыре месяца на свет появился наследник Дома — на-барон Ксенар, красивый здоровый ребенок, очень похожий на своих родителей. Меньше чем через год у барона и баронессы родился второй сын — Норэт; с ним у дедушки оказалось связано немало неприятных переживаний, потому что малыш был подозрительно не похож ни на папу, ни на маму. Горус сильно испугался, поскольку совсем не хотел лишиться тех привилегий, которые ему обеспечивало родство с бароном, и намекнул Фейду, что подозревает Нирием в супружеской неверности. Однако зять, вопреки его ожиданиям, сильно разозлился и велел родственнику заткнуться и не молоть чушь.

— Что за ахинею ты вбил себе в голову! — кричал на него сиридар-барон. — Такого не могло быть, потому что не могло быть, и точка! Только посмей еще раз сказать мне про мою жену что-нибудь подобное, и я тебя живьем сварю в кипящем масле! Как тебе не стыдно оскорблять такими речами собственную дочь! Жена барона Харконнена вне любых подозрений, мы тут тебе не Атрейдесы и не Коррино!

— Это действительно чушь, — поддержал главу Дома Харконненов Яних Кобал. — Я же

постоянно рядом с бароном и вижу, что они с баронессой все время вместе и каждую ночь проводят вдвоем в спальне. Где, по-твоему, госпожа Нирием могла изменить мужу — прямо у него на глазах?

— Тогда почему Норэт такой черненький и сероглазый, если родители у него оба рыжеволосые и голубоглазые? — растерялся Горус.

— А кто знает, как там кровь нашего рода могла себя проявить. Мой славный предок Ксавьер Харконнен, например, был темноволосым. Его внук Абульурд — тоже. У старшего сына Абульурда, если верить хроникам, были черные волосы. Что тут кого еще смущает? — пояснил барон Фейд, ясно дав всем понять, что тема закрыта.

Норэт был довольно болезненным ребенком — баронесса во время беременности даже надолго лежала в больницу на сохранение, а потом малышу пришлось делать какую-то сверхсрочную операцию на сердце, но его отец, как ни странно, не выказывал по этому поводу никакого недовольства, что однозначно сделали бы представители других Домов, непременно возложив вину за болезнь сына на супругу. Потом у четы Харконненов родились еще дети, чему барон был чрезвычайно рад, чего не скажешь о его недруге Ахиллусе Атрейдесе — у него дурно воспитанные и чрезвычайно шумные юные представители враждебного Дома не вызывали ничего, кроме омерзения и плохо скрываемой ненависти.

Сам герцог Атрейдес женился, естественно, по расчету, как это и было принято у них в роду испокон веков. Поначалу он, надумав обзавестись герцогиней, сделал несколько отчаянных попыток породниться с каким-нибудь из других Великих Домов. С этой целью он нанес визит сначала Ришезам, потом Эказам, после этого еще нескольким Домам достаточно высокого ранга, затем куда более бедным и жалким Бендау, а под конец, видимо, отчаявшись, так вообще захудалому Дому Оссиан, имевшему только один мандат в Совете, но везде получил отказ различной степени грубости. Например, глава Дома Ришезов вообще не пустил герцога на порог.

— Помнится мне, с вашим почтенным родственником Паулем произошел несчастный случай из-за его чрезмерного пристрастия к спиртному, — сказал он. — Будучи нетрезвым, он подошел к дикому быку на опасное расстояние, и тот забодал его насмерть. Наш Дом от всей души посочувствовал вашей потере, тем более что овдовевшая герцогиня Елена принадлежала к нашему роду, и даже предложил помощь в организации похорон и поминок, однако вы отплатили нам за это черной неблагодарностью. На Совете вы опозорили нас и нанесли нам в присутствии других Великих Домов совершенно абсурдное оскорбление, обвинив нас в том, что это мы убили герцога Пауля, да еще и по приказу барона Харконнена. Видимо, мы насильно внушали ему желание напиваться до полусмерти. При чем тут был барон Владимир, я до сих пор не могу взять в толк. И после этого вы просите руки моей дочери? Я не желаю видеть вас в своем доме — ни сейчас, ни впредь. Потрудитесь убраться вон!

Глава Дома Эмар, церемонно извиняясь, вежливо объяснил Ахиллусу Атрейдесу, что его дочь уже просватана за наследника рода Валлах.

Больше всего незадачливого жениха удивило поведение графа Оссиана.

— Вы оказываете мне честь своим предложением, достопочтенный герцог Атрейдес, — вежливо начал тот, — однако у меня только один ребенок, и я хотел бы, устраивая ее судьбу, быть уверенным в том, что у нее все будет хорошо. К сожалению, я вижу, что вы пришли ко мне, движимый отнюдь не любовью и мечтой составить счастье моей дочери, а исключительно расчетом. Вы даже не изъявляете желания познакомиться с ней поближе, поскольку вам в принципе неинтересно, что она за человек, и по этой причине я вынужден вам отказать.

Ментат Дома Атрейдесов Калинар Колтрас сказал герцогу Ахиллусу, что в Ландсрааде у него однозначно завелся недоброжелатель, который настраивает против него остальные Великие Дома, и даже сообщил, кого подозревает — по его мнению, Атрейдесам исподтишка гадил граф Фарран, глава Дома Икс и сын Ромбура Верниуса, однако герцог только отмахнулся от ментата.

— Что за нелепости вы говорите, мой дорогой Калинар! — воскликнул он. — Это совершенно невозможно! Куда девалась ваша знаменитая мудрость, если вы утверждаете подобное! Дом Икс всегда был нашим союзником, а граф Фарран — наш верный друг! Он искренне посочувствовал моей неудаче и сказал, что с радостью отдал бы мне в жены свою дочь, но она, к сожалению, еще не достигла брачного возраста! Наверняка все это происки хитрых Ордосов либо злобных Харконненов, может быть и так, что все просто завидуют немеркнувшей славе нашего Дома!

Ментат решил больше не спорить с герцогом и только покачал головой — ему эта иксианская лисья морда давно не внушала никакого доверия. Более того, он сильно подозревал, что Фарран Икс беззастенчиво врет, уверяя своего мнимого друга Ахиллуса в том, что давно и окончательно завязал с запрещенными технологиями и встал на путь исправления.

К сожалению, тут Калинар Колтрас не ошибся: глава Дома Икс, в отличие от своего великодушного и благородного отца Ромбура, был человеком в высшей степени злобным, лживым, скрытным и мстительным. Атрейдесов он тихо ненавидел и мечтал отплатить им за безвременную смерть своей тетки Кайлеи. Его жена, Чарген из дома Орзаба, тайно симпатизировавшего Харконненам, всячески поддерживала мужа, когда он поделился с супругой своими планами; она посоветовала ему на публику изображать из себя друга и союзника герцога Ахиллуса, а чем он там занимается тайно — никого не касается. Естественно, ставить главу Дома Атрейдесов в известность относительно того, что Дом Икс продолжает разработки всякой мерзопакости, Фарран не собирался. Более того, узнав о предстоящей войне за Арракис, он предложил свои более чем дорогостоящие услуги заклятым врагам доверчивого безмозглого Ахиллуса.

— Превосходная идея, — радовалась графиня Чарген, — предлагаю продать наши разработки Дому Ордосов, они платят больше, чем Харконнены, да у тех к тому же и так оружия полно, говорят, что даже ядерного. Мы с тобой денежек подзаработаем, а эти придурки пусть поубивают друг друга для нашего же блага!

— Верно мыслишь, милая, — согласился с ней граф Фарран, — мы повеселимся на славу, наблюдая полный разгром и окончательное падение Дома Атрейдесов! Эти подлые люди

заслуживают худшего! Мерзавец Лето воспользовался беспомощным положением моей тетки, соблазнил ее, попользовался, а потом решил, что имеет полное право измываться над ней как угодно, и довел ее до самоубийства! Ну ничего, его поганые родственнички у меня попляшут!

Ментат Дома Икс позволил себе не согласиться с графом, сказав, что нынешний герцог Атрейдес вообще-то не несет никакой ответственности за то, что вытворял в прежние времена его родственник, которого он наверняка и не видел-то ни разу, однако Фарран придерживался совершенно иного мнения.

— Как гласит древняя поговорка, скорпион своих привычек не меняет, — возразил он ментату. — История Кайлеи ничему их не научила, они по-прежнему живут по принципу, что жениться надо по расчету, а в любовницы сгодятся грязные фрименки, простолюдинки и беззащитные сироты без роду и племени, за которых некому заступиться. Был я на Каладане, видел на-герцога Кассиуса, хороший мальчик, воспитанный, неглупый, но наверняка ж ему родители ту же самую мерзость в голову вбивают. Вот я, например, женат и счастлив в браке, у меня три сына и дочь, но графиня Чарген — моя первая и единственная женщина, до свадьбы с ней я не шлялся налево и направо и считаю, что это вовсе не обязательно.

— Правильно, — поддержала его жена, — распущенность не украшает человека, а представитель знатного рода должен помнить о том, что положение обязывает, и всячески за собой следить, потому что он подает пример своим подданным!

— А герцог Лето был воистину хорошим примером для подражания, лучше некуда, — язвительно ответил граф. — Одним словом — подлый ублюдок. Кстати, обрати внимание, с кем он все время осуществлял свои скотские потребности: с теми, у кого нет влиятельных родственников и кто никому не нужен. Попробовал бы он соблазнить дочь Альманов или Ришезов, так его живо приперли бы к стенке и обязали жениться. Кайлее было просто некуда деваться, Джессика долгое время вообще не знала, кто ее настоящие родители, вот этот подонок с ними и веселился. Знал бы покойный барон Владимир, что Джессика — его дочь, он бы устроил гаду кровавую баню гораздо раньше! Поэтому герцога на мыло, может, хоть Кассиус одумается, хотя это маловероятно, с таким-то папашей.

Герцог Ахиллус же, столкнувшись с невозможностью обзавестись супругой, равной ему по положению, обратился за помощью к своим верным прислужникам на Каладане, и они быстро сосватали ему красивую и благовоспитанную девушку Фиону из приличного семейства с хорошей репутацией. Она родила герцогу двоих детей — Поликсену и Кассиуса, и теперь юному наследнику Дома Атрейдесов предстояло отправиться на первое в его жизни заседание Совета Домов.

С трудом досидев до конца завтрака, Кассиус, которому было очень скучно выслушивать наставления отца, соврал родителям, что пойдет к себе в комнату почитать учебник по истории галактики, чтобы настроиться на соответствующий лад, однако вместо этого, накинув на себя темный плащ с капюшоном, потихоньку вылез в окно и отправился к леди Джессике.

Ненависть!

Пей — переполнена чаша!

В. Высоцкий. Баллада о ненависти

Добравшись до спрятанного в густой роще небольшого двухэтажного дома из оранжевого кирпича, на-герцог постучал в дверь. Ему открыла уже не молодая, но все еще очень красивая женщина с длинными волнистыми медно-рыжими волосами, кое-где уже тронутыми сединой, одетая в простое черное платье.

— А, Кассиус? Привет, заходи. Что ты сегодня такой расстроенный? Опять родители накричали?

Юноша нахмурился — Джессика попала в точку.

— Ну да. Я посмел при отце сказать, что ваш дядя Абульурд был достойным человеком, так он мне ответил, что о таком и думать-то нельзя. А теперь везет меня на Кайтэйн, на заседание Совета Домов, и целый час рассказывал мне за завтраком, как нужно себя вести и что делать. Еще и тетрадочку велел с собой прихватить, чтобы я там все записывал и конспектировал, а потом вопросы задавал. Угораздило ж меня родиться в семье герцога! Говорят, дети барона Харконнена — те еще хамы, но временами я им завидую: наверняка отец не отслеживает каждый раз, достаточно ли культурно и прилично они высморкались в платочек.

— А про пирожки и консервы из мяса военнопленных он тебе не рассказывал, нет?

— усмехнулась женщина и по тому, как вздрогнул Кассиус, поняла, что снова не ошиблась.

— Да, — подтвердил он. — Я пришел к вам посоветоваться, только не говорите никому, что я у вас тут был, потому что иначе отец меня приберет. Он мне запретил с вами видаться, я ему слово дал, что не буду, но пришлось его нарушить, хоть это и очень нехорошо, потому что мне не с кем больше поговорить...

— Кассиус, успокойся, садись, — она указала ему на стоявшее возле накрытого красной скатертью стола бархатное кресло с вытертой спинкой. — Объясни спокойно, что тебя так тревожит? Боишься опозориться в Ландсрааде — что поведешь себя как-то не так, а родители опять отчитают?

Из сбивчивого рассказа своего юного собеседника она поняла, что любящий папочка в очередной раз запугал его не только тем, что тот может повести себя неправильно в приличном обществе и что-то перепутать в длинном списке хороших манер, но и страшными историями про Харконненов.

— Вот поэтому мне и не очень хочется туда ехать, — подытожил Кассиус. — Отец говорит, что они непременно попытаются спровоцировать всех на перебранку или что

похуже, а я боюсь, что что-нибудь не так отвечу и всех подведу. Или не отвечу, а мне потом скажут, что я испугался.

— Относительно истории с консервами я тебе могу прямо сказать, что это чушь, — ответила ему Джессика, — мне еще про пирожки с человечинной историей рассказывали, которыми старший брат барона Фейда якобы посла Ришезов угощал, но это уже полный бред, и я не знаю, в чьем воспаленном мозгу и под влиянием каких психоактивных веществ он родился. Однако если мы отвлечемся от всяких глупых баек, которыми отец непонятно почему стал забивать тебе голову, то я скажу тебе вот что. Поразмысли об этом на досуге. Как ты сам знаешь, я с Харконненами, хотя они по сути являются моими кровными родственниками и моей семьей, в силу жизненных обстоятельств почти не общалась — отца, например, только видела пару раз вживую и слишком поздно узнала о том, кем он мне приходится. Моя дочь Алия как-то раз уже после замужества рассказала мне кое-что о своем супруге, генерале Радноре — правда, довольно осторожно, она до сих пор опасается, что я не пойму и не одобрю ее выбор. Его родители умерли довольно рано, препоручив его заботам своего дальнего родственника и моего отца, барона Владимира. Вопреки распространенному мнению, отношения в семье у Харконненов были всегда очень хорошие, и Владимир был сильно привязан к своему младшему брату Абульурду, но Глоссу Раббану, Фейду и Раднору они с детства вбивали в голову одну мысль: мы вдвоем против целого мира. Когда вы станете взрослыми — с вами будет то же самое: никто не будет вас любить, все будут ненавидеть вас только за то, что вы Харконнены, а поэтому помните об этом и держитесь друг за друга, доверяйте только друг другу. Если вы не сожрете окружающих — они сожрут вас, а потому вы должны внушать всем не просто страх, а дикий ужас. Другие Великие Дома не уважают нас? Тогда пусть боятся! Алия как-то обмолвилась о том, как Абульурд воспитывал маленьких Фейда и Раднора: приводил какого-нибудь пленного или проштрафившегося, вкладывал детям в руки относительно легкий пистолет и говорил: убей. Если ты настоящий Харконнен — ты не имеешь права быть добрым и милосердным к врагам. Если ты настоящий сын нашего рода — докажи! Если ты не убил и не изувечил никого безо всякой жалости, ты подведешь весь Дом, потому что станешь слабым и уязвимым. Наверняка сейчас все пошло по новому заходу, и Фейд, Раббан и Раднор внушают то же самое своим детям. Вот примерно так... не думаю, что тебе это чем-то поможет, если мои любезные двоюродные братья и в самом деле устроят дебош и перебранку во время заседания Совета Домов, но, по крайней мере, прольет хоть какой-то свет на то, почему они ведут себя именно так, а не иначе. А вообще — если что-то такое будет происходить, то не отвечать, прикинуться дохлой мышью и оказаться трусом в глазах герцога для тебя будет гораздо лучшим решением, чем отвечать, строить из себя героя и в итоге схлопотать пулю в лоб. От моих родственников, когда они сильно разойдутся, всего можно ожидать. Иногда мне тоже кажется, что родиться сыном простого рыбака или уборщика — куда большая удача, чем быть сыном герцога. Чаю хочешь?

— Спасибо вам, леди Джессика, — Кассиус нервно взглянул на часы, — только я все-таки побегу, пока меня дома не хватились. Хорошо еще, что ваших внуков сегодня нет и никто меня тут с вами не видел, а то отец мне задаст, если узнает, что я снова с вами разговаривал.

Уже в дверях на-герцог обернулся и спросил:

— А что вы думаете по поводу того, что не стоит жениться по любви?

Джессика печально вздохнула.

— Не калечь свою жизнь и не повторяй чужих ошибок.

Примечание к части

Эта глава практически не изменилась, исправлена одна фраза.

4. Ландсраад - Совет Домов

Не успел глава Дома Ордосов относительно прийти в себя, как вечером того же дня в дверь его покоев кто-то постучал. Мысленно выругавшись, он решил, что не пойдет открывать — в конце концов, он же всех предупредил, чтобы его не трогали, наверняка кто-то просто ошибся. Однако стук раздался снова — уже более настойчивый. Проклиная наглого посетителя, он повернул ключ в замке. На пороге стояла темноглазая девушка с заплетенными в косичку темно-русыми волосами, на лбу у нее была золотая диадема с розовато-красным камнем.

— Здравствуйте. Я Рома Атани. Мне сказали, что вас можно найти здесь...

Герцог изумленно воззрился на незваную гостью, в глубине его изумрудных глаз заплясали злые огоньки.

— Ты кто вообще такая?

Девушка растерялась.

— Вы мне и договорить не дали! Я же ваш новый ментат...

— Быстро же они обернулись, — произнес он, имея в виду своих подручных.- Вот и замечательно. Иди к Совету Экзекьютриксов и решай все необходимые вопросы с ними, а меня, пожалуйста, по возможности сегодня не беспокой, странно, что тебя об этом не предупредили, — с этими словами герцог, коротко кивнув, закрыл дверь в свои покои перед носом растерянного ментата.

*Человек я простой и скажу не таясь,
Что такой красоты не видал отродясь...*

«Летучий корабль»

*Наш Дом обходят люди за километр,
Нас вся галактика боится как огня...*

Заседание Совета Домов по поводу предстоящей войны за Арракис должно было начаться ближе к вечеру на Кайтэйне в главном зале Ландсраада, или Совета Домов. Солнце уже медленно опускалось за горизонт, когда к огромному зданию, окруженному величественными стенами, принялись постепенно подтягиваться делегации различных Великих и Малых Домов. Многие их главы и представители приехали с женами, детьми и приближенными, все явились в парадной одежде, некоторые, в том числе Дом Харконненов, даже в военной форме. Кьель, четвертый сын барона Фейда, поначалу был очарован красотой открывшегося ему зрелища — он в первый раз был в столице империи, однако когда они подъехали чуть ближе к зданию, то увидел, что длинные высокие стены, со всех сторон обступавшие Ландсраад, были по сути дела банальной профанацией и стилизацией — это были обычные железобетонные блоки,

разрисованные под каменную кладку.

— Тьфу ты, — недовольно пробурчал он. — Я думал, тут все так круто, а это что за фигня? Такую любая деревенщина себе на участке смастерит.

— Пожалел Коррино бабла, жадный шакал, — злобно засмеялся Раднор. — А вы говорите — Ордосы, Ордосы... Тут еще неизвестно, кто жаднее. Хотя изысканные одеяния этих замороженных опарышей так вообще выглядят так, словно они откопали их на свалке.

— Это ты им льстишь, лохмотья со свалки по сравнению с нарядами Ордосов выглядят как парадные платья, — возразил ему на-барон Ксенар. — Мне вот интересно: а чего они все под своими погаными масками прячутся?

— Предлагаю снова немного похулиганить, — сказала Тейна, старшая из дочерей барона Харконнена. — Ваша идея с крысой на прошлом заседании Ландсраада мне очень понравилась, особенно было весело, когда музыкант упал в обморок, крыска побежала на стол и насрала ментату Атрейдесов в закуски, а тупая гессеритка Элара орала как резаная, никогда бы не подумала, что представительница этого хваленного ордена боится серой тварьки с хвостиком, но в этот раз неплохо было бы замутить что-нибудь новенькое и оригинальное. Я бы предпочла устроить там стрелковый тир с живыми мишенями, но это уже чересчур. Поэтому нужно придумать что-то более безобидное, но тоже забавное.

— Ты намекаешь на то, чтоб я с какого-нибудь Ордоса сдернул маску? — спросил ее старший брат. — Будет сделано, заодно и полюбуемся, на что они похожи.

— А я мышей с собой привезла, — поддержала его Тейна. — У меня мышеловка с шестью мышами в сумке. Давай кинем парочку долбанутым Атрейдесам в тарелки?

— Мыши живые или дохлые?

— Живые.

— Отлично. Двух Дому Атрейдесов в тарелки, остальных Ордосам за шиворот, вот они быстренько и снимут свои мерзкие лохмотья и маски, не стыдно же в таком на люди выходить, — барон сам вовсю веселился, слушая детей.

— Только ты и в самом деле не начинай там прямо в зале стрелять, — с опаской покосился на племянницу Глоссу Раббан, старший брат барона. — Вот разгромим Сигму Драконис и Каладан, тогда и постреляешь. Можешь еще разморозить замороженных опарышей при помощи огнемета, наверное, классная будет развлекашка. По правилам ландсраада, приносить с собой табельное оружие для красоты можно, а вот палить из него уже не нужно.

— Да ладно, дядя, не такая ж я дура, — махнула рукой Тейна; старший сын Раббана, Копек Харконнен, был довольно глуповат и время от времени допускал неуместные выходки, поэтому у его отца уже вошло в привычку постоянно предостерегать младших

родственников от особо необдуманных поступков. — А если мы, например, знамя Дома Атрейдесов подожжем, нас за это не оштрафуют?

— Оштрафуют — заплатим, — ответил Раднор. — Однако я бы не стал отказывать себе в таком удовольствии. Давайте будем считать штраф платой за развлечение. Жалко, что замок герцога Ахиллуса поджечь пока нельзя. Вместе с обитателями.

— А давайте сразу Ландсраад подожжем, — глумливо ухмылялся Норэт. — Во будет Атрейдесам и Ордосам шикарный погребальный костер и братская могила, и к тому же какая экономия — и яму на кладбище копать не надо, и гроб заказывать.

— Да успокойтесь вы, — прикрикнул на них барон. — Будет у вас еще возможность всех спалить живьем, не откажете себе в этом удовольствии. У меня не семья, а какое-то сборище пироманов!

— Огонь завораживает, обожаю на него смотреть, — парировала Тейна.

Когда делегация Дома Харконненов вышла из транспортника и направилась в здание, Къеля, который до поездки думал, что в столице империи все блещет роскошью, ждало очередное жестокое разочарование. Внутри Ландсраад оказался довольно обшарпанным и напоминал скорее заброшенный завод с Гайди Прайма: штукатурка и краска на стенах облупились, а коридор, пусть и устланный в честь почетных гостей красной дорожкой, освещался только парой грязных пыльных светильников — баронесса даже тихо выругалась, сказав, что жадный шакал Коррино наверняка мечтает о том, чтобы кто-то из его почетных гостей споткнулся в этом полумраке и разбил себе рожу. Однако Зал Совета произвел на барона и его семью достаточно приятное впечатление — тут уж падишах-император однозначно не пожалел денег: стены были выкрашены в золотой цвет, потолок украшен белой лепниной, а колонны завешены драпировками из темно-красного бархата. Десятка три роскошных огромных хрустальных люстр освещали просторное помещение, а через высокие фигурные окна внутрь еще проникал розовато-оранжевый свет заходящего солнца.

В центре зала для делегаций враждующих Домов было приготовлено три больших стола — Ашиар, судя по всему, оказался то ли умнее, то ли осторожнее своего предшественника и решил больше не сажать заклятых врагов рядом. Барон, усмехнувшись, поделился этой мыслью с Раднором; в ответ на это главнокомандующий Дома Харконненов только гнусно хмыкнул.

— Это им не поможет. А если поможет, то ненадолго.

Служитель указал барону и его спутникам на большой богато накрытый стол рядом с колонной, украшенной знаменем Харконненов. Их недруги Атрейдесы сидели прямо напротив — герцог Ахиллус, его жена Фиона, худенький черноволосый подросток лет четырнадцати-пятнадцати — их сын Кассиус, ментат и несколько приближенных главы Дома.

— Приперся, свинья надутая, — прошипел Фейд, со злобой косясь на Ахиллуса Атрейдеса; вид у него был такой, что он бы с наслаждением удавил врага его

собственными кишками прямо здесь. — Между прочим, у этих грязных тварей десять мандатов в Ландсрааде, у замороженных опарышей семь, а у нас только пять, и добавлять нам голоса шакал Коррино явно не собирается, хотя мы его и его долбаных предшественников уже не раз об этом и прямо просили, и намекали.

— Жалко, что нельзя в них гранату бросить, — шепотом ответил ему Раднор. — Мозги по стенам вместе с устрицами в соусе как искры разлетятся. Ну ничего, доберусь до гада — отрублю ему руку с герцогским кольцом и заспирую в банке как трофей, а череп нацеплю на ограду нашей цитадели! Ладно, садимся за стол, жрем, пьем, делаем вид, что все в порядке, и до поры до времени не привлекаем к себе внимания.

Герцог Ахиллус, увидев, как его ненавистники рассаживаются по местам, культурно отложил в сторону вилку и обратился к Кассиусу.

— Итак, дорогой сын, смотри внимательно — это и есть самый отвратительный и жестокий из всех Великих Домов. Харконнены. Наши заклятые враги.

Юный на-герцог поднял глаза от тарелки со сливочным тортом и с опаской посмотрел на стол напротив. Отец принялся подробно рассказывать ему, кто есть кто.

— Вон те двое, — он указал на крепкого сложения рыжеволосых мужчин, сидевших во главе делегации Харконненов, — барон Фейд и его брат, Зверь Раббан, хотя Зверем было бы правильнее прозвать вон того типа, который сидит по левую руку от Раббана. Это Раднор, главнокомандующий Дома и самый омерзительный и жестокий из всех Харконненов.

Кассиус насторожился: с виду этот человек с собранными в хвост прямыми волосами цвета темной меди и утонченными аристократическими чертами лица, одетый в парадный мундир вражеского Дома, казался вполне безобидным — сидел себе в наушниках и слушал плеер. Некультурно, конечно, но не так уж ужасно...

— Раднор — настоящее чудовище, — продолжал герцог. — Он собственноручно убил тысячи людей и постоянно изобретает самые что ни на есть изуверские способы казней, например, распиливает пленных и провинившихся пилой на части! По сравнению с ним Раббан — невинный младенец! Кроме того... вон та рыжеволосая женщина — жена барона Фейда, Нирием, я даже баронессой-то ее назвать не могу, она обычная деревенская девица, которая волей случая пробралась в высшее общество. Хотя ей уже и деваться было некуда — там позор был неимоверный, ее с огромным животом под венец провожали. Жена Глоссу Раббана — госпожа Ирулэн Коррино, думаю, ты ее узнал. У ее отца были одни дочери, но не было сына, и в итоге у него, как ты помнишь из учебника истории, отняли власть и трон. После смерти своего мужа, благородного Пола Муаддиба, леди Ирулэн осталась на улице и без гроша за душой — отец не оставил ей наследства. Она была вынуждена выйти за первого, кто предложил, а этим первым оказался проклятый Харконнен. Говорят, что Раббан колотит жену по чем зря, если она осмеливается ему перечить. Однако это еще не самое страшное, он-то хотя бы честно предложил леди Ирулэн брак. А вот монстр Раднор женат на госпоже Алии Атрейдес.

— Какой ужас, — растерянно пролепетал Кассиус. — И как же она...

— Он увидел ее на Арракисе. Будучи потрясенным ее необычайной красотой, он понимал, что у него мало шансов честно заполучить леди Алию в свои грязные лапы, а потому придумал очередной дьявольский план. Он в компании со своими головорезами подстерег ее в укромном месте, накачал наркотиками и снотворным, тайком увез на Гайди Прайм и там зверски над ней надругался. Когда она полностью пришла в себя и поняла, что случилось, ей больше ничего не осталось, кроме как выйти замуж за этого выродка, чтобы скрыть свой позор — как-никак ее воспитывали в строгих правилах Дома Атрейдесов. Вон те наглого вида юноши и девушка с косичкой — сыновья и дочь барона Фейда. Ксенар, Норэт, Кэйлин, Кьель и Тейна. Говорят, что баронесса нагуляла Норэта не от него, и тот ее едва не убил, но постарался замять дело и побоялся публичного скандала, решив, что все равно воспитает из ребенка настоящего Харконнена.

— Похоже, что слухи правдивы, — церемонно вставила герцогиня, — этот баронский выродок совершенно не похож ни на отца, ни на мать.

Сам Раднор, давясь от смеха, в это время делал вид, что якобы слушает музыку. На самом деле он, пристроившись в хвосте своей делегации, незаметно прицепил крошечное шпионское устройство, передававшее информацию на псевдо-плеер, врагам на скатерть и теперь веселился, не переставая удивляться бурной фантазии герцога Ахиллуса.

— Ну, что там вещает наш ястреб недощипанный? — поинтересовался барон. — Думаю, вскоре пора отправить его в суп.

— А все как всегда, — хихикнул Раднор. — Чего только о себе не узнаешь, стоит послушать этого хмыря, и не лень так срать в мозги собственному ребенку. Госпожа баронесса — деревенская девка, недостойная даже того, чтобы на нее падал взгляд нашего гордого утырка, Раббан дубасит Ирулэн, а я, оказывается, накачал Алию наркотиками, изнасиловал и заставил выйти за меня замуж. Норэт, понятное дело, не ваш сын — эту сказку я уже много раз слышал. Ну ничего, пусть плетет свою ахинею, как только представится возможность — я его самого попилю электрической пилой. Тупой, ржавой и не включенной в сеть. Я ему покажу, как наш Дом позорить и распускать грязные слухи! Вроде бы герцог, а ведет себя, как старая бабка — хлебом не корми, дай почесать языком о соседях!

Барона перекосило от злости.

— Вот скотина. Да если Раббан Ирулэн врежет — он же ее убьет с одного удара. Думал бы хоть, что несет. У него маразм от незнания анатомии человека, плохо, когда кто-то вообще в школе не учился и вместо этого дома с мамками и няньками балду пинал.

Атрейдесы, даже не подозревая о том, что их разговоры записываются, продолжали увлеченно поливать врагов грязью.

— Интересно, что у него в наушниках вместо музыки играет, — вставил тем временем ментат Калинар Колтрас. — Вопли замученных жертв?

— А как вульгарно барон нарядил женщин своего Дома, — добавила герцогиня Фиона.

— На мой взгляд, военная форма подходит только мужчинам. Девушка же в мундире выглядит просто отвратительно — да еще и с оружием!

— Кстати, я читал о том, что красное с серым очень любят носить люди, которые уверены в том, что все сойдет им с рук, — добавил Тирус, главнокомандующий Дома Атрейдесов.

Кассиус бросил беглый взгляд на Тейну Харконнен: у дочери барона с собой было лазерное ружье. Его передернуло от ужаса — а что, если ей взбредет в голову начать стрелять по врагам?

— Вон те три молодых человека рядом с Раббаном, — сказал герцог Ахиллус, — его сыновья. Двое рыжих — Копек и Ракан, а тот, у которого волосы почти светлые — Гансенг. Самый умный и жестокий из племянников барона. Мальчишка рядом с Раднором — его сын Дмитрий. Плачевный результат насилия и жестокости.

— Леди Алиа сама должна была быть осторожна и помнить, что враги не дремлют, они только и ждут, кому бы сделать гадость, — глубокомысленно заключила Фиона Атрейдес. — Теперь вот вынуждена жить с этим омерзительным Харконненом.

— А почему бы тогда благородной госпоже Алие не предать этого монстра Раднора? — вдруг задал вопрос на-герцог. — Ведь она могла бы выведать у него все военные секреты Харконненов, рассказать все нам и бежать на Каладан!

— Э... ну... — замялся Ахиллус, одновременно с тем смерив сына строгим взглядом. — Не все так просто, мой дорогой Кассиус. Это все-таки ее муж, у них дети, и тут ей уже некуда деваться. К тому же запомни одну вещь: предательство недопустимо. Уж если она стала женой Раднора, так теперь уже все, ее освободит только смерть.

Юноша смерил медноволосого генерала Харконненов взглядом, полным ненависти и презрения. Наверняка даже Джессика не знает о том, что случилось с ее дочерью, та могла постесняться или побояться рассказать ей, что ее держат на Гайди Прайме насильно!

— Ну так перерезала бы этому чудовищу ночью горло! — вздохнул Кассиус.

— Как у тебя все просто, сын! — с осуждением ответил герцог Атрейдес. — Это же верх бесчестья! Даже по отношению к кровожадному Харконнену! Как тебе вообще могла прийти в голову подобная гнусность? Ты решил им уподобиться?

— А украсть леди Алию и насильно удерживать ее в Баронии — это не гнусность? — возмущенно спросил на-герцог, но отец так убийственно посмотрел на него, что Кассиус счел за лучшее замолчать и снова принялся за сливочный торт, изо всех сил стараясь не перепутать вилки.

Гости и представители других Домов тем временем все прибывали и прибывали. Правящая чета Дома Икс, направляясь в свою ложу, повстречала Рэнулфа, спикера Дома Орзаба.

— Добрый вечер, господа, как ваши дела, как семья, как дети, как здоровье? — учтиво поинтересовался он.

— Благодарю вас, все хорошо, — ответил граф Фарран, — только я бы на вашем месте не называл этот вечер добрым, ведь скоро прекрасную планету Арракис ждет кровавая бойня.

— О да, — Рэнулф прекрасно понял, что его собеседник явно иронизирует, — я бы поставил двести солярисов на Дом Харконненов.

Тонкие губы иксианца скривились в злобной усмешке.

— Протестую. Две тысячи на Ордосов.

— Поддерживаю, — сказал его ментат. — Тысячу на Ордосов.

— А я, пожалуй, поддержу господина спикера. Две тысячи на Харконненов, — вставила графиня.

Тут сзади к ним подошел Эвен, глава дома ат-Тал, который был в давней дружбе с графом Фарраном.

— О, господа, всех приветствую, кажется, вы тут неплохо веселитесь? Что это у вас — тотализатор?

— Ага, — ответил его приятель, — делаем ставки, кто выиграет войну за Дюну.

— А можно мне тоже поучаствовать?

— Всегда пожалуйста, — с готовностью ответила Чарген. — Присоединяйтесь! Сколько ставите и на какой Дом?

Эвен ат-Тал призадумался.

— Двести на Ордосов.

— Что-то мы тут дорого берем, — ухмыльнулся глава Дома Икс, когда они с женой наконец прошли в свою ложу, из которой собирались наслаждаться зрелищем бесполезных переговоров — наверняка на них настоял тупица Ахиллус Атрейдес!

— Зато какое представление, — веселилась его супруга. — Кто проиграет, то раскошелится. Может, еще и нагребем денег на тотализаторе, а не только на торговле оружием.

— Это ты, милая, умно придумала — поставить на Харконненов, когда я на Ордосов, в любом случае мы в проигрыше не останемся, а вот Атрейдесам победа совершенно ни к чему! — радовался Фарран. — Кстати, вон наши любимые щедрые клиенты идут.

Как раз в этот момент в главном зале Ландсраада появилась делегация Дома Ордосов; лица всех представителей самого загадочного и таинственного из Великих Домов были традиционно скрыты под масками, фигуры закутаны в потрепанные балахонообразные одеяния. С непокрытой головой и в обычной одежде была только ментат Дома — совсем еще юная девушка. Графиня Чарген заинтересованно посмотрела вниз из ложи.

— Слушай, а ты когда-нибудь их живьем видел? — спросила она мужа. — Чего они все в своих хламидах ходят?

— Не-а, не видел, — ответил тот, — даже когда они со мной договор о покупке наших технологий заключали, так в этих нарядах и сидели. Однако про некоторых я приблизительно могу тебе сказать, кто есть кто: вон то создание в жуткой маске с чем-то шлангоподобным наверху — их Исполнительный Консул или Спикер, напрямую передает народу, торговым партнерам или другим Домам решения тамошнего начальства. Как его зовут на самом деле и вообще живое ли оно — не в курсе. Существо в черном балахоне и черной островерхой маске — генерал Аэрнейл, главнокомандующий Ордосов.

— Смерть с косой так на старых картинках рисуют, — улыбнулась графиня. — Ему только косу в руки, и самое оно.

— Думаю, он предпочел бы миномет. Я по деловой необходимости общался еще с каким-то человеком, который мне представился как Даджер, но никакой другой информации мне больше о себе не дал, на все мои аккуратные расспросы отвечал весьма уклончиво. Однако клиенты они неплохие, деньги заплатили в полном объеме и вовремя, вели себя вежливо, поблагодарили и не привередничали особо.

— А главный у них кто? — полюбопытствовала графиня.

— Понятия не имею. Одни утверждают, что Дом вообще не имеет явного лидера, другие поговаривают, что какой-то предводитель у них там все же есть, правда, никто не знает толком, кто это такой и как выглядит, потому что он старательно прячется от чужих глаз, как и все его приближенные, а некоторые вообще уверяют, будто во главе Дома стоят некие Экзекютрикссы — четыре существа, объединенные общим разумом, а с окружающими они контактируют как раз через этого самого Спикера, которого я тебе показал. В общем, тайна, покрытая мраком. С одной стороны, нам-то что, лишь бы деньги платили, с другой — в какой-то мере любопытно, хотелось бы знать более подробно, с кем имеешь дело.

— Ментат у них какой-то странный, — пожала плечами Чарген. — Какая польза от такой девчонки? Ненамного старше нашей дочери. Никого другого не нашли или не смогли купить?

— Наверное, просто сэкономили деньги, — цинично подметил ментат Дома Икс.

— Говорят, Ордосы патологически жадные. Вы же знаете, сколько стоит ментат-мастер высшей категории. А это что за девчонка? Я б лично такую и на порог нашей школы не пустил. Видимо, там не знали, куда девать это жалкое создание, вот Ордосам по дешевке и сплвали. Я уверен, что долго она не протянет, пара проваленных заданий или проигранных сражений — и от нее быстренько избавятся, наверняка она еще и неумеха,

им попросту подсунули за маленькие деньги не слишком способную ученицу. Участь ее незавидна — безымянная могила где-нибудь во льдах ордосских владений.

— Ну, не могу полностью с тобой согласиться, — ответил ему Фарран, — вспомни, за какую сумму я Ордосам наши разработки загнал, это тебе не конфеты вразнос продавать. Сомневаюсь, чтобы они после такого стали на ментате экономить, а внешность бывает обманчива. Уверен, что они как раз охотно расстанутся с деньгами, если речь идет о чем-то сильно важном, поэтому мне лично кажется, что девчонка-ментат может оказаться полна сюрпризов, причем не слишком приятных для врагов Дома.

Тем временем ордосская делегация медленно-торжественным шагом прошла к приготовленному для нее столу, накрытому ярко-зеленой скатертью, и села на свои места. Кассиус Атрейдес посмотрел на очередных недругов с легким недоумением — интересно, им вообще удобно ходить в таких нарядах и есть, не снимая масок? Хорошо еще, что в этих жутких головных уборах есть прорези, а то они бы так сидели и смотрели на блюда, не имея возможности ими насладиться.

— А замороженным опарышам ты на скатерть тоже жучок нацепил? — поинтересовался барон Харконнен у хитроумного Раднора, когда Ордосы появились в зале.

— Нацепить-то я нацепил, — подтвердил тот, — только, боюсь, пересказать вам все их разговоры смогу только после возвращения на Гайди Прайм, когда найду переводчика и дешифровщика. Эти ж ребятки имперский галахский не признают, между собой только на своем болтают. Надо бы вообще найти какой-нибудь учебник или справочник и заняться их языком самому, врага нужно знать как следует.

— Ну и то хорошо. Разберемся как-нибудь, время пока терпит. Может, ты, Яних, нам поможешь? — обратился барон к ментату.

— Честно говоря, мало что знаю о языке Ордосов, но могу попробовать, — согласно кивнул тот. — Насколько мне известно, он довольно сложный, там очень заковыристая грамматика и что-то совсем странное с лексикой — для некоторых общеизвестных понятий вообще нет аналогов, для других, напротив, штук по двести-триста на одно слово, и все они выражают какие-то мелкие нюансы.

— Офигеть, — вставил Гансенг. — Они сами не путаются?

— Ну, там и произношение соответствующее, — добавил ментат, — чтобы научиться грамотно изъясняться на их языке, нужно обладать абсолютным музыкальным слухом. В общем, сложно все, но попытаемся разобраться, что они там затевают.

В этот момент заиграли трубы, и один из придворных императора высокопарно провозгласил:

— В связи с тем, что делегации всех Великих Домов уже прибыли, заседание Ландсраада объявляем открытым!

Снова зазвучала торжественная музыка.

— Его величество падишах-император Ашиар Коррино!

Пурпурный занавес в огромной верхней ложе пополз вверх, и глазам собравшихся предстал плюгавенького вида мужичонка в расшитом золотом черном наряде и сверкающей короне; у него были редкие темные волосы, намечавшаяся лысина, маленькие злобные глазки и острый крючковатый нос, напоминавший клюв хищной птицы. Ирулэн скривилась, как будто съела что-то кислое, и под столом показала сводному брату неприличный жест.

— Сволочь Коррино, — от Раббана не укрылось настроение супруги. — Они же, кстати, если верить хроникам, нашей семье дальние родственники!

— Вот почему по их идиотским законам я не имею права наследовать императорский трон? — шепнула ему жена. — Из меня получилась бы гораздо лучшая императрица, чем из этого отродья жабы и шакала!

— Коррино, сволочь, кто б тебя убил, — в сердцах произнес Раббан. — Надо бы нам улучшить момент и самим добраться до Ашиара, а на императорский трон посадить одного из наших сыновей.

— Гениально, — Раднор едва не выронил свою хитроумную машинку и воззрился на брата барона, как на гиганта мысли.

— Превосходнейшая идея, — поддержал его Фейд. — Между прочим, Харконнен на троне империи и вся галактика в наших руках — это мечта моего детства. Только на роль императора я предлагаю Гансенга, тут без вариантов, надеюсь, без обид.

— Согласна, — ответила Ирулэн, — Ракан слишком добрый, Копек глуповат, а на императорском троне придется ухо остро держать — всяких хитрожопых типов наподобие Дома Ордосов тут хватает, а вот Гансенг — то, что надо.

-Он вполне умный, хитрый и в меру жестокий, — подтвердил барон. — А поганого Ашиара я пушу на кожгалантерею. Ты что предпочтешь из своего братца — новую сумку или туфельки, дорогая невестка?

Ирулэн захихикала, представляя себе, с каким нарядом лучше всего будет смотреться сумка из Ашиара Коррино, и тут придворный глашатай объявил появление нового почетного гостя.

— Госпожа Сиона Аттар и ее сыновья — принцы Эленар и Фондиль Коррино.

По залу Совета пронесся недовольный шепот. «Что за бесстыдство», «как можно появляться на публике с этой уличной девкой!», «а где вообще законная жена императора?», «какой позор», «ужас, до чего мы дожили», «да какие они принцы, шлюхины отродья, еще неизвестно, от кого мамаша их нагуляла», «грязная скотина!» — слышалось изо всех углов. Ашиар, казалось, не обратил на раздражение подданных

никакого внимания; он сделал знак рукой, и рядом с ним в бархатное кресло уселась высокая тощая женщина с вытянутым лицом, желтоватого цвета кожей и длинным носом. По левую руку от венценосного родителя пристроились двое юношей лет пятнадцати-шестнадцати. Один из них, довольно полный, держал в левой руке пакетик с сушеными фруктами и постоянно их жевал, второй, напротив, худощавый и подтянутый, мог бы показаться вполне приветливым и привлекательным, если бы не одна неприятная черта. Его опущенные густыми ресницами темные глаза смотрели на окружающих будто бы ласково и дружелюбно, но стоило его взгляду задержаться на ком-то из присутствующих, как в глубине его загорался холодный блеск, и он словно на расстоянии превращал человека в ничтожество. Не в силах вынести этого, многие люди отворачивались, стоило Эленару Коррино встретиться с ними глазами.

— Госпожа Йире Ордос, супруга падишах-императора, и ее сын Эттан, — равнодушно провозгласил придворный. Раднор отметил про себя: надо же, как интересно, не «принц», не «сын падишах-императора», а «ее сын», не «императрица», а просто «госпожа такая-то», хотя оно и неудивительно: скорее всего, император с женой не ладит — вон, с любовницей в открытую появляется, а это очередной брак по расчету. Хотя мог бы соблюсти приличия, тут народ не зря гадости говорит — все-таки глава правящего Дома!

В соседней маленькой ложе поднялся ядовито-зеленый занавес, и тут даже шумное скандальное семейство Харконненов замерло в изумлении. Их глазам предстала ослепительная красавица с фарфорово-белой кожей, двумя длинными, почти до земли, косами цвета платины с легким золотистым отливом, и глазами необычного сиренево-синего цвета, одетая в роскошное платье из струящегося серебристого атласа. Гансенг выронил вилку, Ксенар замер с раскрытым ртом, а Норэт задумчиво произнес:

— Этот Ашиар косоглазый, слабоумный или вообще слепой, что променял это чудесное создание на каладанского крокодила со шнобелем как у дятла?

— Скорее просто тупой, — ответил его старший брат.

— Охренеть, вот это красotka! Если у Ордосов все женщины такие, — выдал Кьель, — я даже не знаю, что сказать. Мне б такую в жены, уж я б ее без внимания не оставил и на атрейдесскую образину точно не променял.

— Грустная она какая-то, — заметила Тейна, крутя ложку в руке.

— Фу, блин, прекрати, тебе б в мужья Ашиара Коррино, ты б еще не так загрустила, — фыркнул Норэт.

Примечание к части

Изменено название главы, подправлена пара фраз, Гансента теперь зовут Гансенгом, как и положено по канону.

5. Дом Тлейлаксу

— Давайте все-таки разгромим Сигму Драконис, — внес рациональное предложение Копек.

— Заткнись, еще успеешь, — пнул его под столом Гансенг, продолжая таращиться на Йире. — Когда я стану императором, то сам на ней женюсь, а гребаного Коррино перед этим публично кастрирую штыковой лопатой, чтобы больше никогда не мог плодить себе подобных. В качестве же свадебного подарка я поднесу своей невесте вырезанное сердце Ашиара на золотом блюде!

— Вопрос с потенциальной императрицей, думаю, можно считать уже решенным, — улыбнулся Раббан.

— Только перед тем, как мы его кастрируем и вырвем у него сердце заживо, пусть сам выкопает себе могилу, — злорадно потер руки Раднор. — Мне как-то не особо хочется обременять своих гвардейцев лишней работой.

— А как же моя сумка? — возмутилась Ирулэн. — Фейд же мне сумку из любезного родственничка пообещал! Порядок действий будет иным: сначала пусть Ашиар сам выкопает себе могилу, потом можно кастрировать его лопатой, после этого содрать с него заживо кожу...

— ... и посыпать тушку солью либо полить уксусом, — порекомендовал Ксенар.

— На ваше усмотрение, только шкурку мне на сумку. В общем, под конец уже можно вырезать у него сердце и закопать останки шакала где-нибудь в лесу.

— А потом давайте оскверним его могилу! И станцуем на ней канкан! — восторгалась идеями родственников Тейна; барон одобрительно кивал и улыбался.

Вслед за Йире в ложе появился и ее сын Эттан — худенький бледный подросток с печальным, почти недетским взором больших ярко-зеленых глаз и огненно-рыжими волосами до плеч; Гансенгу подумалось, что этот паренек должен быть примерно того же возраста, что и Элэнар, однако выглядит явно моложе.

— Мне вот интересно, как это она умудрилась родить от этого чмошника Ашиара такого красивого ребенка, — поделился он своей мыслью с родственниками. — Пожалуй, если она Эттана все-таки любит, то я его убивать не стану. Пусть живет.

— Что у тебя за мысли странные? — с недоумением посмотрела на него баронесса.

— Почему же, мысли у меня вполне обычные. Многие женщины, которые несчастливы в браке, потом ненавидят детей от нелюбимого мужа, а как выйдут снова замуж по собственному желанию — так этих либо на мыло, либо вон из дома, либо в чулан, слышал я про такое дело в империи. Тут же, судя по всему, доброму папеньке-шакалу на сына явно плевать: своих незаконных высерков-то он рядом с собой посадил.

— А ты уверен, что оно от него? — осторожно поинтересовался Кьель, еле заметным кивком указывая на Эттана. Норэт смерил младшего брата злым взглядом: нехорошие люди еще в раннем детстве успели задолбать его подозрениями относительно того, что он якобы не сын барона Харконнена. Правда, по большей части все они после этого долго не прожили, но дело в самом факте...

Приветственно помахав собравшимся рукой и натянуто улыбнувшись, император начал вступительную речь, долго и нудно объясняя, зачем все тут сидят и как ему якобы приятно всех видеть. Раднор, заметив, что Ахиллус Атрейдес снова собрался что-то сказать сыну, опять вставил в уши псевдо-плеер.

— Когда ваш покойный дедушка барон Дмитрий Харконнен был жив, — обратился он к Фейду и Раббану, — то с клеветниками, лгунами, подстрекателями, провокаторами, распространителями грязных слухов и любителями сеять панику поступали довольно жестоко, но справедливо. Их подвергали казни, которую впоследствии прозвали «адский галстук Харконненов». Преступнику перерезали горло под подбородком и вытягивали в рану на шее его гнусный не в меру болтливый длинный язык.

— Если ты хочешь применить этот метод к Ахиллусу-Хуиллусу, то для него это будет чересчур легкая смерть, — возразил барон. — Я протестую.

— Да это я так, к слову, — сказал Раднор. — Естественно, Охуиллус Атрейдес так быстро не сдохнет, если я до него доберусь! Ладно, тихо все, а то он тут новую порцию сплетен выдает — теперь про Ордосов вещает. Охота послушать, что этот ублюдок козы и собаки сочинил на этот раз.

Когда ордосская делегация вошла в зал и заняла положенные им места за столом, Кассиус разглядывал их с нескрываемым интересом, а потом принялся расспрашивать своего дражайшего родителя о том, кто это такие и чего хотят. По правде говоря, герцог Атрейдес сам мало что знал о своих недругах, но ему надо было хоть что-нибудь рассказать сыну.

— О, мой дорогой Кассиус, можно смело утверждать, что это своего рода Дом-загадка. Он не имеет одного явного лидера, говорят, что его возглавляет тайное сообщество богатых и влиятельных граждан, за счет средств которых он до сих пор и существует. Даже жители ледяной планеты Драконис IV, откуда родом Дом Ордосов, не знают того, кто вершит их судьбы. Эти люди оснащают свои войска высокотехнологичным оружием, однако им чужды благородство и проявления чувств. Этот Дом заботят лишь богатство и власть, на пути к которым Ордосов ничто не остановит!

— Да, судя по всему, они очень неприятные люди, — принялся поддакивать ментат.

— О да, дорогой Калинар, — поддержал его глава Дома Атрейдесов и хотел было сказать еще что-то, но тут император, закончив приветственную речь, произнес, что перед началом заседания Совета хотел бы сделать одно объявление.

— Интересно, что на этот раз? — ехидно оскалился Раднор, и в это мгновение придворный глашатай торжественно провозгласил, что в зал Совета приглашается Дом

Тлейлаксу.

В помещении пронесся недоуменно-недовольный шепот. Этот человек что — оговорился? Или...

В двери неторопливо вошла делегация тлейлаксов: четверо мужчин под черным знаменем, на котором был изображен отливающий металлическим блеском жук с глазом на спине, и... одна женщина. Все те, кто до этого возмущенно переговаривался, замерли в изумлении: никто до сих пор не видел женщину-тлейлакса, а многие были искренне убеждены, что их у них вообще нет, и представители этой расы размножаются посредством биотехнологий. Дойдя до середины красной ковровой дорожки, Тлейлаксу остановились с величественно-торжественным видом; теперь у собравшихся была возможность рассмотреть их получше. Возглавляли группу какой-то немолодой мужчина с полуседыми черными волосами, заплетенными сбоку в длинную косу, и та самая странная женщина; остальные трое носили ту же прическу, что и предводитель, но были заметно моложе.

— Итак, — громко, так, что слышали все собравшиеся, произнес Ашиар Коррино, — я рад объявить всем, что с этого дня Бене Тлейлаксу получают статус Великого Дома и отныне будут именоваться Домом Тлейлаксу! Прошу вас пройти в предназначенную ложу и занять свои места в зале!

Нарядно одетый служитель подошел к тлейлаксам с учтивым поклоном, и они так же неторопливо и чинно поднялись вверх по ступенькам к указанной им ложе, установив в специальном гнезде у ее бордюра свое черное знамя. Снова послышались ропот и возмущение.

— Какое безобразие, — скривился Ахиллус Атрейдес. — Это не просто омерзительно, это в высшей степени омерзительно! Дом Тлейлаксу! Грязные Тлейлаксу здесь, в Ландсрааде, среди благородных людей! Какая низость! Неужели его высочество падишах-император лишился рассудка, что даровал этим отвратительным тварям статус Великого Дома?! Надеюсь, они не получат больше половины или вообще четверти голоса! Со своей стороны я объявляю им бойкот и запрещаю всем представителям своего Дома разговаривать с тлейлаксами, подавать им руку, даже здороваться с ними и вообще взаимодействовать каким бы то ни было образом! Хуже них только Харконнены!

— Наверное, они презентовали Ашиару ради такого решения вставные запасные мозги, — прокомментировал Норэт.

— Почему запасные? Обычные вставные мозги. У него их изначально не было, вот бедняга и вынужден был приобрести себе отсутствующий орган, — ехидничал Раднор.

— В кои-то веки герцог Хуиллус сказал что-то относительно умное, — заключил Копек.
— Думаю, бойкот Тлейлаксу...

— Дорогой племянничек, — оборвал его барон, — если сам не можешь сказать ничего умного, лучше жуй свой салат, молчи и предоставь старшим решать, что делать. А если еще раз не к месту раскроешь пасть, то жевать уже не сможешь долго-долго и вместо

ужина отправишься на прием к челюстно-лицевому хирургу.

— Тебе думать не разрешали, — смерил его строгим взглядом отец. — Фейд прав: лучше жри и заткнись.

— Объявлять нашему новому Великому Дому бойкот из глупой гордыни — это действительно неумно. Хуиллус-Охуиллус скоро попросту лопнет от собственного чванства и высокомерия, он же у нас человек благородной крови, на деревенщине никогда не женится, с Тлейлаксу в одном зале сидеть — это ниже его достоинства, — издевался глава Дома Харконненов, — меня вообще удивляет, как он прямо здесь демонстративно не встал из-за стола и не покинул зал с видом оскорбленной невинности. Я не буду утверждать, что враг моего врага — непременно мой друг, это было бы слишком опрометчиво, но и записывать тлейлаксов в недруги на основании собственной спеси тоже не стану. Мы на самом деле в глазах большей части Ландсраада такие же отщепенцы, как и они. Пусть пока живут. Посмотрим, какую выгоду из этого можно получить.

Гансенг тем временем совершенно не слушал дядю и не обращал никакого внимания на тлейлаксов: его занимало нечто другое. Он забыл обо всем на свете, заморожено глядя на Йире. Сердце его отчаянно билось, он был не в силах оторвать взгляда от этого прекрасного лица в обрамлении платиновых кос.

— Ого, Гансенг, кажется, влюбился, — удивленно произнесла баронесса.

— Эй, братишка, закрой рот — птичка влетит, — поддразнил его Копек.

— Знаешь, милый племянничек, я уже давно убедился: если нужно сказать глупость — ты тут как тут, — строго посмотрел на него Фейд. — Оставь Гансенга в покое.

Ирулэн с неприязнью посмотрела на герцогиню Фиону, которая что-то вещала, видимо, по поводу Тлейлаксу, сооротив постно-осуждающую рожу, и демонстративно обняла мужа, положив голову ему на плечо.

— Чтоб ты сдохла от зависти, тупая курица!

— У меня такое чувство, — тихо произнесла Алия, наклонившись к Раднору, — что ты станешь причиной смерти сына Коррино.

— Это которого из?

— Эленара.

Главнокомандующий Дома Харконненов знал, что его жена, подвергшаяся спайсовой интоксикации еще до рождения, обладает некоторыми необычными способностями — иногда она могла предсказывать будущее или вступать в контакт с умершими предками. Иногда от этого становилось не по себе даже ему.

— И что же ты видишь?

— Кровь на снегу. Лед. Огонь. Это ты убил Эленара. Я чувствую, что он испытывает адскую боль. Ему осталось жить всего несколько минут.

— А... сам Раднор? Что он делает? — несколько озадаченно спросил барон; его тоже порой пугали видения родственницы.

— Чувствует себя сильно уставшим, но с ним все в порядке, — ответила Алия.

Атрейдесы в это время продолжали бурно возмущаться по поводу нового статуса Бене Тлейлаксу; вся делегация дружно поддерживала герцога. Тирис, главнокомандующий Дома, тоже вставил пару слов для приличия, хотя сейчас его мысли занимало нечто совершенно другое. Из-за переговоров в Ландсрааде ему пришлось нацепить парадную форму, хотя по всем правилам ему следовало бы носить траур: за две недели до отлета на Кайтэйн после долгой тяжелой болезни умерла его жена. Лучшие врачи оказались бессильны. Леди Эвридика была очень воспитанной женщиной, никогда не жаловалась на здоровье, старалась мужественно переносить мелкие недомогания и не обращать на них внимания, поэтому, когда у нее все-таки обнаружили неоперабельную опухоль спинного мозга в запущенной стадии, было уже поздно что-либо предпринимать. Несчастная женщина медленно и мучительно умирала. Единственное, что могли сделать медики — это облегчить ее страдания, но под конец Эвридике перестали помогать даже самые современные обезболивающие, и порой она кричала не своим голосом, будучи уже не в силах терпеть адские муки. Тирис Атрейдес понимал, что долг главы семьи обязывает его в это время быть рядом с женой, но ему редко удавалось проводить время дома — герцог готовился к войне за Арракис и требовал, чтобы командный состав как можно больше занимался вопросами подготовки армии и боевой техники. Сейчас он ловил себя на том, что люто завидует барону Харконнелу: у того и жена жива — вон какая красotka с пышными формами! — и детей полно. У них же с Эвридикой было только две дочери — Электра и Кассандра, но старшая трагически погибла, не дожив до совершеннолетия: утонула, купаясь в море в шторм. Тирис проклинал себя за то, что отпустил Электру в тот день купаться с подругами, решил, что ветер не такой уж сильный, а девочка хорошо плавает..., но мертвую не воскресишь. Младшая же, Кассандра, выросла на радость родителям и умницей, первой ученицей в лицее, и ослепительной красавицей — сейчас доучится, можно будет и замуж выдавать! — но именно с ней сейчас были связаны тревожные мысли генерала Тириса Атрейдеса.

Атрейдесы, согласно традициям своего Дома, обычно имели мало детей. Знать считала многодетность неприличной и чуть ли не показателем распущенности супругов, а простолюдины исходили из более практических соображений: многочисленных отпрысков надо на что-то кормить и одевать, а потом пристраивать к какому-нибудь делу, но ведь любая учеба, даже в начальной школе, или обучение ремеслу стоят приличных денег. Однако в этот момент главнокомандующий поймал себя на мысли: было бы у него столько же сыновей, сколько у барона — не возникло бы сейчас сложностей с тем, где и на чье попечение оставить Кассандру. Скоро ему улетать на Арракис. Будь у него старший сын или даже несколько сыновей, он бы спокойно мог поручить кому-то из них сестру. Теперь же... Эвридика умерла, Электра тоже, кроме того, лицей, в котором училась Кэсси, буквально за год до ее выпуска закрыли на бессрочный карантин.

Учебное заведение находилось в довольно уединенном месте, персонал там работал проверенный и благовоспитанный, однако два месяца назад случилась беда. Некоторые служащие лица жили в селении неподалеку и, если им давали выходной, отправлялись навестить свои семьи. Внезапно там разразилась эпидемия странной болезни: среди абсолютно хорошего самочувствия человек внезапно чувствовал тошноту, головную боль, у него поднималась температура, он впадал в беспамятство и умирал. Когда это произошло с одним из местных рыбаков, никто не забеспокоился: односельчане решили, что он всего лишь сильно простудился во время выхода в море. Через два дня рыбак умер, но вслед за ним заболели его жена и сыновья. В итоге неизвестная зараза выкосила почти все селение и успела перекинуться на соседние. К счастью, после того, как заболела работавшая в лицее прачка, заведение быстро закрыли на неопределенное время, всех учениц после двухнедельного карантина развезли по домам, а зараженный район был оцеплен войсками. Медики и биологи пытались бороться со странной инфекцией, но все их усилия оказались тщетными — больные по-прежнему умирали, и лекарство найти не удавалось, поскольку денег на разработку препаратов и вакцины не хватало. Единственное, что можно было сделать — это не дать эпидемии превратиться в пандемию и охватить всю планету, поэтому те места, где свирепствовала болезнь, по-прежнему оставались закрытой зоной.

Таким образом, семнадцатилетняя Кассандра, которой оставался еще год до окончания учебы, приехала домой. Пока мать была еще жива, она проводила все время с ней, но когда Эвридика умерла, у Тириса Атрейдеса возникла серьезная проблема: куда девать дочь? Без присмотра ее не оставишь, ведь слуги не имеют права что-либо ей говорить, советовать или приказывать, напротив, они обязаны беспрекословно слушаться молодую госпожу, а что ей самой в голову придет — кто его знает? Девушка она молодая, неопытная, неискушенная, далеко ли до неприятностей? С одной стороны, можно было бы попробовать на скорую руку пристроить ее замуж, с другой — отец хотел, чтобы она сначала окончила лицей и получила образование, ведь юноше из приличной знатной семьи не нужна малограмотная жена.

Неделю назад, будучи вынужденным вновь уехать по армейским делам, Тирис попытался оставить Кассандру на пару дней у дальней родственницы, но все едва не кончилось большой трагедией. К сожалению, Кэсси пошла в свою покойную мать и была очень хороша собой, и ее красота не всегда привлекала только добрые и восхищенные взгляды. Старейший супруг родственницы ее отца, которого уже не прельщала увядающая жена, положил глаз на юную девушку и как-то раз, пока никто не видел, попытался положить руку Кассандре ниже талии. Она возмутилась, и тот попытался обратить все в шутку, сделав вид, будто просто нечаянно наткнулся на свою юную гостью в полутемном коридоре. Однако на следующий день он вполне недвусмысленно попытался задрать на ней платье, и Кассандра в слезах побежала жаловаться на него его жене. Родственница устроила мужу грандиозный скандал и вечером того же дня сообщила о случившемся вернувшемуся Тирису. Тот пообещал отправить обидчика на передовую и увез расстроенную дочь домой. Уезжая на Кайтэйн, он оставил девушку на попечение ее бывшей няни, взяв с нее клятвенное обещание, что она будет беспрекословно слушаться старушку и никуда не уйдет из их усадьбы. Сейчас он надеялся, что за время его отсутствия ничего не случится, но его тревожила мысль о том, что будет дальше. С кем оставить Кассандру, когда он все-таки отправится на Арракис? Жаль, конечно, что у него дочь, а не сын... с другой стороны, единственный сын его боевого товарища и

родственника Кэрила не так давно погиб на Дюне во время тяжелого двухдневного боя с проклятыми Харконненами, который обернулся для Атрейдесов полным разгромом и серьезными потерями. Так что дочка, наверное, все-таки лучше, ее хоть в армию не отправят.

Барона тем временем заинтересовал еще один потенциальный объект слежки.

— Жалко, что нельзя прослушать нашу будущую сумочку, — с явным сожалением произнес он.

— Так отчего же нельзя, милорд? — радостно ответил Раднор. — У меня, к счастью, в голове не опилки, а свои премиальные я трачу отнюдь не на дома удовольствий. Я собрал достаточно денежек, немного побеседовал с главой Дома Икс и приобрел у этого достойного человека, который не скрывает своего желания отомстить мерзким Атрейдесам и поганым Коррино, целую коллекцию превосходных прослушивающих устройств, маскирующихся под вполне безобидные предметы. Вот здесь, например, — он вытащил из кармана спичечный коробок, — находится больше десятка роботов-мух, роботов-муравьев и тому подобных развлекашек. Иксианцы потрудились на славу. Сейчас я как раз возьму одну маленькую мушку и отправлю ее покружить по залу, а конечным пунктом ее назначения будет увешанная орденами парадная форма нашей сумочки.

— Интересно, за какие такие заслуги у этого упыря ордена, сомневаюсь, что он был хоть в одном бою и убил кого-то страшнее мухи, — спросил Ксенар.

— А за такие же, за какие у моего папаши были, — пожала плечами Ирулэн. — К числу особо позорных его деяний можно отнести то, что он гнобил наших иксианских друзей на основании того, что от его папашки убежала баба, вымотал все нервы моей матери из-за того, что не смог состряпать себе законного наследника мужского пола, гулял направо и налево похлеще блудливого кота, и как сил-то на всех любовниц хватало, устраивал махинации с Арракисом, последнее, видимо, уже вообще традиция Дома Коррино... список продолжать? Однако тоже, орденов на себя нацепил столько, что про него в народе даже анекдот ходил. «Где произошло последнее землетрясение?» — «Там, где с крючка упал парадный мундир Шаддама IV, увешанный орденами». А еще он везде понаставил статуй себя-любимого, и горе тому, кто не оказывал им должное почтение. Однажды пьяница возвращался домой с вечеринки, и захотелось бедняге отлить. Ну, подходящего куста, видать, не нашлось, он и увидел какой-то постамент. Очнулся мужик в тюрьме, голова болит, ему и объяснили, что он в нетрезвом виде обоссал статую моего любезного папеньки, да будет ему весело в аду в компании Лето Атрейдеса и прочих ему подобных придурков. Так мой дорогой родитель этого жалкого пьяницу за проступок, достойный в лучшем случае штрафа и общественного порицания, на эшафот отправил, а на меня еще и накричал, когда я попробовала за бедного мужика заступиться!

— А он часом стимуляторы всякие не потреблял? Если бы обычный человек так окучивал все, что шевелится, он бы попросту от переутомления сдох. Радуйся, что избавилась от такого уебища, — поддержал ее Раднор, и тут падишах-император, видимо, дождавшись, пока народный гнев уляжется, принялся толкать речь.

Примечание к части

Добавлен небольшой комментарий по поводу того, почему Атрейдесы не смогли справиться с разразившейся эпидемией.

6. Бесплезные переговоры

— Итак, после того, как мы поприветствовали наш новый Великий Дом, — произнес Ашиар, не обращая внимания на сдавленные смешки подданных, — я хотел бы перейти к другому вопросу. Мой покойный брат его высочество падишах-император Фредерик IV предложил всем достаточно сильным Домам сразиться друг с другом на планете Арракис, также известной как Дюна, за обладание ей, а также монополией на производство спайса. К сожалению, данный вопрос так и остался нерешенным вследствие его безвременной смерти при невыясненных обстоятельствах.

В зале снова послышалось хихиканье: многие прекрасно знали, чьими стараниями Фредерик отбросил коньки. Вернее было бы сказать, что во время взрыва он отбросил много разных частей тела во все стороны, и хоронили его вместе с гессериткой Эларой в закрытом гробу, предварительно собрав останки частично в газетку, частично в пакетик — хотя там уже не разобрать было, какой кусочек горелого мяса принадлежал самому императору, какой его сожительнице, а какой удачливому диверсанту. Ашиар же, продолжая делать вид, что не замечает реакции окружающих, продолжил свой вдохновенный спич.

— Итак, в связи с этим трагическим случаем нам пришлось прервать войну за Арракис. Моему брату так и не удалось выявить наиболее достойный Дом, который мог бы обладать монополией на производство спайса для Космической Гильдии. Я решил окончательно разобраться с этим вопросом, поскольку Гильдия выражает большое недовольство тем, что объемы добычи спайса в последнее время резко упали. Итак, сегодня у нас собрались три Великих Дома, готовых вступить в борьбу за Арракис: Атрейдесы, Ордосы и Харконнены.

— Вот сейчас потеха будет, — заранее злорадствовал Раднор. — Дерьмо вот-вот налетит на вентилятор, а Охуиллус даже не знает, в какой момент нужно пригнуться. Все всё помнят? Действуем по плану.

— Кто будет говорить за Дом Атрейдесов? — громогласно спросил Ашиар.

Герцог поднялся с места.

— Я, Ахиллус, герцог Арракиса...

Харконнены дружно захохотали, засвистели и заулюлюкали.

— А не жирно ли будет, Хуиллус? — заорал Кьель; от взгляда герцога Атрейдеса не укрылось, что парнишка с непривычки уже однозначно хватил лишнего и теперь спьяну косил на оба глаза.

— Барон, — возмущенно бросил Ахиллус, — объясните вашему сыну, что сквернословить в общественном месте и перебивать окружающих неприлично! Вообще-то мне обещали, что мне будет позволено говорить!

— А мне не обещали, что ты будешь нагло и во всеуслышанье называть себя герцогом

Арракиса, когда война еще не началась, — ответил Фейд. — Вообще-то это полная чушь, даже если смотреть на результаты предыдущих сражений. Если говорить объективно и по справедливости, то на момент окончания первой спайсовой войны преимущество было на стороне Дома Ордосов, а вы благополучно просрали абсолютно все сражения что им, что нам.

— Барон Харконнен прав, — неожиданно заговорил главнокомандующий Ордосов.
— Поддерживаю. Именоваться герцогом Арракиса с вашей стороны — невообразимая наглость. Преимущество действительно было на нашей стороне, и если бы война продолжилась, Дому Атрейдесов пришлось бы с позором возвращаться на Каладан. Вы и в самом деле не выиграли ни одного сражения.

— Позор Хуиллусу! — дружно заорали родственники и подручные Фейда. Герцог Атрейдес не знал, куда деваться: с одной стороны, ему очень хотелось дать кому-нибудь из Харконненов по нахальной роже, с другой — воспитание не позволяло.

— Во-первых, прекратите мне тыкать! — попытался перекричать их Ахиллус. Герцогиня, не привыкшая к подобному хамству и воспитанная в весьма утонченной обстановке, от стыда не знала, куда девать глаза. Кассиус покраснел: у него в семье не было принято ругаться матом, тем более во всеуслышанье.

— Эй, Ахиллус-Хуиллус, вали Дюну пылесосить и песчаного червя ебать, самозванный герцог Арракиса! — крикнул ему Норэт Харконнен.

— Я буду называть на «вы» только того человека, который имеет официальный титул, известный всем, — еще более нагло ответил барон, — а герцога Арракиса я не знаю. Значит, мой сын прав и перед нами действительно самозванец из подворотни, и отношение к нему будет соответствующее.

Ашиар Коррино изо всех сил пытался сделать вид, будто ничего не происходит, видимо, надеясь, что безобразная сцена рассосется сама собой. Герцог Атрейдес стоял, как оплеванный.

— А вы, молодой человек, — наконец нашелся он, что ответить Норэту, — вообще молчите. Ваше счастье, что барон все же признал вас своим сыном, потому что в противном случае вас потихоньку отнесли бы на свалку где-нибудь на окраине Харкосити, и там бы вас быстренько доели кры...

— Ты что сказал, уебище? — вскочил со стула Раднор, гневно сверкая глазами. В следующую секунду в сторону Атрейдесов полетел сначала огрызок, а потом обглоданная кость.

— На тебе мышку, крыски, к сожалению, не нашла! Сам ее доешь! — предложила Тейна и, вытащив из сумки мышонка, метко запустила его врагам на стол. Зверек шлепнулся прямо в соусницу, выскочил оттуда и побежал по столу, марая синюю скатерть. Герцогиня Фиона, несмотря на все хорошее воспитание, заорала не своим голосом. Атрейдесы запаниковали и принялись дружно ловить мышку, едва не сшибая на пол тарелки.

— Никогда не понимала, чего страшного люди находят в мышке, — пожалала плечами дочь барона, обращаясь к Норэту. — Мышь особо не кусается, для жизни не опасна. И после этого еще нас, Харконненов, кто-то смеет упрекать в жестокости. Я за всю свою жизнь ни одной мыши не убила, всех, кого поймала, отпустила на волю. У простолюдинов с Каладана же, поговаривают, в традициях отловленных мышей топить прямо в мышеловке или кидать в печку. И кто после этого звери?

— Мышку жалко, — сквозь зубы процедил Норэт, глядя на герцога Атрейдеса с нескрываемой злобой и ненавистью. — Доберусь до этого урода — точно сделаю ему галстук в наших старых традициях, чтобы не болтал чушь.

— А ты часом не знаком с Алистером Хэллеком из нашей службы разведки? Он мне рассказывал про свой шпионский рейд на Каладан, так я чуть от смеха не сдохла, пока слушала. У большинства подданных Хуиллуса дети в школу ни хера не ходят, потому что там месяц обучения стоит дороже, чем ядерная боеголовка, пятьдесят процентов населения планеты не умеет ни читать, ни писать, все с детства занимаются разнообразной грязной работой. Алистер вообще видел апофеоз маразма — у какой-то семейки упырей, видимо, денег купить комбайн или трактор не было, так папаша в какую-то доисторическую ржавую железку с зубьями впряг собственных домочадцев и так вспахивал поле, хорошо еще, что кнутом не стегал. Однако это еще не самое страшное. Наш шпион особенно впечатлился, наблюдая за дебильными развлечениями каладанских недорослей. Естественно, детишки нигде не учатся, уроков им не задают, книг они не читают, ничего не знают, многие после работы вымотаны до предела, ну и игрища у них соответствующие. Там выращивают рис, есть много болотистых мест, где в большом количестве водятся лягушки. Особым шиком у малолетних дебиленшей считается развлекашка под названием «курящая лягушка». Нужно выловить лягушку покрупнее, раскурить сигарету, а потом засунуть ей в рот. Лягушка надувается, а потом, если сигарету вытащить, выпускает струю дыма. Идиотики тычут пальцами и ржут. Там еще Алистер в Кала-сити нехорошо над одним вроде как студентом университета пошутил, хотя я не знаю, что этот товарищ там учил и учил ли вообще. Сделал вид, что тоже учится, подошел к этому дебилоиду и сказал, что не может задачу решить — забыл формулу, как найти площадь шара.

— Чего проще, $4\pi r^2$, — ответил ей брат. — Это же в средней школе учат.

— Ну, а там студент университета не знал. Мало того, выяснилось, что он не имеет понятия о том, что планета имеет форму шара.

— Неудивительно, что у Дурдома Атрейдесов такие «выдающиеся» военные успехи, — давился от хохота Норэт. — Вот тупые люди. А если бы тот хрен в поле все-таки отхлестал своих родственничков кнутом, это было бы не избиение, а антицеллюлитный массаж в домашних условиях. За неимением средств на салон красоты: все просрали Охуиллус и его ментат.

Тем временем одному из придворных удалось раздобыть громкоговоритель, и он попытался хоть как-то вернуть контроль над ситуацией.

— Прекратите нецензурно выражаться! — заверещал он. — Что за поведение в Совете!

Ахиллус Атрейдес тем временем тоже слегка успокоился, благо мышь все-таки убежала со стола.

— Барон, я еще раз вам повторяю: вы, в самом деле, скажите своему сыну и вашим людям, чтобы перестали сквернословить! Мы все-таки находимся в общественном месте, а не с вашими пьяными штурмовиками в подворотне! Здесь приличные люди!

— возмутился он.

— Это где? Покажи хоть одного, кроме моих, — нагло ответил ему Фейд.

— Прекратите, я же сказал! — снова принялся вопить в громкоговоритель прислужник Ашиара. — Что за выходки! Давайте все-таки перейдем к сути дела! Вы зачем сюда пришли — мышами швыряться?

Раднор, по-прежнему злобствуя, сел на свое место.

— Жалко, что нельзя врезать этому хмырю Хуиллусу прямо тут по хлебальнику, — с сожалением произнес он. — Ладно, будет и на нашей улице праздник.

Примечание к части

Эта глава практически не изменилась, немного подправлен текст.

7. Первая кровь

Ашиар, заметив, что происходящее снова под контролем, продолжил делать вид, что руководит переговорами.

— Барон, успокойтесь, в самом деле, у вас будет время высказаться, — произнес он.
— Теперь, я думаю, нам следует услышать представителя Дома Ордосов.

— Кто из представителей этого Дома будет говорить? — строго спросил распорядитель.

Существо в маске со шлангами поднялось из-за стола.

— Я, спикер Дома Ордосов, буду говорить от имени Совета Экзекьютриксов...
— произнесло оно скрипучим, словно у робота, металлическим голосом.

— Что это за создание? — удивленно пробормотал за своим столом Ахиллус Атрейдес.

На-барон подмигнул Раднору. Настало время действовать.

— А что, твои Экзекьютриксы трусили, что сами не явились? — тут же во всеуслышанье заявил главнокомандующий Харконненов.

Спикер на секунду замялся, хотя под маской нельзя было разглядеть выражения его лица.

— Кого это вы тут назвали трусами? Мы не трусы! Мы несем порядок во вселенную!
— ответил он абсолютно ровно, без каких-либо человеческих эмоций и интонаций.

— Эй, а чего во множественном числе? — поинтересовался барон. — У этого создания, видимо, нет своего мозга, и за него думают эти самые Экзекьютриксы!

— Знаете, — на-барон Ксенар специально сел у того края стола, который был ближе к делегации Ордосов, — мне как-то не очень нравится говорить с теми, кто прячет свои лица. Мы все тут сидим перед вами безо всяких масок и покрывал, и нам нечего скрывать — все знают, кто мы такие. Появляться же в общественном месте с закрытым лицом и даже не называть никому своего имени, представляясь Спикером, попросту неприлично!

— Мы вас уничтожим, таков приказ Совета Экзекьютриксов, — все тем же механическим голосом безо всякой злобы или раздражения ответил тот.

— А кишка не тонка? Жирно не будет? — дружно заржали Харконнены.

— Нет, в самом деле, кто это и по чьему приказу он пришел в Ландсраад? — недоуменно посмотрел на Спикера ментат Атрейдесов. — От чьего имени он говорит?

— А давайте посмотрим, — произнес Ксенар Харконнен, нахально сидящий на стуле вполоборота. С этими словами он резко встал, шагнул к Спикеру и, крепко ухватив один

из шлангов у него на голове, с силой потянул его причудливую маску на себя. Раздался треск рвущихся проводков, по которым забегали крошечные искорки, и резины, слегка пахнуло горелым, и посланник Дома Ордосов в ту же секунду остался стоять на виду у всего зала без любимого головного убора. Все произошло в мгновение ока — Спикер даже не успел как-то среагировать или оттолкнуть на-барона. Сестра Ксенара Тейна сначала засмеялась, но в следующую секунду замерла с раскрытым ртом, глядя на Спикера.

— Офигеть, вот так красавчик, — только и смогла произнести она.

Тот и в самом деле был не просто красив, а совершенно немыслимо, невообразимо хорош собой. Выглядел он очень молодо, от силы лет на двадцать, у него были такие же, как у Эттана, выразительные изумрудно-зеленые глаза и короткие волосы холодного серебристого оттенка. В зале на мгновение воцарилась гробовая тишина, потом все вновь принялись перешептываться, а многие женщины и молодые девушки восхищенно заахали. Спикер обернулся и посмотрел на Ксенара с видом оскорбленной невинности.

— Это вот он грозился нас тут всех по стенке размазать и живьем закопать? — на-барон бесцеремонно ткнул в него пальцем.

— Да что вы себе позволяете! — наконец прорвало Рому Атани.

— А вы, ментат, хоть бы соизволили представить нам вашего Спикера, если уж он молчит, как фримен в камере пыток! — засмеялся Раднор, вместе с тем при этих словах от души наслаждаясь видом перекошенной рожи Ахиллуса Атрейдеса. — И вообще, кто это тут еще себе что-то позволяет. Заметьте, что наш Дом вашему физической расправой на ровном месте не угрожал, вы начали первыми.

— А он не обязан вам представляться, — парировала Рома. — Он наш Спикер, и этого достаточно. Больше вам знать не нужно.

Ордосский посланник был явно растерян; только в следующую секунду он выдернул у на-барона свою испорченную маску.

— Эта вещь, между прочим, дорого стоит! — возмутился он; безо всяких приспособлений голос у него оказался вполне даже приятный и мелодичный, а не скрипуче-механический. — А вы мне ее испортили, теперь вряд ли починишь!

Ксенар демонстративно полез в карман.

— Сколько именно? Предпочитаете наличными или пришлете мне счет на Гайди Прайм? А за моральный ущерб возьмете?

— Повеселились — и хватит, давайте все же к делу, — заговорил еще один представитель делегации Ордосов, его льдисто-голубые глаза гневно сверкали в прорезях черной маски. — Мое имя Аэрнейл, я главнокомандующий Дома Ордосов.

Рома Атани пыталась что-то недовольно лепетать на их языке и дергать Аэрнейла за

рукав черного балахона, но тот не обращал на ментата никакого внимания. С абсолютным спокойствием он встал и снял маску; точеными чертами лица он напоминал Спикера и Йире, только вот волосы у него были светло-пепельные. Потом он такими же медленными уверенными движениями расстегнул свое черное одеяние и отбросил его на спинку стула. Под бесформенным потрепанным балахоном оказалась нарядная военная форма насыщенно-зеленого цвета со множеством наград; герб Дома на ней был вышит металлическими нитями, а ее манжеты, ворот и подол были богато отделаны золотой тесьмой. На обеих руках главнокомандующего были золотые кольца с изумрудами, на шее — такое же ожерелье с довольно крупным камнем, голову охватывала тонкой работы золотая цепь.

Тейна по-прежнему сидела с раскрытым ртом.

— Интересно, Ордосы все такие красавцы? — только и смогла вымолвить она.

— Что, уже передумала сжигать их живьем? — поддразнил ее Кэйлин.

— Передумала, такой материал в расход не пускают, — ответила она.

Вслед за Аэрнейлом свою маску снял еще один человек из делегации Ордосов. У него оказались огненно-рыжие прямые волосы длиной чуть ниже плеч и пронзительные ярко-зеленые глаза. По залу снова прокатилось восторженное аханье.

— Я — Даджер, второй советник Дома, — представился он. Ментат продолжала ругаться, но он с презрением отвернулся.

— Дважды офигеть, — прокомментировала Тейна.

Рома Атани покосилась на советника с нескрываемым неодобрением, но Ордосов уже явно не интересовало мнение собственного ментата. Человек, сидевший справа от нее, тоже решил открыть лицо. Он выглядел примерно как Даджер, но был немного старше, с несколько более аристократичными чертами лица.

— Я — Бетриккон, старший советник Дома Ордосов, — произнес он с легким поклоном.

Сиридар-барон посмотрел на Аэрнейла и его спутников с явным удовлетворением: эти люди показались ему вполне адекватными. Наконец-то достойный противник. Если претенциозный герцог Атрейдес не вызывал у него ничего, кроме бешенства и желания растереть его в костную муку, то к Ордосам он испытывал даже некоторое уважение. Спикер, конечно, поначалу наговорил глупостей, видимо, на эту должность взяли какого-то недоучку-выпендрейника недавно с институтской скамьи, зато нашелся человек, который быстро всех заткнул и готов говорить по делу. Кто знает, возможно, с этими ребятами впоследствии даже удастся прийти к определенному консенсусу без ненужных разборок. По крайней мере, Аэрнейл на идиота не похож.

Тейна тем временем в изумлении тарасилась на Бетриккона.

— Трижды офигеть. Ребята, запомните: когда мы все-таки разгромим Сигму Драконис,

этого красавца оставьте мне.

Раббан усмехнулся.

— Эй, братишка, кажись, наши дети себе об Ордосов уже все глазки поломали.

Фейд только покачал головой.

— Оно и неудивительно. Такие рожи только под масками и прятать — чтобы кругом народ с ума не походил.

Ракан, давясь от смеха, торжественно пообещал двоюродной сестре не вышибать ордосскому советнику мозги.

— А он согласится? — недоверчиво спросил он.

Девушка фыркнула.

— Вопрос риторический, если наставить на человека лазерное ружье.

— А ну, хватит! — не выдержала баронесса. — Вы зачем сюда пришли? — прикрикнула она на Гансенга, по-прежнему смотревшего исключительно на Йире, и дочь. — Делом заниматься или Ордосам глазки строить, недоноски озабоченные? Найдите себе кого-нибудь и успокойтесь! По мне, так все они какие-то слишком хрупкие и утонченные, — прокомментировала она, оценивающе посмотрев на вражескую делегацию. — Мужчина должен выглядеть мужественно, а не напоминать мраморную статуэтку или изображения с оссианских эстампов. Дело вкуса, но мне такие никогда не нравились. И женушка сумочки Коррино — нежное воздушное создание, ее в постели граблями искать надо, и пощупать нечего, ни груди, ни жопы, на ней платице такое, в которое я бы в тринадцать лет не влезла, как она с такой фигурой вообще ребенка-то выносить и родить смогла. Не понимаю, что вы в них нашли.

— Хм, попробовать подцепить старшего советника — неплохая идея, — прошептала Тейна и виновато замолчала.

— Смотри не влюбись во врага, — тихо ответил ей Норэт и тут же почел за лучшее заткнуться под грозным взглядом матери.

— Отлично, вот и познакомились, — тем временем подытожил относительно довольный барон.

— Теперь, я так понимаю, мы можем все-таки приступить к делу, — настоял Аэрнейл. — Нам необходимо обговорить несколько важных вопросов, — произнес он уже заметно громче, так, чтобы его слова были слышны всем в зале.

Тем временем гадость ляпнул уже Кьель.

— Я все-таки уверен, что это не от сумочки тети Ирулэн, — сказал он Раднору,

бесцеремонно указывая на Эттана. — Наверняка Йире его от кого-то из своих нагуляла, если посмотреть на внешнее сходство с Ордосами.

— А ну, прекрати, в конце концов! Заткнись! — цыкнула на сына Нирием. — В кои-то веки раз кто-то из наших недругов решил сказать что-то дельное, а ты как себя ведешь? Хорошо еще, что тебя отсюда за соседним столом не слышно!

Раднор, однако, в отличие от своих родственников, не пропустил слова Къеля мимо ушей. Он вытащил из спичечного коробка очередной хитроумный иксианский девайс и принялся аккуратно его настраивать на своем мнимом плеере.

— Итак, какие у вас будут предложения, главнокомандующий? — кивнул барон Аэрнейлу. Спикер по-прежнему сидел за столом с растерянным видом, попеременно нервно поглядывая то на Фейда, то на соотечественников — казалось, без своей маски он чувствует себя едва ли не раздетым.

Аэрнейл церемонно поклонился.

— Позвольте приветствовать вас на переговорах, милорд сиридар-барон. Прежде всего мне хотелось бы, во-первых, извиниться за неучтивость, которую проявил по отношению к вам наш Спикер, во-вторых — от имени главы нашего Дома и Совета Экзекутриксов попросить прощения за то, что они в силу обстоятельств не смогли явиться на переговоры.

— Вот давно бы так, — шепнул Фейд брату. — Умеют же люди все-таки нормально себя вести, когда хотят.

Герцога Ахиллуса перекосило.

— По-моему, этот молодой человек явно не совсем в себе, — сказал он ментату. — Много чести так с Харконненами разговаривать.

— Я также рад вас приветствовать. Полагаю, что нам нужно прежде всего определиться с вопросом о том, где будут находиться места первоначального расположения наших баз, — ответил тем временем глава Дома Харконненов.

Аэрнейл взял у Ромы Атани информационное письмо из Ландсраада по поводу предстоящих военных действий на Арракисе.

— Нам были предложены следующие варианты: центр Великой Равнины, район Карфага и область около северной Границы Червя, — огласил он список. — Я лично настаиваю на том, чтобы Дому Ордосов, как и в прошлый раз, для высадки и обустройства базы было предоставлено место в центре Великой Равнины.

— Хорошо, мы сейчас обсудим ваше предложение и через пару минут скажем, что решили по этому поводу.

Фейд наклонился к Раднору.

— Хитер, знает, что там спайса больше. Да пусть подавится, жадный Ордос! Мы возьмем себе район Карфага, там куча наших сторонников!

— Согласен, логично, — поддержал тот барона. — Еще неизвестно, кто в выигрыше окажется. Тем не менее бдительности терять не стоит, у Ордосов, вопреки всем слухам, на редкость сильная армия, да и технологии на высшем уровне.

— Верить надо делу, а не слухам, — сказал Раббан. — Ахиллус-Похуиллус вон, видимо, верил в то, что Ордосов легко раздолбать, потому и просрал все сражения. Посмотрим, на что он окажется способен в этот раз.

— А ни на что, — с явным сарказмом произнес Яних Кобал. — Во-первых, у Похуиллуса в кармане хуй на аркане. Народ на Каладане откровенно бедствует, потому что все истратили на войну герцог и его ментат, которые на пару ни фига не смыслят ни в тактике, ни в стратегии, однако продолжают брать с людей непомерные налоги. Скоро все тамошние жители дойдут до того, что сами удавят Хуиллуса на воротах его собственного замка.

— Может, им немножко помочь? — вовсю веселился Раднор. — Думаю, многие будут только рады повесить своего обожаемого герцога!

— Во-вторых, если берешь себе советников и хочешь выиграть войну, так хотя бы слушай их советы. А то на основании данных разведки у меня сложилось впечатление, что Похуиллус держит при себе ментата то ли для статуса, то ли для красоты, потому что на мебель солярисов не хватило, — продолжал Яних. — Калинар Колтрас пытается время от времени что-то говорить герцогу, но тот тут же заявляет, что ментат несет чушь — естественно, чушью объявляется все, что противоречит мнению его светлости.

— Наверное, тогда в тактике и стратегии ничего не смыслит скорее Похуиллус, а не ментат, — сделал вывод Раббан. — А глава Дома Ордосов, если судить по словам их главнокомандующего, все-таки существует.

— Конечно, существует, — ответил ментат. — Живьем бы, конечно, на него посмотреть. Ничего, со временем мы придумаем способ выманить змею из норы. Значит, что мы решили — Карфаг?

Харконнены дружно закивали, потом барон поднялся с места, чтобы озвучить решение своего Дома. Ахиллус Атрейдес сидел с постной миной: ему очень хотелось встрять, чтобы отхватить себе лучший кусок, но воспитание не позволяло. С детства герцога учили, что перебивать кого бы то ни было, пока тебе не дали слово, неприлично.

— Мы согласны, — произнес Фейд, — берите себе центр Великой Равнины. В свою очередь наш Дом, если у вас возражений нет, претендует на район Карфага.

— Возражений нет, — ответил Аэрнейл, со скрытым торжеством поглядывая на герцога Атрейдеса.

— Принято, — объявил распорядитель переговоров в своей ложе и что-то записал в протоколе. — В таком случае Дому Атрейдесов достается область у северной Границы Червя.

— Не возражаем, — подозрительно довольным тоном подтвердили барон Харконнен и главнокомандующий Ордосов. Герцог Атрейдес не успел и слова вставить.

Тут только до Ахиллуса дошло, как ловко его обдурили враги: фактически они целенаправленно проголосовали за выбор каждого из них, и таким образом предложение, согласно которому Дом Ордосов получал центр Великой Равнины, получало поддержку двух третей участников переговоров — Харконненов и самих Ордосов. То же произошло и с Карфагом, а Атрейдесам достался самый паршивый регион, где спайса кот наплакал! Герцог напряженно косился на Аэрнейла и барона, но устроить скандал в Ландсрааде по поводу столь несправедливого решения или тем более подойти и дать кому-то из соперников в глаз ему не позволяли ни хорошее воспитание, ни гордость. Сейчас он понимал, что сглупил, но было уже поздно. В конце концов, сам виноват, ведь знал же, что Ордосы — коварные создания, а Харконнены пойдут на все, даже возьмут себе худший кусок, хотя могли бы начать ругаться с Ордосами из-за Великой Равнины, лишь бы насолить своим извечным врагам! Кассиус Атрейдес тоже сначала хотел было вставить слово и открыто возмутиться, в конце концов, он будущий герцог, но не решился — побоялся гнева отца.

— Я бы назвал это разделение не совсем честным... — все же возразил в итоге герцог Атрейдес весьма робко-дипломатичным тоном: видимо, он боялся показаться представителям других Домов слишком наглым и дурно воспитанным.

— А я бы хотела немного прокомментировать этот момент, — поднялась с места баронесса. — Честно говоря, я вот упорно не могу понять, зачем Атрейдесам Арракис. Вам что — без этого плохо живется? Вашему Дому во владение досталась прекрасная планета Каладан с великолепным климатом, богатейшими залежами полезных ископаемых и практически неисчерпаемыми природными ресурсами. У вас широко развито сельское хозяйство, горное дело, рыбоводство. Чего вам еще надо? У нас на Гайди Прайме, напротив, климат не слишком хороший, солнце тусклое, фотосинтез очень слабый, и выращивать что-то вкусное и съедобное для нас проблема. Если бы не Ланкивейл, мы бы уже давно совсем пропали. С экологией у нас плохо, и всем понятно, почему — того количества растений, которое имеется на нашей планете, недостаточно для того, чтобы как-то нивелировать последствия от функционирования промышленных предприятий, без которых цивилизованные люди обойтись, как прекрасно известно, не могут. Однако мы находимся еще не в самом худшем положении. Дом Ордосов обитает на ледяной планете, где температура на полюсах порой опускается до сотни градусов ниже нуля. Воды в жидком состоянии у них мало, да и то разве что в области экватора. Вырастить там что-либо съедобное в принципе нельзя, о добыче полезных ископаемых нет и речи — толщина льда слишком велика, и до них почти невозможно добраться. Товары Ордосы импортируют из ближайших звездных систем, и это наверняка влетает им в копеечку. Я могу понять, зачем нам или им нужен Арракис, но вам-то? Живите у себя, никто вас не трогает на вашем Каладане, ловите и кушайте свою рыбку и выращивайте себе на здоровье свой рис пунди. Не кажется ли вам, что с соседями, находящимися в столь бедственном положении, было бы неплохо и поделиться? Или

вообще уступить нам Арракис? В этом случае никто вас не тронет, ни один ваш подданный не пострадает, а с Домом Ордосов мы уж как-нибудь между собой сами разберемся. Это было бы крайне благородным жестом с вашей стороны по отношению к тем, кому с местом жительства не так повезло, и Дом Атрейдесов наверняка вошел бы в историю благодаря своему великодушию, — ехидной финальной фразой баронесса фактически ударила врагов по самому больному месту: Атрейдесы были прямо-таки помешаны на вопросах собственного благородства и кичились им, всячески демонстрируя, как они отличаются в лучшую сторону от лживых, непорядочных и хитрых Ордосов и несущих зло Харконненов.

Фейд был в восторге от речи жены. Молодец, Нирием, так размазать этого напыщенного ястреба по стенке — это уметь надо! Просто блеск! Как правильно он поступил в свое время, послушав совета ментата и решив все-таки жениться! С баронессой ему более чем повезло: и умница, и красавица, и детей нарожала — если раньше про Харконненов говорили, что они не слишком плодовиты, то теперь злятся, что барон настрогал жене целый выводок выродков, и в постели не бревно. Интересно, что теперь придумает Охуиллус-Похуиллус?

Герцог Атрейдес скривился так, словно съел что-то очень горькое.

— Мерзкие наглецы, — сказал он Фионе, с неприязнью глядя на Фейда. — Годы идут, а ничего не меняется. Харконнены как были невоспитанными и жестокосердными, так такими и остались, как вообще барон мог дойти до того, чтобы жениться на простолюдинке, да еще и притащить ее в Ландсраад на всеобщее обозрение? Неужели ему не все равно, что скажут люди? Хотя у этого хоть баронесса есть, а вот его дядюшка Владимир Харконнен так вообще был известным на всю галактику извращенцем.

Герцогиня смутилась и покраснела до корней волос.

— Любезный супруг, я думаю, что все же не стоит о таком говорить, — застенчиво произнесла она. — Тем более в присутствии Кассиуса. Ему незачем знать подобные ужасные вещи.

— Дорогая Фиона, — сказал Ахиллус, — тут я вынужден не согласиться с вами. К сожалению, нашему сыну, возможно, в будущем придется столкнуться с Харконненами напрямую, и он должен знать, на что способны эти ужасные люди, пусть это крайне неприятно и в высшей степени неприлично.

Тут он подумал, что оставлять выпад Нирием Харконнен безо всякой реакции было бы с его стороны не совсем правильно.

— Простите, баронесса, но я вынужден ответить отказом, — как можно более корректным тоном произнес герцог. — Я все же придерживаюсь мнения, что спайс должен быть всеобщим достоянием, а не принадлежать только Дому Ордосов или Дому Харконненов. Это несправедливо по отношению к остальным Великим и Малым Домам, да и вообще ко всему населению галактики. Именно этого и будет добиваться в ходе войны Дом Атрейдесов.

— Дело ваше, — развела руками Нирием. — Мы предлагали вам мир, вы выбрали войну. Как пожелаете. Каждый человек имеет право принимать решения в соответствии с тем, что он считает правильным, ну, а их последствия — уже несколько иной вопрос.

— Прошу меня извинить, миледи, — процедил сквозь зубы герцог, — но я не верю ни вам, ни вашему супругу, ни кому-либо еще из вашего Дома. Если Харконнен говорит о мире, значит, он непременно готовит войну.

— Ну как хотите, наше дело — предложить, мы не настаиваем, — со снисходительной улыбкой ответила баронесса.

Семейка Коррино, поняв, что участники переговоров вроде бы окончательно определились и договорились, тоже подала признаки жизни. Ашиар отобрал у придворного громкоговорителя, тщательно его осмотрел, видимо, опасаясь, что хитрые враги наспиговали его взрывчаткой, и сделал выпененный жест рукой, выражая свое намерение толкнуть очередную речь. От внимательного взгляда барона не укрылось, что Эленар, старший и любимый сынок шакала Коррино, все это время смотрел на Ордосов с нескрываемой злостью и ненавистью.

— Итак, я вижу, что трем Великим Домам наконец удалось прийти к определенному консенсусу, — прогнусавил падишах-император с самодовольной улыбкой. — Пусть же битва за Арракис начнется! Победитель получит в свое владение эту планету и бессрочную монополию на производство спайса, а всем нам прекрасно известно, насколько это вещество важно для вселенной. Правила довольно просты: каждый из Домов высаживается на Дюне и первоначально обустраивает свою базу в том регионе, который вы только что для себя выбрали, а потом ведет боевые действия против соперников. Использование ядерного, химического или биологического оружия, равно как и любое другое нарушение Великой Конвенции, запрещено. Согласно моему решению, Дома-участники войны получают два месяца на подготовку. По истечении этого срока вы имеете право отправлять свои армии на Арракис. Если вопросов и возражений нет, все свободны.

Зрители в зале торжественно зааплодировали. Все собрались было расходиться, однако Тейна подумала, что взять и просто так свалить без какой-либо особой пакости было бы не совсем в духе Великого Дома Харконненов.

— А теперь, — крикнула она, поднимая лазерное ружье, — я бы хотела дать нашим врагам понять, что расслабляться не стоит. Ядерное оружие я, конечно, применять не стану, но и этого достаточно, чтобы до всех доперло, на что способны Харконнены!

Люди в зале запаниковали.

— Ложись! — закричал перепуганный Аэрнейл и потянул за руки Даджера и Рому Атани. Герцог Атрейдес падать под стол не стал, решив, что это не слишком достойно его высокого ранга, но был готов в том случае, если девушка все же начнет стрелять, закрыть собой жену и сына. Он был наслышан о том, что барон Харконнен официально разрешил женщинам из числа подданных своего Дома по собственному желанию служить в армии, в том числе — о ужас! — в огнеметных войсках, но решил, что это не

более чем очередная популистская акция в духе худших выходов покойного Абульурда. Поначалу, увидев дочь Фейда с ружьем, он подумал, что она наверняка притащила оружие для того, чтобы повыпендриваться перед врагами — вряд ли девчонка умеет с ним обращаться! — но в этот момент понял, что жестоко ошибся.

Помедлив пару секунд, Тейна действительно нажала на спусковой крючок, но направила оружие не на кого-то из присутствующих, а на потолочное крепление ближайшей люстры. Та с грохотом рухнула на пол позади столов Ордосов и Атрейдесов, осколки драгоценного хрустала разлетелись во все стороны. Кто-то в зале истошно закричал, герцогиня Фиона упала в обморок, Ахиллус склонился над женой, пытаясь привести ее в чувство, и брызнул ей в лицо вином. К счастью, никто серьезно не пострадал — только ордосскому советнику Бетриккону рассекло руку отлетевшим осколком; ментат перевязывала ему рану белой льняной салфеткой, с укором глядя на дочь барона.

Когда волнение в зале наконец улеглось, падишах-император решил, что совет пора срочно сворачивать — пока эти Харконнены и в самом деле еще больше ничего не натворили, а то кто их знает — может, у них там и в самом деле ядерная бомба в сумке.

— На этом очередное заседание Ландсраада я объявляю закрытым! — прокричал он.
— А вы, — Ашиар с опаской посмотрел на торжествующих Харконненов, — заплатите мне за люстру! Что за возмутительное хулиганство!

Примечание к части

Изменено название главы и имя одного из героев.

8. Брошенная в бездну

...иногда надежда в жизни возникает вместе с появлением в ней всего одного человека.

Эндрю Мэтьюз

Дождавшись, когда Мудиллус, то бишь Ахиллус Атрейдес, свалит из зала вместе со своей страшной как песчаный червь женошкой и щедедушным сыночком, Раднор остановил на выходе из ложи графа Фаррана.

— Идите, я вас догоню, — сказал он остальным Харконненам, — мне тут надо кое о чем переговорить по душам с нашим иксианским товарищем. Фарран, есть важное дело. Естественно, не бесплатно.

— Что такое? — спросил тот.

— Вот, — Раднор сунул ему в ладонь два спичечных коробка. — Кстати, спасибо за роботов-насекомых, они мне очень помогли. Теперь мне нужен генетический анализ, я знаю, что в твоих лабораториях можно сделать это и не только это. В этом, правом, с панорамным фото Харко-Сити, — он указал на один из них, — лежат три образца материала, которые я собрал при помощи твоих хитроумных машинок. Ребенок и вроде бы как его родители. Некий мой офицер подозревает, что в роддоме перепутали малышей и что он воспитывает сына каких-то неизвестных ему людей. Если это так — персоналу за халатность светит эшафот. Если нет — все хорошо. В общем, выясни, является ли образец 3 биологическим сыном образцов 1 и 2. Боюсь, что кому-то очень сильно не поздоровится.

— А в левом что? — поинтересовался граф Икс.

— Это, — Раднор указал на коробок с гербом Дома Харконненов, — тоже образцы генетического материала, только не три, а два — сын и предполагаемый папа. Мать известна, а вот отец — под сомнением. В общем, дама имела связь одновременно с двумя мужчинами, от кого-то из них родила, за одного потом вышла замуж, но есть вопрос — является ли образец 2 биологическим сыном образца 1 или они друг другу чужие люди.

Фарран кивнул.

— Без проблем. Через пару недель тебе напишу.

— Сколько?

Тонкие губы иксианца скривились в злобной усмешке.

— Для постоянных клиентов сегодня услуга бесплатна. Только взамен я попрошу о встречной: когда вы раздавите гнездилище мерзких Атрейдесов, предоставьте мне

возможность полюбоваться зрелищем пылающего замка Каладан!

— Будет сделано, — пообещал главнокомандующий Харконненов, — если там после взрыва ядерной бомбы хоть что-то останется.

— Тогда предлагаю товарищеский футбольный матч между Домом Икс и Домом Харконненов, — нехорошо усмехнулся Фарран. — В качестве мяча будет использоваться безмозглая голова проклятого герцога Атрейдеса!

— По рукам, — согласился Раднор. — Я жду результатов. И, естественно, о нашем разговоре никто не должен знать.

Обернувшись, главнокомандующий с удивлением увидел, что барон в свою очередь тоже еще не ушел из зала и о чем-то разговаривает с таинственной главой Дома Тлейлаксу, при этом ему показалось, будто Фейд и этот загадочный человек знакомы уже давно.

*И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой...*

М.Ю. Лермонтов «Демон»

После окончания заседания Совета Домов Харконненов решили остаться до утра в гостинице — во-первых, космопорт был полон народу, и им не очень-то хотелось там толкаться и стоять в очереди на посадку, во-вторых, у них было еще одно крайне важное дело, а именно прослушивание разговоров Ашиара Коррино.

Тейна, удобно устроившись на диване, продолжила рассказывать своим братьям об idiotских выходках населения Каладана.

— Так вот, мне еще рассказывали, что в армии Дома Атрейдесов должностями торгуют, а народ потихоньку мрет от голода и болезней, — произнесла она. — Наверняка там народ в итоге поднимет бунт против мерзкого Хуиллуса, потому что так просто нельзя.

— Верно мыслишь, дочь, — похвалил ее Фейд. — Правление можно теоретически сравнить со сбором ягод: например, у меня есть кустик смородины. Если я пообдираю с него ягоды, а потом сварю из них варенье, никому вреда не будет — ни кусту, ни мне, одна польза. А вот если начну обрывать листья, ломать ветки и тем более выдергивать растение из земли, оно будет страдать и в итоге погибнет, а пользы не будет ни ему, ни мне. Аналогия, я думаю, понятна: размер налогов и жесткость законов должны находиться в пределах разумного.

— Все хорошо в рамках здравого смысла, — подтвердил Кэйлин. — Говорят, там все очень хреново в плане размножения: женатому человеку детей кормить нечем, неженатому с девушкой познакомиться сложно, потому что они там все массово спятили

на почве правильности и пристойности.

— А то, — сказала его сестра. — Алистер мне рассказывал, что какой-то малолетний урод, страдая от спермотоксикоза, поймал на рисовой плантации здоровенную лягушенцию и пытался натянуть ее себе на хрен.

Норэт громко расхохотался.

— А лягушка что — лопнула и околела? У них там нет часом статьи за жестокое обращение с животными?

— Если я убью герцога Атрейдеса, меня в таком случае надо судить за жестокое обращение со свиньей, — вставил ментат. — А женщины на Каладане отсутствуют по определению? Мне всегда казалось, что с женщиной оно как-то сподручнее, чем с лягушкой.

— Ха, Яних, тебе там с местными нравами никто до свадьбы ни фига не даст, — ответила Тейна. — И вообще, родись ты на Каладане, так тебе бы родители жену выбрали — из подходящей семьи и с хорошим приданым, а познакомился бы ты с ней как раз в день бракосочетания во избежание неприятностей.

Раднор снова достал свою хитроумную машинку и начал в ней копаться, засунув в левое ухо один из наушников.

— Хочу посмотреть, что там делает наша дорогая сумочка.

— Ты наушники бы отключил, я тоже хочу послушать и посмеяться, — предложил барон. Раднор со злорадным видом выдернул их из прибора.

— С женой ругается, дерьможуй сраный, — сказал он, и тут Харконнены услышали безобразную семейную сцену.

— ... вы же видели, как на нас все смотрели! — раздался из динамиков мягкий женский голос с мелодичным акцентом; судя по всему, это была Йире. — Вы могли бы хотя бы соблюсти приличия, я же понимаю, что...

Послышался грохот и звон бьющегося стекла или фарфора; по всей видимости, Ашиар в гневе столкнул со стола какую-то вазу или еще что-то хрупкое.

Йире сдавленно зарыдала.

— Зачем вы это сделали? — она, судя по всему, плохо говорила по-галахски, потому что, кроме заметного акцента, в ее речи встречались явные ошибки, а следующую фразу она так вообще пробормотала на своем родном языке.

Барон бросил беглый взгляд на племянника: бледный от гнева Гансенг стоял, сжав кулаки и прикусив губу.

— Грязная тварь, — произнес он, заметив, что дядя на него смотрит. — Когда я поймаю этого уебка, то вырву ему руки и ноги, свяжу его узлом и сожгу заживо на медленном огне. Он у меня кровью умоется, шакал гребаный!

Тем временем ссора между императором и его женой продолжалась.

— Давайте мы все-таки поговорим с вами спокойно, — попросила Йире со слезами в голосе. — Мой уважаемый супруг, я прекрасно понимаю, что вы меня не просто не любите — я вам неприятна во всех... — она замялась, видимо, подбирая нужные известные ей слова, — смыслах. Вы взяли меня в жены по настоянию брата. Однако мы можем хотя бы договориться как разумные люди. Я ничего от вас не требую, даже не прошу. Живите с той женщиной, которая вам приятна, которую вы любите. Она мать ваших детей...

— Сомневаюсь, что я отец твоего сына! — проорал Коррино с нескрываемой злостью. — Видел я сегодня твоих братьев и то, как ты на них смотрела! Наверняка от кого-то из них нагуляла, он на меня совершенно не похож, а вот среди Ордосов рыжеволосых и зеленоглазых, судя по всему, предостаточно!

— Это невозможно! Вам прекрасно известно, что до брака с вами я не знала другого мужчины, поэтому...

Фраза Йире оборвалась на полуслове — раздался звучный шлепок, судя по всему, венценосный супруг влепил ей пощечину. Гансенг произнес добрую половину известных ему нецензурных ругательств и пообещал выебать Коррино в жопу сковородкой.

— Она туда не пролезет, — прокомментировал Раднор.

— Возьму твою бензопилу, и пролезет, — процедил сквозь зубы разгневанный племянник барона Харконнена. — Можно еще обе руки ему сжечь на жаровне, чтобы впредь было неповадно бить женщину.

— И вообще, эта Йире, чувствуется, однозначно не дура, — добавил главнокомандующий, — все прекрасно понимает, что брак у них чисто династический и он ее любить не обязан, даже договориться ему предлагает, а этот упырь...

Жена императора тем временем, видимо, опомнилась после выходки супруга.

— Я бы не обращала внимания на то, что вы открыто живете с другой женщиной, — холодно произнесла она, — на вашу неприязнь ко мне, если бы вы постоянно ее всем не демонстрировали и избавили меня и моего сына от ваших оскорблений и насмешек. Отпустите меня домой, я несчастлива здесь, и я клянусь вам, что вы больше никогда ничего обо мне не услышите, и я ничем вам больше не помешаю. В крайнем случае — просто оставьте меня в покое!

Раздался противный женский смех; видимо, за всей этой перебранкой наблюдала Сиона Аттар. Интересно, неужели она-то сама шакалу досталась девицей?

— Забудь думать, — рявкнул Ашиар. — Ты моя жена, и мне плевать, что тебе там взбрело в голову. Если я не пользуюсь чашкой, и она мне не нравится, это не значит, что я должен ее кому-то подарить или даже просто выбросить, потому что это моя вещь, и этим все сказано. Она будет стоять у меня на полке просто потому, что она принадлежит мне.

— Офигеть, — скривилась Тейна. — Достался ей в мужья полный мудака: и сам не ам, и другим не дам.

— Считаю, что ты тоже моя вещь, и никуда ты отсюда не уйдешь. Попробуешь сбежать — я тебя найду и убью вместе с твоим ордосским ублюдком, а заодно и сделаю так, что еще кое-кто из дорогих тебе людей распрощается с жизнью. Понятно? Убирайся отсюда вон.

Судя по удаляющимся звукам шагов, Йире быстро выбежала из комнаты; из динамиков раздалось чавкающее чмокание, а потом — нечто вполне недвусмысленное, больше напоминавшее озвучку порнофильма.

— О, сумочка пока веселится, — хихикнула Ирулэн. — Недолго ж тебе осталось, дорогой родственничек, шевели хреном, пока тебя Раднор лопатой не кастрировал. Я в свою очередь из твоего хуя брелок сделаю. Натуральная кожа!

Мрачный как туча Гансенг посмотрел на главнокомандующего.

— Раднор, мне нужна твоя помощь. Пойдем со мной.

— Что такое? — удивленно поднял брови Фейд, глядя на племянника; он понял, что это однозначно связано с Йире.

— Не волнуйся, дядя, без глупостей. Я не собираюсь убивать Коррино прямо сейчас, возле шакала полно охраны, даже когда он трахается, а у нас тут нет армии и ядерного оружия, чтоб разнести на куски гнездилище этого сукина сына. Однако мне известно, что во дворце полно тайных ходов, ведущих в самые разные помещения, а рядом с Йире вообще нет никакой охраны, о ее безопасности никто не заботится, поэтому я просто хочу...

— Неужели ее украсть? — одновременно выдохнули Ракан и Копек.

— Я не собираюсь никого красть, — твердо ответил Гансенг, — она будет делать только то, что захочет сама. Просто увидеться и поговорить. Пожелает идти со мной — я в тот же час увезу ее на Гайди Прайм. Не пожелает — воля ее. Поэтому, Раднор, мне требуется твоя помощь. Наверняка твои иксианские штуковины могут показать нам, как пробраться к Йире самым безопасным путем.

В голосе его была такая решимость, что даже Фейд и Раббан не смогли возразить.

— Ладно, если Раднор согласен — идите, — неуверенно произнес барон.

9. Ночные гости

*Над Москвой-рекой наступал рассвет,
Говорил ты: «Да!» — отвечала: «Нет!».
Говорил: «Пойдем!» — я твердила: «Брось!».
Что-то быстро вдруг время пронеслось...*

Балаган Лимитед «Что я наделала?»

*Жемчуг вплел бы тебе я средь кос!
Пусть завидуют люди!
Свое сердце тебе б я поднес
На эмалевом блюде!*

Саша Черный

*И на пятый год постучался к ней
Молодой красавец из дальних земель;
Он сказал — люблю, он сказал — идем,
А она: «Ну как я оставлю дом?!»*

Элхэ Ниэннах

Йире вылетела из покоев мужа, не помня себя от страха и обиды и вытирая рукавом серебристого атласного платья непрерывно катящиеся из глаз слезы. В доме своего венценосного супруга, если судить по его собственным словам, она была даже не рабыней — вещью. Правильно, ведь человек, приводя в дом женщину, не будет стесняться собственного стула или стола или спрашивать у них разрешения; они просто стоят себе в комнате, и все бы удивились, если бы предмет мебели вдруг осмелился подавать голос или тем более возражать. Хотя, если подумать, с вещами обращаются лучше — они и в самом деле просто стоят, и никому в голову не придет их оскорблять, поднимать на них руку или угрожать им. В крайнем случае их просто отнесут на свалку.

Угроза мужа в случае неповиновения разделаться не только с ней самой и Эттаном, который был для нее единственной отрадой и утешением, но и еще с кем-то, кто был дорог ее сердцу и кого Ашиар не назвал вслух, сильно напугала молодую женщину. К постоянным обещаниям убить ее и сына она уже давно привыкла, но этим неизвестным «кем-то» мог оказаться любой человек из ее Дома, с которым она когда-либо поддерживала хоть мало-мальски теплые отношения, начиная с гувернантки, которую приставил к ней в детстве покойный герцог Дьюрал, чтобы та учила девочку чтению, письму, арифметике и хорошим манерам, домашних учителей, слуг и заканчивая нынешним главой Дома, о котором она со страхом и давно подавленной надеждой думала каждую ночь — разумом она понимала, что никогда больше его не увидит, нечего и мечтать. Гибели кого-то из своих она ни в коем случае не хотела: Йире выросла с мыслью, что должна в случае необходимости сделать все возможное для блага и пользы Дома Ордосов, в этом смысл жизни любого из них, и она не имела никакого права подводить всех из-за того, что ее отдельное существование давно стало невыносимым.

Нет уж, лучше терпеть и делать вид, что все в порядке.

Идя по коридору в свою комнату, Йире окончательно вытерла слезы и изобразила на лице натянутую улыбку — никто из придворных, слуг или тем более ее сын не должен видеть ее в таком состоянии, пусть Эттан считает, что с ней все прекрасно, хотя... кого она хочет обмануть? Он уже не маленький мальчик, а вполне взрослый юноша и все отлично понимает, но приличия есть приличия. С детства ее учили, что показывать кому-то свои чувства или даже рассказывать о них — позор.

Как назло, она как раз столкнулась по дороге с Эттаном — он тоже готовился ко сну, направляясь в свою комнату.

— Дорогая матушка, с вами все в порядке? Или отец снова вас обидел?

— подозрительно посмотрел на нее сын.

— Все замечательно, мой милый, — Йире спокойно улыбнулась. — Ничего страшного. Иди спать, приятных снов.

Она обняла и поцеловала Эттана на ночь — если бы муж увидел, точно бы возмутился и накричал на них, негоже матери вести себя так с мальчиком, тем более с таким взрослым. Однако это ее сын, и она его любит, а он любит ее, более того — у них никого больше нет. Никого, с кем они могли бы поговорить, на кого положиться и опереться.

Было уже почти за полночь, когда Йире, заперев дверь в свою комнату, впервые за весь вечер осталась наедине со своими мыслями. Обхватив прохладную подушку — это приятное ощущение напомнило ей о родной планете — она лежала и смотрела в темноту, изо всех сил стараясь не заплакать. Что ждет ее в будущем? Наверняка ничего хорошего. Сейчас начнется очередная война. Чем это обернется для ее Дома? Ее муж ненавидит Ордосов лютой ненавистью, и даже в случае абсолютной победы... она боялась об этом думать. Нет, надо постараться заснуть, и так уже поздно.

Молодая женщина задремала, но через какое-то время ее разбудил шорох в комнате. Йире приподнялась на кровати, спросонья не сразу сообразив, где находится и что происходит. За окном было по-прежнему темно. Она прислушалась и вдруг внезапно увидела в углу неясные очертания какой-то фигуры.

Йире села на край постели, но кричать, как сделали бы многие другие женщины на ее месте, не стала. Во-первых, она знала, что ее судьба тут никому не интересна и никто в случае неприятностей не придет на помощь, во-вторых — сначала нужно понять, в чем дело, а потом уже звать на помощь.

— Кто вы? — хрипло спросила она. — Что вам нужно?

— Пожалуйста, только не вопи, я тебе ничего не сделаю, — сказал неизвестный из темноты; никакой угрозы в его голосе не было.

— Кто вы? — еще раз переспросила Йире; теперь в неверном свете, пробивающемся с улицы сквозь плотные занавески, она рассмотрела, что незваных гостей на самом деле

двое — один чуть повыше ростом и с короткой стрижкой, у второго волосы собраны в хвост. Тот, что стоял впереди и с ней разговаривал, включил маленький карманный фонарик, и молодая женщина от страха закрыла руками лицо: она сразу узнала обоих, пусть сейчас они были одеты не в парадную красно-серую, а в походную черную военную форму с вышитым гербом на рукаве. Гансенг Харконнен, младший племянник барона Фейда, и Раднор, верховный главнокомандующий Дома, славящийся своей изуверской жестокостью на всю галактику.

— Здравствуй, — совершенно спокойно сказал сын Зверя Раббана. — Вообще-то я не хотел тебя будить, но, когда лез сюда, думал, что ты еще не спишь.

Йире опустила руки и смотрела на него, как на опасное хищное животное, внезапно вышедшее из лесной чащи навстречу неосторожному путнику. Харконнены — заклятые враги, ничего хорошего ждать от них нельзя! Как на это реагировать? Попробовать сбежать? Закричать? Позвать на помощь? Вид у племянника барона был откровенно дерзкий и наглый — это же надо быть настолько нахальным, чтобы вот так вот почти открыто пробраться во дворец Коррино! Застигнутая врасплох и обезоруженная его смелостью молодая женщина не знала, как себя вести и что ему ответить.

— Почему ты молчишь? — Гансенг сделал шаг назад, рассматривая ее. — Или ты меня не понимаешь? Я слышал все, что... — он вздохнул, вспоминая недавний инцидент. — Этот подонок тебя ударил и поплатится за это.

Йире со стыдом опустила глаза; с детства ее учили, что личная жизнь человека должна быть как можно более сокрытой от других. Ордосы никогда не обсуждали ее даже с самыми хорошими знакомыми и друзьями, зачастую в их Доме о человеке было только известно то, что он женат или замужем и у него есть дети, но никто не знал ни имени его второй половины, за исключением тех случаев, когда это был кто-то, занимающий достаточно высокое положение, ни тем более подробностей их супружеских отношений. Сейчас же она ощутила себя так, словно ее застали за чем-то очень нехорошим и достойным осуждения — хотя никакой ее вины в том, что Харконнены, судя по всему, однозначно организовали слежку за ее мужем, быть не могло. Однако Гансенг понял ее иначе.

— Это ему должно быть стыдно, а не тебе. Я уже пообещал, что шакал Коррино поплатится за содеянное, и я сдержу обещание. Знаешь, ты мне очень нравишься.

— В... смысле? — растерялась она.

— В самом прямом. Если бы я мог, то сегодня же отрезал бы голову этому безумному кролику и сам на тебе женился... конечно, если бы ты согласилась. Послушай меня, Йире, — несмотря на волнение, Гансенг старался говорить медленно, помня о том, что она наверняка плохо понимает имперский галахский. — Я вижу, что ты несчастлива здесь, а твой муж не просто тебя не любит, но презирает и ненавидит и при этом не желает отпустить с миром! Я сам слышал, как он называл вашего сына ордосским ублюдком. Он не стесняется даже появляться на людях со своей любовницей! Если ты согласна — бежим со мной на Гайди Прайм. Ты будешь жить у меня в убежище Харконненов, и я спрячу тебя от глаз Коррино так, что никто тебя не найдет. Потом я

убью эту тварь Ашиара и сам женюсь на тебе, а на свадьбу поднесу тебе в качестве подарка его вырезанное сердце на золотом блюде! Если ты согласишься, то я брошу весь мир к твоим ногам! Я вплету тебе в косы лучший каладанский жемчуг...

— А чего ты вообще с ней разговариваешь? — с гнусной ехидной ухмылкой спросил Раднор, слушая высокопарные речи родственника, изо всех сил пытавшегося показаться учтивым и благовоспитанным и копировать книжные образцы ухаживаний за девушками. — Давай заткнем ей рот, вкатим дозу снотворного — и в багажник нашего транспортника, а в себя она придет уже на Гайди Прайме. Никто же не станет проверять, кого или что мы тут с собой везем.

Йире похолодела. Надо же ей было попасть в такую чудовищную переделку на ровном месте, не вставая с собственной постели!

— Раднор! — возмутился Гансенг. — Я просил тебя на стреме постоять, а не давать idiotские советы! Ты на Алие тоже женился так, как рассказывал Хуи... тьфу, Ахиллус Атрейдес — дозу снотворного и на Гайди Прайм?

Главнокомандующий Дома Харконненов пристыженно замолчал, поняв, что его шутка оказалась крайне неуместной и неудачной.

— Прошу извинить Раднора, недавно на переговорах герцог Атрейдес непристойно оскорбил его, обвинив в подобном обращении с леди Алией, вот он в сердцах и ляпнул гадость, — быстро и горячо пробормотал племянник барона. — На самом деле он имел в виду... то есть он не имел... в общем, просто глупо пошутил. Решайся. Ты согласна идти со мной? У меня хватит сил защитить тебя — ведь я Харконнен!

Молодая женщина отрицательно покачала головой. Потом внимательно посмотрела на племянника барона: как ей к нему обращаться?

— Спасибо тебе... Гансенг. Я вижу, что ты и в самом деле очень отважный и благородный человек, и я бы с радостью сказала тебе «да» и поехала с тобой не только на Гайди Прайм, но и на самый край Вселенной, если бы не множество разных причин, по которым я не могу покинуть это место.

Молодой Харконнен был до глубины души потрясен ее словами: его, представителя самого жестокого и отвратительного из всех Великих Домов, которого все должны были бы бояться как огня и молнии, да к тому же еще и враждебного Ордосам, внезапно сочли отважным и благородным! Она сама-то понимает, что и кому говорит, эта прекрасная женщина со взглядом наивного доверчивого ребенка?

Раднор тоже вопросительно посмотрел на Йире — почему она вдруг утверждает такое?

— Мы можем поговорить без свидетелей? — поинтересовалась она.

— Успокойся, Раднора можешь не бояться, он мой родственник, — ответил Гансенг. — Просто неудачно пошутил, но я же его прекрасно знаю, он не сделает тебе ничего плохого.

— Ладно, — Йире решила, что ей уже нечего терять. — Первая причина — это Эттан, мой сын. Наверняка ты слышал, что Ашиар грозился меня убить, и его вместе со мной. Если я сбегу отсюда, то что с ним будет? Мой муж и так подозревает, что я родила Эттана не от него. К сожалению, то, что он утверждал, то, что вы с Раднором услышали — чистая правда. Падишах-император — не отец моего ребенка.

— Это был кто-то из твоих? — спросил племянник барона.

Йире кивнула.

— Да. Он и внешне похож на своего настоящего отца, а не на моего мужа — я это сразу поняла, как только он родился. Сегодня после того, как на-барон сдернул со Спикера маску в Ландсрааде, а другие люди из нашей делегации тоже их сняли, мой муж наверняка и заподозрил неладное — Эттан же и по виду как один из Ордосов. Не Коррино.

— Повезло парню, — прокомментировал Раднор. — Такой харей, как у твоего муженька, только песчаных червей пугать. Увидят — сразу сдохнут, такое ночью приснится, так ничем не отмахнешься.

— Тупица Ксенар, — укоризненно произнес Гансенг. — Вот что он наделал? Всех подставил!

— Ну, а откуда ему знать, — развел руками главнокомандующий. — На хуй ему сдались тут чужие альковные тайны.

— Раднор, не матерись, — строго сказал его родственник, косясь на Йире. — Это тебе не наши женщины-десантники, которые и восьмизатжную ругань стерпят, и сами случай чего кулаком в морду дадут.

— Ну ладно, — тот продолжал всматриваться в темноту, сжимая в руках автомат, на случай всякой неприятной неожиданности. — Ксенар же просто хотел посмотреть на кого-нибудь из Дома Ордосов вживую, а то он только ментатов ваших видел, остальные все время под масками прятались. Вот ему и любопытно стало на вас поглядеть. Он пообещал отцу, что с кого-нибудь из Ордосов маску непременно сдернет. Ну и выполнил обещание. Он же не собирался тебя подставлять.

— На-барон тут не виноват, — Йире незаметно вытерла глаза рукавом ночной рубашки. — Моему мужу только дай повод придраться, не одно, так другое. Если бы даже он не решил, что Эттан не его сын, так еще бы что-нибудь придумал, чтобы над нами поиздеваться. Поэтому даже если я сама сбегу отсюда — что будет с моим ребенком?

— Возьми его с собой, да и дело с концом, — предложил Гансенг. — Ребенку его возраста нужно общаться со сверстниками и учиться в школе или колледже. Сомневаюсь, что у него здесь есть друзья, а образование он получает только благодаря придворным учителям.

— К счастью, у нас на Гайди Прайме с этой порочной практикой уже много лет как покончено, — прокомментировал Раднор. — Все дети ходят в государственные школы и институты, а домашнее обучение — лишь для малышей с настолько ограниченными возможностями, что до учебного заведения добраться — большая проблема.

— Ты снова не понимаешь, — вздохнула Йире, — я же тебе сказала, мой муж непременно выдумает не одно, так другое. Вот представим себе, что мы с Эттаном уехали отсюда, и ты спрятал нас на вашей родной планете, никто не знает, где мы. Думаешь, он все так оставит и не найдет, на ком отыграться? Найдет. Ты не знаешь Ашиара. В этом случае получится, что я подставила весь Дом Ордосов. Он сорвет все зло на нас. У тебя есть дядя — грозный барон Харконнен с ядерным оружием, и он живо расправится с любым, кто посмеет к вам сунуться. Мой муж боится вас, но он найдет крайнего и выплеснет на него свою ярость. Если ты увезешь нас с Эттаном, Ашиар, возможно, и поймет, кто виноват, но не осмелится выступить против барона. Он и в самом деле боится Харконненов. Однако это развяжет ему руки в плане возможности разделаться с моим собственным Домом: он ненавидит Ордосов. Может быть, даже из-за меня. В этом случае он тут же заявит, что это они во всем виноваты, и нам конец. Я не могу так поступить. Будь моя воля, я бы уже давно сбежала отсюда вместе с сыном, но я не могу подвести всех. Это же мой народ.

— Мудак твой муженек и подлый шакал, — выругался Раднор. — Что бы с ним такое выдумать? Вот ты влипла, и деваться-то некуда. Гребаный ебанат Коррино, может, и в самом деле выебать его в жопу сковородкой?

— В жопу сковородкой? — передразнил его племянник барона. — А ты уверен, что она туда пролезет?

— Если очень постараться, то отлично пролезет, — ответил тот, продолжая тем временем придумывать в своем воображении разные варианты расправы с шакалом Ашиаром — один страшней другого.

— Я действительно несчастлива здесь, — печально продолжала Йире. — Однако я не могу уехать с тобой, Гансенг, еще и по третьей причине. Ты очень хороший и добрый человек, более того — я вижу, что твои чувства ко мне искренни, и я не хочу тебя обманывать из личной выгоды. Я люблю другого человека.

— Это настоящий отец Эттана? — спросил Гансенг. — Извини, если лезу не в свое дело и наступил тебе на больное место.

— Да. Это он.

— Красивый, видать, мужик был, если судить по тому, что получилось, — сделал вывод младший сын Раббана. К удивлению Раднора — безо всякой злобы в голосе.

— Он мне нравился с детства, — Йире села на кровать и начала рассказывать. — Моя мама умерла через две минуты после моего рождения, а кто был моим отцом, никто даже и не знает, она никому об этом не говорила. Меня воспитывал отец моей матери, он был хорошим человеком, обеспечивал меня всем необходимым, но почти со мной не

общался — только по делу, за всю жизнь не сказал мне ни единого ласкового слова. У меня было все, что нужно — еда, одежда, книги, но меня ни разу никто даже по голове не погладил. Я, кстати, тоже не ходила ни в школу, ни в институт, мне наняли домашних учителей, как и моему Эттану. Они все были очень умными и порядочными людьми, но и они разговаривали со мной только о том, что касалось учебы.

— Ну, это меня не удивляет, — сочувственно вставил Гансенг Харконнен, — проще дожждаться проливного дождя на Арракисе, чем теплых чувств от Ордоса. Твои соотечественники, по-моему, вообще какие-то замороженные.

Голос разума неустанно твердил Йире — остановись, что ты делаешь, с кем ты тут откровенничаешь, беги отсюда, зови на помощь, это же Харконнены, заклятые враги и гроза всей галактики! — но необходимость поговорить хоть с кем-то, кто впервые за долгие годы отнесся к ней по-человечески, оказалась намного сильнее, несмотря на то, что она чувствовала — это точка невозврата, за которой непременно последует какая-нибудь трагедия.

— Неправда, мы не замороженные, — возразила молодая женщина. — Просто у нас свои обычаи и порядки, они многим были бы непонятны. Например, у нас не принято... ну, считается нехорошо, если... сейчас попробую объяснить.

Ей казалось, что она имеет откровенно жалкий вид, кроме того, ей было стыдно за свою не слишком грамотную речь с наверняка глупыми с точки зрения двух Харконненов грамматическими ошибками.

— О вашем Доме мало что известно, — сказал Гансенг, — в основном сплетни всякие ходят, но ничего конкретного люди не говорят. В отличие от Атрейдесов, жизнь которых у всех на виду, вы от всего остального мира как будто ледяной стеной отгородились.

— Вот смотри, — продолжила Йире, аккуратно подбирая слова. — Живут вместе два человека, муж и жена, у них дети. Они друг друга любят. Как везде делают? Я видела, как твоя мать на людях обнимала твоего отца. У нас так никогда не будут, нельзя целоваться, обниматься, если вас кто-то видит, даже держаться за руки считается неприлично. Мало того, в одном доме у супругов разные комнаты, без спросу они друг к другу не заходят, спят тоже каждый у себя. У детей тоже отдельные комнаты, у каждого своя, и к ним даже родители, брат или сестра без разрешения не заглянут. Даже в одной семье иногда родственники не знают друзей друг друга. У мужа свои, у жены свои, порой бывает и такое, что человек много лет живет со своей женой, а ни разу не видел ее родителей и вообще ни с кем из ее близких не знаком.

— Ну и ну, — удивился племянник барона. — Как вы там вообще живете? Я б от такого давно повесился.

— Какая-то патологическая замкнутость прямо, — пожал плечами Раднор. — Я, если честно, мать и племянников своей жены знаю тоже только понаслышке, но если бы была возможность с ними общаться — уж точно не стал бы вот так вот отгораживаться. Поскольку я с людьми работаю, то, разумеется, иногда от них устаю, и мне хочется немного посидеть в одиночестве, но не прямо вот до такой степени.

— Ты считаешь это замкнутостью, а наши люди считают, что таким образом оберегают свое личное пространство, — пояснила Йире. — Отсюда, кстати, и те маски, которые вам так не понравились. Наверное, что-то вроде попытки закрыться от чужих глаз... не знаю, как объяснить, вы, скорее всего, не сможете понять.

— Для этого, видимо, надо родиться Ордосом, — заключил главнокомандующий Харконненов. — Но постараться можно.

Про себя Раднор подумал, что внезапное чувство, так захлестнувшее Гансенга, может оказаться очень даже на руку их Дому: врага надо не только знать в лицо, но и быть в курсе того, как он мыслит и воспринимает мир. Пусть говорит дальше, эта наивная юная женщина наверняка всю свою жизнь просидела взаперти под надежной охраной и мало с кем общалась. От своих родных она сразу перешла в грязные лапы шакала Коррино и не имеет ни малейшего понятия о том, что такое реальная жизнь, вот и выкладывает недругам собственного Дома некоторые вещи, о которых человек более опытный и искушенный однозначно счел бы нужным помалкивать. То, что она расскажет, может оказаться весьма полезным: по крайней мере, особенности мировоззрения и менталитета Ордосов больше не будут покрытой мраком (а также масками и бесформенными балахонами) тайной.

— Мой двоюродный брат Кьель говорил о вас как о существах без эмоций, но сейчас я понимаю, что он был явно неправ, — сказал Гансенг.

— Он действительно неправ, — подтвердила Йире. — Нам просто нужно немного больше пространства вокруг себя, чем всем остальным — ну как если бы ты общался с человеком, а вокруг него нечто типа непробиваемого поля, которое он может по своему желанию отключить и подпустить тебя к себе, а может и закрыть совсем. Без предупреждения.

— Жуть какая-то, — наигранно поежился Раднор.

— Так вот примерно и я провела первые четырнадцать лет своей жизни, а потом все же поняла, что он мне не просто нравится... я про того, кто стал отцом Эттана... что я очень люблю его. Я ничего ему не говорила — не только в любви не признавалась, но и вообще никак даже не общалась. Порой смотрела, и то мне казалось, будто незаметно. Я думала, что никто ничего не видел и не понял. Потом отец моей матери пришел ко мне и сказал, что скоро моя свадьба. Я не спросила, кто мой жених, как он выглядит, чем занимается, что он за человек — это бы ничего не изменило, ведь никого не интересовало мое желание или нежелание выходить замуж. Все стали готовиться, шили мне подвенечное платье, собрали приданое. Потом мне все-таки сообщили, что в мужья мне предназначен один из Дома Коррино и что скоро я отправлюсь на Кайтэйн. Однако за две ночи до отлета в мои покои пришел тот человек, которого я любила. Он сказал мне, что все понял. Он не говорил об этом, но и без того было ясно, что мое чувство оказалось взаимным. Потом он предложил мне, если уж нам не суждено быть вместе всю жизнь, провести вдвоем хотя бы несколько часов. Я согласилась.

— Насколько я понял, этот человек занимал или даже сейчас занимает высокое положение в вашем Доме? — осторожно попытался выяснить главнокомандующий

Харконненов в надежде, что Йире все-таки проболтается и назовет имя либо как-то еще ненароком укажет на то, кто это такой.

— Можно сказать, что да... Я закрыла дверь в мою комнату, и мы вместе ушли в ночь. Сутки на Сигме Драконис IV длятся гораздо дольше, чем здесь — почти пятьдесят один час, я до сих пор не могу к этому привыкнуть и часто чувствую себя невыспавшейся. Поэтому у нас было много времени на то, чтобы поговорить друг с другом в первый и последний раз в жизни. Все думали, будто я у себя и сплю, но на самом деле я покинула Великий Дворец — тоже впервые в жизни — и отправилась с будущим отцом моего Эттана в город. Я никогда раньше не думала, что мир такой большой и по нему можно идти час, два, три, а он все не кончается... Потом же... даже не знаю, как сказать... я сама не поняла, как у нас дошло до того, вследствие чего потом у меня родился сын. Мы оба очень сильно испугались, мы же сделали... ну, то самое — повинуюсь только инстинктам, у нас на время как будто отключился разум, а потом нас охватил ужас — что же мы натворили?

Яркая краска залила бледное лицо молодой женщины.

— Честно говоря, мне очень стыдно о таком рассказывать... надеюсь, я не слишком вас таким смутила...

— Да ладно, я своих детей тоже не в огороде нашел, ты же без подробностей, — Раднор поправил свои стянутые на затылке резинкой в хвост медные волосы. — Вот тебе и отморозки. Горячие вы ребята, ничего не скажешь, я б на первом свидании на такое не решился. Я вон за своей Алией два месяца ухаживал, прежде чем ее на то самое уломал.

Йире решила, что ей уже больше нечего терять. Харконнены так Харконнены, хуже ей уже не будет. Уж хуже, чем до этого... если предположить самый страшный исход событий, Раднор и Гансенг ее изнасилуют и убьют. Или силой увезут на Гайди Прайм, предварительно накачав снотворным.

— В общем, я тогда стояла и плакала на морозе, у меня слезы на ресницах и на щеках замерзали, а он меня успокаивал и подучил, как так сделать, чтобы муж в первую брачную ночь ничего не понял. Потом незаметно отвел меня домой, я по-быстрому застирала одежду и легла в постель. Я пыталась заснуть, но так и не смогла, а утром, когда за завтраком появился отец моей матери, я снова заплакала и сказала, что не хочу замуж. Он холодно посмотрел на меня — как на сущее ничтожество — и сказал, что это вообще не обсуждается.

— Не очень себе представляю, как можно заниматься любовью в лютый мороз прямо на снегу или на льду, — передернул плечами главнокомандующий. — Ну вы и экстремалы, я вам скажу. Я просто обалдел.

— У нас есть еще одна особенность, которая мало кому понятна, — продолжала Йире, — Ордосы обычно очень привязаны к своему дому и месту, где они живут. Для нас уехать куда-то очень далеко и надолго — большая проблема, мы начинаем чувствовать... как оно называется по-вашему... дискомфорт, — она долго вспоминала слово. — Я тоже очень привыкла к нашему Великому Дворцу, я никогда его не покидала, поэтому день

отлета стал для меня худшим в жизни.

Гансенг внезапно протянул руку и погладил Йире по голове. Ее волосы на ощупь оказались мягкими и шелковыми. Она подняла на него удивленный взгляд. Племянник барона отдернул ладонь — словно внезапно коснулся чего-то очень горячего.

— Извини, — молодой Харконнен попытался изобразить на лице привычную наглую улыбку, — с моей стороны это неслыханная дерзость, да?

— А чего еще можно ждать от нашего Дома? — цинично заметил Раднор.

Йире ничего не ответила — сделала вид, как будто ничего не случилось.

— Потом я вышла замуж, — завершила она свой рассказ. — У меня с мужем... ну, то самое было только один раз в первую брачную ночь, а уже через неделю после нашей свадьбы он нашел себе Сиону, эту женщину с Каладана. Я бы, наверное, даже и возражать не стала, меня бы вполне устроило, чтобы мой муж проводил время с ней — ведь как жены он меня больше не касался... если бы не все их насмешки и оскорбления. Он ведь тоже не виноват, что ему меня навязали, и я предлагала ему договориться мирно и жить просто как два соседа по дому, но он не захотел так сделать. Да пусть он даже ей титул императрицы даст, я не против, я не сказала ни слова поперек, когда он назначил Эленара наследником престола — только пусть нас с Эттаном оставит в покое!

— Да уж, это мы все слышали, — сочувственно покачал головой Гансенг. — Поганый шакал даже не понимает собственной выгоды. Ведь любой худой мир лучше доброй ссоры, как гласит старинная пословица. Ну, поженились два человека по расчету или по настоянию родни, обычный династический брак, тоже бывает, в конце концов, ситуации в жизни и в политике бывают очень разные. Муж не любит жену, жена не любит мужа, всем все ясно, иногда в таких случаях у людей даже есть кто-то на стороне, и они этого не скрывают. Однако ведь у вменяемых личностей и в подобной ситуации хватает мозгов как-то договориться друг с другом и прекрасно жить долгие годы в полном согласии в свое удовольствие. Тут же тупорылый шакал уперся и пытается банально выпендриваться ради выпендрежа. Мозгов ноль, логики тоже.

— Я же через месяц после свадьбы уже ждала ребенка, — сказала Йире. — Когда Эттан родился, я сразу поняла, кто его настоящий отец.

— Ха, уж лучше быть сто раз подряд незаконнорожденным, чем иметь в качестве папаши поганого шакала Коррино, — с явной насмешкой произнес Раднор. — Я все же считаю, что парню сильно повезло.

Гансенг Харконнен осознавал, что сказать тут особо нечего, ведь эта несчастная женщина осталась наедине со своим отчаянием, и никто не помог ей, не пожелал даже ее выслушать и понять, что творится у нее в душе. Однако ему было известно и другое: не можешь утешить — отвлеки.

— Йире, — сказал он ей, — а ты не хочешь часом немного развеяться и повеселиться как следует хотя бы раз в жизни? Если да — идем с нами, а то ты тут сидишь как в

одиночной камере и света белого не видишь. До утра еще много времени, мы немного погуляем вместе по городу, сходим в какую-нибудь не слишком пафосную забегаловку, пожрем чего-нибудь нормального, а потом мы вернем тебя домой в целостности и сохранности. Мы знаем, где тут всякие потайные ходы, так что гребаный упырь Коррино ничего не заметит и не поймет.

— Тебе тоже повезло Харконненом родиться, — вставил главнокомандующий, — ты свободный человек, ходишь себе куда хочешь, делаешь что хочешь, встречаешься с кем хочешь, и никто за тобой не следит. Мне тут хмыреныш Ахиллуса вспомнился — вот наверняка у него тоже жизнь несладкая, на каждый шаг одобрение папаши требуется.

— Ну так что, идешь с нами или нет? — переспросил Гансенг.

Женщина заколебалась: как-никак это Харконнены, и кто знает, чем все это кончится. С другой стороны — если уж они ее до сих пор не убили и не сделали с ней ничего ужасного, хотя вполне могли бы...

— Вы ведь не обидите меня, правда? — она посмотрела на обоих со смесью страха и надежды.

Гансенг смутился. Раднор рассмеялся.

— Конечно, нет, — сказал племянник барона. — Мы обижаем только врагов Дома и тех, кто это заслужил, вот муженька твоего я бы с наслаждением обидел — затолкал бы ему в жопу раскаленную железную арматуру. Или сыночка его — это дерьмо надо заставить сожрать килограмм гипса. Есть такой изуверский способ травли крыс: гипс твердеет у них в желудке, и они умирают.

Йире улыбнулась и подала Гансенгу руку.

— Хорошо, я иду.

— Только вот в чем, не пойдешь же ты в ночной рубашке, — Раднор тем временем принялся бесцеремонно рыться у нее в платяном шкафу. — Длинные платья тоже не годятся для такой прогулки. А вот это вполне сойдет, маленькое и черное, прямо классика, — он вытащил с одной из полок подходящий, на его взгляд, наряд.

Йире слегка смутилась: вообще-то это был пеньюар, и она к тому же слабо себе представляла, как можно выйти на люди в юбке, которая даже не прикрывает колени.

— Коротковато...

— Слушай, ты должна сойти за одну из нас, а поэтому такое платье будет вполне уместным, — генерал Дома Харконненов явно не сообразил, что это не платье. — Два гвардейца вышли в город развеяться со своей спутницей. Наши женщины не носят длинных юбок и прочих ненужных мешающих в работе аксессуаров. Чтоб не вызывать подозрений — переодевайся. Волосы, я думаю, тоже лучше будет как-то заколоть или убрать.

— Я могу их уложить вокруг головы и закрепить шпильками, а сверху обвязать чем-нибудь типа платка, — предложила Йире.

— Вот, кстати, он и нашелся, — Раднор протянул ей черно-серебристую шаль из переливающейся парчи, изначально предназначенную для того, чтобы набрасывать ее на плечи. — Вперед. Мир ждет нас.

— Хорошо, — она с опаской улыбнулась, — сейчас переоденусь, только вы отвернитесь.

Примечание к части

Здесь почти ничего не поменялось, текст был просто отформатирован.

10. Костер

В ту ночь не спал и еще один человек: юный Эленар Коррино. Его брат, толстый Фондиль, не расставаясь с пакетиком засахаренных фруктов, проследовал в свои покои, переделся в белую пижаму в синий горошек, уселся на кровать и собрался было укрыться одеялом, как вдруг заметил, что Эленар, который делил с ним комнату, не сняв парадного мундира, роется в ящике стола.

— А ты чего не ложишься? — недоуменно спросил он.

Старший принц, ничего не отвечая, извлек оттуда толстую пачку купюр, перевязанных алой ленточкой.

— Ты чего? — переспросил Фондиль. — Неужели куда-то собрался? С ума сошел, ночь на дворе, — зевнул он.

— Да не волнуйся, — махнул рукой Эленар. — Мне надо уладить одно дельце, родители все знают. Ты сам ложись, я часа через два приду, постараюсь тебя не разбудить.

— Угу, — пробурчал младший сын Ашиара, поворачиваясь на бок.

Два Харконнена осторожно вывели Йире через потайной ход на улицу. Она на всякий случай постаралась быть повнимательнее и запомнить дорогу: а вдруг придется когда-нибудь бежать из этого дворца? Неподалеку в кустах было спрятано и средство передвижения — летающий скутер.

— Значит, так, — разъяснил Гансенг. — Мы поедем в город вот на этой штуке, она без колес, зато умеет очень неплохо и быстро летать.

Йире растерянно посмотрела на скутер.

— Никогда еще на таком не ездила.

— Это несложно. Раднор поведет, мы садимся сзади, ты у меня на коленях и обеими руками крепко держишься за него, я тоже. Либо еще вариант — ты позади меня, влезешь, только держись как можно крепче. Вообще-то скутер рассчитан на двоих, но ты маленькая и легкая, так что тебя вместе с нами поднимет.

— Подождите-ка! — вдруг радостно воскликнул главнокомандующий Дома Харконненов, подняв голову. — Смотрите, какая гадость! Хорошо, что я захватил с собой баллончик с краской!

Падишах-император Ашиар Коррино недавно отпраздновал свой день рождения, и в честь этого на большом щите красовался воздвигнутый придворными лизоблюдами плакат — алыми буквами на белом фоне: «Ваше Высочество, мы вас любим!»

Раднор вытащил из кармана баллончик, огляделся, убедившись, что вокруг никого нет, и, встав на цыпочки, приписал внизу во всю длину щита: «ЕБАТЬ».

— Вот теперь все правильно, — самодовольно усмехнулся он, потирая руки. Гансенг тоже злорадно улыбнулся.

Йире с трудом сдержалась, чтобы самым неподобающим образом не расхохотаться в полный голос. Она лишь похихикала для приличия, прикрыв рот рукой — однако она ведь так давно вообще не улыбалась!

— Моему мужу будет однозначно очень приятно, когда он проснется утром и это увидит, — сказала она, давась от смеха.

— По правде говоря, я бы с ним что похуже сделал, но пока и это сойдет, — удовлетворенно ответил Раднор. — Ну что, погнали?

Йире застыла. Она слабо себе представляла, как садиться на скутер, да еще и в таком жутком наряде.

— Ну чего, садись, — сказал ей Гансенг.

Молодая женщина снова с опаской покосилась на скутер. И что она вообще такое собралась делать? Ехать неизвестно куда с двумя Харконненами, да еще и в совершенно непотребном виде? Однако поворачивать назад уже однозначно поздно. Осторожно — она впервые в жизни надела такую короткую одежду, да и вообще это на самом деле ночная рубашка! — она перекинула ногу через сиденье и села на скутер позади Гансенга. Обеими руками она крепко обхватила его за талию.

— Только держись как следует, — сказал он ей, и Раднор завел мотор.

Йире ни разу в жизни не ездила не только на боевом, но даже и на обычном скутере, поэтому поначалу ей показалось, что она вот-вот умрет от страха: ветер срывает с головы платок, а земля как будто и близко, и в то же время далеко — того и гляди свалишься. Набравшись храбрости и стараясь не смотреть на быстро мелькающие деревья и здания, она спросила:

— Гансенг, куда мы едем?

— Да тут недалеко хороший ресторанчик есть, хочу сам перекусить и тебя угостить — покажем тебе настоящее веселье, не в пример этому пафосному шакалу — твоему благоверному, — беззаботно ответил молодой Харконнен. Его тон немного успокоил Йире: ей подумалось, что насиловать и убивать ее он однозначно не собирается.

Скутер слегка замедлил ход.

— Уже почти приехали.

Йире наконец смогла осмотреться. Они оказались в каком-то небогатом районе города с

довольно обшарпанными домами — естественно, она тут никогда не бывала; Раднор припарковал свою машину около маленького неказистого здания с лакированной деревянной дверью и надписью «Очень вкусное место».

— Не очень красивое, но действительно очень вкусное, — прокомментировал Гансенг, помогая своей спутнице слезть со скутера. — Ты что больше любишь: чесночные сухарики со спайсовым пивом либо газировкой или жаркое по-домашнему?

Она замялась, не зная, что ответить.

— Честно говоря, я ни того, ни другого ни разу не пробовала...

— Вот и попробуешь. Идем.

Переступив порог, она оказалась в довольно просторном полутемном зале, освещенном небольшими светильниками. Там стояло много деревянных столиков, в центре каждого из которых горела свеча в маленьком стеклянном подсвечнике. Обстановка была отнюдь не роскошной, но довольно уютной. Они уселись за свободный стол на жесткие деревянные табуретки, и молоденький взлохмаченный официант, испуганно покосившись на двух Харконненов, быстро притащил меню.

— Чего желаете, уважаемые господа? — учтиво проговорил он дрожащим голосом.

— Так, — сказал Раднор, просматривая список блюд на имперском галахском. — Нам три спайсовых пива, сухарики с чесноком, креветки в сладком соусе, жаркое по-домашнему — три порции... Десерт будешь?

Та кивнула.

— Отлично, девушке чай с ореховым тортом.

— Да, да, скоро все будет готово, приятного вам вечера, — закивал мальчишка, записывая заказ в блокнот; от испуга он пару раз выронил ручку. Когда он убежал на кухню, оба Харконнена рассмеялись.

— Видала, как он нас боится?

Йире улыбнулась.

— С вами не соскучишься.

— А то, — согласился Раднор. — Расслабься и получай удовольствие, а то давненько ты не радовалась жизни. Ничего, недолго тебе терпеть осталось, рано или поздно мы пришибем это дерьмо Ашиара, и будешь жить так, как тебе нравится, а не так, как этот говнорожий хуеплет велел.

Официант довольно быстро притащил пиво и еду. Йире впервые попробовала такие блюда, которые, как ей всегда казалось, едят только простолюдины, но они показались

ей на редкость вкусными. В зале играла веселая живая музыка, и даже то, что балисет звучал несколько расстроено, не портило общего впечатления. Молодая женщина отхлебнула пива и окончательно успокоилась; Харконнены же за едой рассказывали ей всякие веселые байки про Коррино и Атрейдесов. В какой-то момент Йире окончательно пришла в себя, и даже безобразная ругань с мужем как-то отошла в ее сознании на второй план. Потом Гансенг пригласил ее танцевать, и она кружилась с ним в танце на небольшой площадке перед столиками под приятную мелодию — молодая женщина не до конца поняла, о чем была песня, но смогла разобрать, что о счастливой любви.

Однако тут случилось нечто непредвиденное.

Там же, рядом, стоял столик, за которым сидели двое каких-то незнакомых мужчин в синей форме; по гербу с изображением летящего стрижа было ясно, что это гвардейцы малоизвестного и далеко не влиятельного Дома Юзовка. Судя по всему, после заседания Совета Домов солдаты решили выбраться в город и немного отдохнуть; мужчины пили какое-то дешевое вино и ели жареную рыбу. Поначалу Йире и Гансенг не обратили на них никакого внимания, пока внезапно, расслышав обрывок их беседы, не поняли, что те говорят о них.

-...да это ж мерзкие Харконнены со своей шлюхой! Ты ж слышал от нашего виконта, что они на заседании устроили! Какого их сюда принесло? А их баба — отдельный случай. Ты вообще знаешь, что на Гайди Прайме творится? Они заставляют жительниц своей же планеты работать в домах удовольствий, разумеется, безо всякого жалованья, а тех, кто сопротивляется или отказывается, просто убивают или калечат, — сказал один из гвардейцев Юзовки, невысокий мужчина средних лет.

— Что-то эта женщина с ним какая-то странно веселая, не похоже, чтоб ее кто-то заставлял что-то делать или над ней издевался, — с недоверием ответил его товарищ, молодой человек лет двадцати.

— Да ты башкой подумай, — возмутился старший. — Вот увезли Харконнены девушку из дома. Одному из них она приглянулась, и он решил, что она теперь будет обслуживать только его и его дружка, а не весь публичный дом. Какой у нее выбор? Либо два подонка, либо тысяча, да еще небось с извращенными пристрастиями. Тут будешь с ними и пить, и танцевать, и улыбаться, и делать вид, что тебя все устраивает, хотя может быть, что тебе на самом деле только головой в петлю осталось. Если бы она начала сопротивляться — так они бы ей язык вырезали да все кости переломали, а то и убили. Хотя от этого она не перестает быть шлюхой. На тот свет добровольно, конечно, страшно, но честная женщина с собой бы покончила, а не делала бы тут вид, как ей весело.

Йире, услышав их беседу, покраснела и остановилась. Гансенг сжал кулаки.

— Так, еще одни, — процедил сквозь зубы молодой Харконнен. — Иди пока к Раднору, а я разберусь с этими упырями.

Она схватила его за руку.

— Только не надо из-за меня драться!

— А я драться и не буду. Они побоятся ко мне лезть, но на место я их поставлю, чтоб не болтали всякую ахинею, — решительно сказал он и подошел к столику, за которым сидели двое гвардейцев.

— Юзовка-Юзовка, мурло неумытое, — произнес Гансенг, глядя на опешивших солдат.
— Думаете, я ничего не слышал? Умереть сразу желаете или хотите помучиться?

Двое гвардейцев опешили. Они не ожидали, что Харконнен слышал всю их беседу.

— Слушай сюда, ты, мошоночный сосальщик. Вариант первый: ты сейчас встанешь на колени перед моей дамой и извинишься за все то, что наговорил. Вариант второй: я отрежу тебе яйца и подвешу на уши вместо серег, а хуй тоже отрежу и засуну твоему товарищу в задницу. На что согласен? — обратился Гансенг к незадачливому сплетнику.

Тот побледнел и затрясся как осиновый лист.

— Простите нас...

Племянник барона взял со стола недопитую бутылку, поднес горлышко к носу.

— Плохо вам платит ваш виконт, что вы хлебаете такую дрянь.

В следующую секунду он разбил бутылку об стену над головами перепуганных гвардейцев. Обоих осыпало осколками и обдало брызгами вина, они в страхе втянули головы в плечи. Гансенг бросил на стол отбитое горлышко.

— Вам повезло застать меня в хорошем настроении, придурки. Для первого раза я вас, так уж и быть, прощаю, но если я еще раз услышу, как кто-то из вашего Дома мелет всякую ахинею про Дом Харконненов, его подданных либо наши порядки — пеняйте на себя, живыми вы до вашей поганой планетки не доберетесь.

С этими словами он развернулся и пошел к своему столику. Оба солдата Дома Юзовка, радуясь, что легко отделались, быстро расплатились с официантом и потрусили к выходу.

— Ну вот и разобрался, — с безмятежной улыбкой сказал Гансенг Йире. — Извини за это безобразие, не хотел, чтобы так получилось. Ну и за выражения соответствующие... тоже извини. Просто эти милые люди иначе не поймут.

Йире внезапно рассмеялась и обняла его.

— Не надо извиняться. Мне, наоборот... очень, очень понравилось, как ты с ними разговаривал! Это... понимаешь, меня не удивило то, что сказали эти двое, я за свою жизнь уже привыкла к постоянным несправедливым обвинениям и к тому, что меня постоянно кто-то за что-то бранит. Однако за меня пока что еще никто ни разу не заступался, тем более так решительно, как ты сейчас!

— Йире, — ответил он, — я знаю, что ты не любишь меня, и я не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь ответить мне взаимностью, но если сможешь — я буду ждать этого дня. А если даже и не сможешь, то позволь мне просто быть твоим другом. Другом и защитником. Рано или поздно я размажу по стенке того богомерзкого шакала, который волей судьбы оказался твоим мужем, и ты сможешь жить долго и счастливо с тем, кого ты сама себе выберешь.

— Любовь — тоже понятие сложное, — вставил Раднор. — Бывает любовь между мужем и женой. А бывает между друзьями. И я не верю в то, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует. Она есть. И любовь между друзьями — тоже любовь, только немного в другом качестве.

— И поэтому я вполне могу любить тебя как друга, — подтвердила Йире. — Как мужчину я люблю совершенно другого человека, но ты не возражаешь против этого.

— Сердцу не прикажешь, а ты не моя вещь и имеешь право выбора, — сказал Гансенг. — Для меня главное — чтобы ты была счастлива. Сейчас отдыхай и не думай ни о чем плохом, а к рассвету мы благополучно доставим тебя назад.

Для Ракана Харконнена эта ночь выдалась не столь веселой, как для его младшего брата.

— Дядя, — обратился он к барону Фейду, когда Гансенг и Раднор ушли в ночь, — мне это все, честно говоря, не нравится. Гансенг весь на эмоциях, не наворотил бы чего. Позволь мне пойти и тайком проследить за ним, если что — сразу позову вас на помощь или вмешаюсь сам.

— Хорошо, — согласился барон, немного поколебавшись, — только будь осторожен. Я все же надеюсь на благоразумие Гансенга.

Ракан отправился вслед за братом. Он видел, как Гансенг и Раднор пробрались через потайной ход во дворец, а потом через некоторое время вышли оттуда вместе с одетой в короткое черное платье женщиной с платком на голове — судя по всему, это могла быть Йире, но в таком наряде ее трудно было узнать. Они сели на скутер и куда-то поехали. Ракан подумал о том, как лучше сделать — отправиться за ними, ждать их здесь или вернуться в гостиницу, но тут его внимание привлекло нечто иное.

Из дворца внезапно вышел Эленар Коррино в сопровождении нескольких сардукаров. Молодой Харконнен насторожился: куда это он вдруг собрался в такой поздний час? Это показалось Ракану подозрительным, и он, забыв о сердечных делах младшего брата, потихоньку пошел следом за Эленаром. Судя по всему, тому было необходимо попасть в какое-то близкорасположенное место, потому что он и его охрана пошли пешком, а не поехали на каком-либо транспорте.

Вскоре Ракан оказался около какого-то небольшого домика, окруженного невысоким

забором. Квартал был не самым бедным, а сад вокруг здания — чистым и ухоженным. Однако здесь живут простолюдины, пусть и обеспеченные; что могло понадобиться здесь наследному принцу, сыну самого Ашиара Коррино?

Эленар толкнул калитку и вошел внутрь, потом прошел по аккуратно выметенной дорожке к дому и позвонил в дверь. Ракан притаился в кустах у ограды и стал незаметно наблюдать за принцем и его свитой.

Через пару минут на пороге появились две женщины: одна — полноватая пожилая дама с аккуратно собранными в пучок на затылке седыми волосами, одетая в бордовое бархатное платье, и вторая — совсем еще молоденькая девочка лет восемнадцати в белой блузке и серой длинной юбке: на руках у нее был завернутый в одеяльце спящий младенец в кружевном чепчике. Судя по розовой ленте, которой был перевязан сверток с малышом, дочь. Ага, значит, у Эленара в городе есть любовница и незаконнорожденная дочь. Ну что ж, не он первый, не он последний, у них в семье это своего рода традиция.

И тут случилось то, что впоследствии постоянно являлось Ракану в ночных кошмарах и о чем он не мог забыть даже тогда, когда уже стал дряхлым стариком и у него родились собственные внуки и правнуки. Он был Харконненом и мог похвастаться достаточно крепкими нервами, но то, что ему предстояло увидеть, оказалось выше даже его сил.

Молодая девушка улыбалась и беспрестанно щебетала что-то веселое, показывая Эленару спящего ребенка. Она потрогала своим изящным пальчиком пухлую щечку малышки.

— Она похожа на тебя, такая хорошенькая! — восторженно воскликнула она.

Эленар смотрел на свою любовницу с совершенным безразличием, скорее даже с неприязнью.

— Положи ребенка на землю. Вот сюда, подальше от порога, — голосом робота сказал принц, указывая вбок. Девушка растерялась.

— Что? Зачем?

— Я что сказал?

По его знаку один из сардукаров вырвал девочку из рук матери и положил туда, куда приказал Эленар. Ракан замер с раскрытым ртом: здесь явно предстояло свершиться чему-то страшному и нехорошему. Он вытащил свой пистолет и из-за забора прицелился Эленару в голову, но в ту же минуту опустил его. Нет. Принц Коррино — мерзавец и подонок, но сейчас не время пускать его в расход. Он не может рисковать жизнью и благополучием членов своей семьи и подданных Дома Харконненов. Если он сейчас прострелит отродью Ашиара башку, то не факт, что сможет потом скрыться от сардукаров незамеченным, а это может иметь катастрофические последствия. Ну ничего, живи пока и радуйся, подонок Эленар Коррино, но твои злодеяния не останутся безнаказанными. Придет день, и ты ответишь за все, тем более если Алиа не ошиблась.

Второй охранник принца держал в руках какую-то канистру, на которую средний сын Раббана до этого момента не обратил внимания. Он подошел к ребенку, отвернул крышку и вылил на девочку какую-то жидкость — судя по всему, это было горючее. Та проснулась и возмущенно заплакала.

Бабушка младенца отчаянно закричала и бросилась к сардукарам, но в этот миг раздался хлопок, и она тут же рухнула на землю с дымящейся дырой во лбу. Один из сардукаров наставил на ее дочь пистолет с глушителем.

— Попробуй только дернуться, и ты покойница.

Девушка замерла на пороге, бессильно опустив руки — у нее и без того не было сил двинуться с места.

— Вот и славненько, — равнодушно проронил Эленар. — Нет незаконнорожденного ублюдка — нет проблемы. А что до тебя — так я уверен, что болтать лишнего ты не станешь, а если и станешь — тебе все равно никто не поверит.

С этими словами он вытащил из кармана коробок спичек — Ракану бросилось в глаза, что они были специальные, толстые, длительного горения, какие обычно берут в походы — и, чиркнув одной, бросил ее в ребенка.

Сверток с плачущей девочкой мгновенно вспыхнул. Та закричала еще сильнее — и кричала, кричала, кричала, корчась в огне, и в какой-то момент все стихло, а Эленар продолжал смотреть на костер из собственной дочери. С тем же равнодушным видом он достал из кармана пачку сигарет и поднес одну из них к горящим останкам, а потом закурил. Молодая мать какое-то время все в том же оцепенении стояла на пороге дома и под дулом пистолета сардукара смотрела на пламя, а потом без стога, без вопля рухнула наземь.

Эленар долго ждал, пока его ребенок окончательно сгорит, а потом взял небольшую садовую лопату, прислоненную к стене дома, и перекопал пепел, оставшийся от тела младенца, с землей. На свою любовницу, лежавшую на пороге, он по-прежнему не обращал никакого внимания: Ракану в какой-то момент показалось, что это не живой человек, а мыслящая машина из древних сказаний.

— Уходим отсюда, — бросил он сардукарам, когда все было кончено.

Ракан Харконнен дождался, пока Коррино и его приятели уберутся восвояси, выбрался из своего укрытия и подошел к молодой женщине, которая по-прежнему лежала в обмороке на пороге. Тут он понял, что это отнюдь не потеря сознания. Мать жестоко убитого ребенка была мертва: пощупав пульс, Ракан понял, что от шока у нее остановилось сердце. Рядом тускнеющими неживыми глазами смотрела в небо бабушка несчастной незаконнорожденной девочки.

Когда средний сын Раббана вернулся к своим в гостиницу, Гансенга и Раднора там еще

не было.

— Они пока не вернулись? — спросил он Фейда.

— А ты разве не за ними шел? — удивленно поинтересовался барон.

— Нет. Я увидел, как они куда-то уезжали, и хотел было дальше следить за ними, но тут меня кое-что отвлекло. Я увидел Эленара Коррино с несколькими сардукарами, он тоже куда-то направлялся, и пошел за ними. Мне это показалось странным, ведь ночь на дворе.

— И? — заинтересованно посмотрел на него Фейд.

— Дядя, скажи, у меня по-прежнему рыжие волосы?

— Да, а что? — барон заподозрил, что тут что-то явно не так. — Что случилось? Что ты сегодня видел?

Ракан помедлил, собираясь с духом.

— Я думал, что поседею за те пару часов, что следил за Эленаром Коррино. Он ходил в город к своей любовнице. И он... сжег заживо собственную незаконнорожденную дочь.

Примечание к части

Текст отформатирован.

11. Садовник

Тоньо Кари был очень счастлив: после долгих месяцев безуспешных поисков он наконец-то нашел работу!

Домой он летел как на крыльях, не обращая внимания на проливной дождь и хлюпающую под ногами грязь, в которой вязли его деревянные сандалии с веревочками вместо ремешков. К его удивлению, мать оказалась дома; она стряпала в старом котелке рисовую похлебку. Двое младших братишек играли тут же с какими-то камушками, пристроившись поближе к очагу — так теплее, сестренка кашляла в углу под грудой тряпья. Старуха из соседнего селения, жена тамошнего бондаря, иногда заходила к ним в гости — хоть брезгливо и называла среди односельчан самого Тоньо и его братишек с сестренкой «незаконнорожденными выблядками». Несмотря на это, она была неплохой женщиной, пусть и отъявленной сплетницей, и умела лечить травами; когда маленькая Майра, которая была постоянно простуженной, начала кашлять кровью, старуха сказала, что у нее наверняка чахотка — что неудивительно, при тех сырости и холоде, что царили в доме семьи Тоньо.

— Ох, Ина, помрет она у тебя, помяни мое слово, — сочувственно произнесла пожилая женщина. — Топить дом получше надо, да перед этим дыры в стенах заткнуть, а то все тепло этим ледяным ветром выдувает!

— А что я могу сделать, — махнула рукой мать. — Помрет так помрет, значит, судьба у нее такая. Может, оно и к лучшему, не будет так вот мыкаться по чужим домам, как я, и перед каждым, кто захочет, подол задирать.

— Так ты бы не давалась, — посоветовала ей старая Алпина. — А то так и будешь и пятого, и десятого рожать непонятно от кого.

— Тебе хорошо говорить, тебя муж кормит, — сказала Ина. — А у меня как родители померли да не успели меня замуж пристроить, я в услужении и хожу. Ну, не дамся я очередному хозяйскому сынку или управляющему, меня и погонят с работы, а новую найти не так-то просто. Моему старшему вон уж почти двадцать, а он уж который месяц пытается себе хоть какое дело найти. Мне ж надо не только детей, но и себя кормить. Даже если бы у меня их не было, самой-то что-то есть да за хижину нашу налог платить тоже надо.

— Да, жизнь наша такая, такая наша доля, — вздохнула старуха. — Ты вон шестерых родила, двое померли, я десятерых, а живых только одна. Кабы все, кого наши бабы рожают, живы были, это ж сколько народу у нас было б в деревне. Только все равно нехорошо это — безмужней быть и детей рожать, да всех от разных отцов. Постараюсь я, конечно, для твоей Майры травок целебных насобирать, да только сама понимаешь — надежды мало.

Вздыхнув еще раз, старая Алпина ушла, а Тоньо вечером того дня вернулся домой веселый и радостный: у него есть работа! Промыкавшись почти год после потери старого места в разорившемся рыбхозе, юноша нашел место садовника в усадьбе генерала Тириса Атрейдеса. Старого садовника внезапно хватил удар, его парализовало, и жена

забрала беднягу домой, а на его место попросился Тоньо, увидевший объявление на заборе — читать он не умел, но случайный прохожий объяснил ему, что там написано. Скромный, застенчивый бедно одетый юноша понравился главнокомандующему Атрейдесов, несмотря на запись «незаконнорожденный» в представленной метрике; Тирис вкратце объяснил ему его обязанности и велел с завтрашнего дня приступать к работе.

— Завтра придешь сюда к полудню, я как раз отдам жене прежнего садовника его жалованье, оно ей понадобится, уход за больным сейчас недешев. Возьмешь в домике для прислуги все, что тебе потребуется, косу, грабли, метлу — и вперед, стриги траву и подметай дорожки. Жить будешь там же, в домике, по воскресеньям можешь ходить домой и навещать семью.

Обрадованный Тоньо низко поклонился и поспешил домой — сообщить новость матери. Она редко бывала дома — работала служанкой в богатом имении неподалеку, к детям ее отпускали нечасто, она приносила скудное жалованье и еду, а на Тоньо, как старшего, ложилась обязанность заботиться о младших. Теперь она перейдет к Дави, хотя ему только одиннадцать, но зато и денег в доме станет больше, может, и в самом деле смогут хоть как-то дом починить и купить лекарство для Майры.

— Матушка, меня на работу взяли! — воскликнул он прямо с порога и сбросил мокрые грязные сандалии. — Завтра выходить!

— Ой, как я рада! — повернулась к нему мать. Тоньо окинул ее недоверчивым взглядом: безусловно, она уже давно не молода и далеко не привлекательна — ей уже тридцать пять, и лицо у нее все в морщинах, губы стянуты и потрескались, руки огрубели, но неужели она снова в положении? Похоже на то, как-то на ней передник оттопыривается. Значит, скоро она опять придет на несколько дней домой, в муках безо всякой помощи родит еще одного ребенка, за молоком для которого Дави будет бегать в соседнее селение за пять километров по любой погоде, и потом вернется к работе, как будто ничего и не произошло.

— Может, наконец и в самом деле дом починим, как тетушка Алпина нам советовала, — с надеждой произнес Тоньо. — И лекарство Майре купим.

— Вот этого делать не будем, — ответила мать. — Она все равно умрет, только лишняя трата денег. Лучше еды хорошей купим, а то от этого риса уже с души воротит. Снимай штаны, вешай сушить, а то они у тебя вон по колено мокрые.

— Дождь на улице, матушка, — Тоньо стянул грязные штаны, оставшись в латанных-перелатанных трусах, прополоскал их в корыте с водой и повесил на веревку к огню сушиться. — Зарядили эти дожди уже на пять недель, холодно, мерзкая погода, а мне завтра еще весь день в саду работать.

— Только ты работай как следует, сынок, — принялась наставлять его женщина. — Это же сад самого генерала Тириса Атрейдеса, и тебе оказали такую честь. Говорят, он человек благородный и хорошо относится к своим слугам. Будь прилежным и усердным работником, может, ты там и на всю жизнь останешься, сможешь мне помогать,

братишкам младшим, пока они себе тоже работу не найдут. Ты у меня ответственный, так что старайся изо всех сил. Что из еды останется — домой приноси.

— Конечно, матушка, — ответил Тоньо, а потом снова покосился на живот матери.

— Если Майра помрет, то, может, когда этот... новый родится, мы его сразу... того?

Он сам испугался своих слов, но мать, казалось, никак не отреагировала — вместо возмущения, вспышки ярости она лишь покачала головой.

— Это было бы наилучшим выходом, если учесть, какие мы бедные, да только не нужно это. Как Майра помрет, так что мы скажем, если к нам полиция придет? От чего померла? Болела сильно. А если мы его сами... так они ж проверят. И выяснят, что мы, например, ему в голову булавку. Вот нас с тобой и в тюрьму, а Дави с Кайлом что — с голоду помереть?

Ни Тоньо, ни его мать даже не думали о том, что их в этот момент может слышать сама маленькая Майра, которая еще жила в своем углу под тряпками — отхаркивала кровавые ошметки, ничего не ела, не вставала, но пока еще жила. Брат и мать говорят о том, что не станут тратить деньги ей на лекарство? Не велика беда, нужно кормить тех, у кого есть больше возможностей вырасти и выжить. Зачем лишние расходы на того, кто не ровен час сегодня-завтра умрет?

Следующим утром Тоньо приступил к работе: на его счастье, дождь перестал лить, хотя на улице все еще было прохладно. Управляющий выдал ему потрепанную, но чистую одежду, все необходимые инструменты, и весь день с полудня до заката юноша трудился в саду. В три часа дня он получил обед — простой, но сытный, а вечером — ужин, после чего лег спать. Он заснул быстро — уж слишком сильно устал. Другие слуги в усадьбе особо с ним не разговаривали — разве что по делу, просили помочь или принести ту или иную вещь, и Тоньо это особо не беспокоило: он спокойно работал в саду, выполняя все поручения Тириса Атрейдеса.

Так прошло четыре дня. На пятый тучи рассеялись, выглянуло солнце, и Тоньо с наслаждением подставил лицо его лучам, сняв куртку. Он повесил ее на куст сирени, а сам взял в подсобке средство от вредителей и принялся по велению управляющего обрабатывать большую старую яблоню. Закончив, он бросил пустую бутылку из-под инсектицида в мусорный бак и хотел было пойти за второй, как вдруг увидел проходившую по садовой дорожке невообразимо красивую светловолосую девушку.

Когда он был маленьким, Алпина несколько раз рассказывала ему сказки про прекрасных фей и небесных дев. Тоньо подумалось, что фея, наверное, должна выглядеть именно так... только с крыльями. Пока он стоял, раскрыв рот, девушка уже ушла, и молодой садовник долго думал, не померещилась ли она ему. Во время обеда он рассказал об этом другому слуге, который уже давно работал у Тириса, и тот посмотрел на Тоньо с явным недоумением.

— Так то дочка генерала единственная, Кассандра. Красавица писаная, ее из школы

забрали, потому что там в деревне по соседству мор случился. Лучше на нее не смотри и уж тем более не разговаривай, а то погонят тебя с работы, скажут — ведешь себя непотребно.

— Ну ладно, понял, — кивнул Тоньо, но сам продолжил думать о прекрасной светловолосой девушке. Ему было уже двадцать, но он ни разу даже не мечтал о женщинах, не говоря уже о чем-то большем: во-первых, его мысли были поглощены тяжелой работой или ее поисками, заботой о семье и прочими насущными делами, во-вторых, он прекрасно знал о том, что вся его жизнь перечеркнута клеймом «незаконнорожденный» в метрике — за такого никто не отдаст даже деревенскую дурочку, не то что хорошую девушку. Хотя он же не собирается жениться на этой Кассандре, с тем же успехом он мог бы мечтать взять в жены звезду с неба — глупо для неграмотного паренька, который даже не знает, кто его отец. Однако просто посмотреть со стороны на истинную красоту никто не запретит, не так ли?

В последующие дни молодой садовник продолжал заниматься своей обычной работой — полон, рыхлил, копал, поливал, при этом время от времени незаметно поглядывая на Кассандру, если она вдруг появлялась рядом. Он сходил в выходной домой к родным, принес младшим братьям немного еды — матери дома не было.

— Какая вкусная булка, — сказал маленький Кайл, вгрызаясь в белый хлеб, правда, успевший уже немного зачерстветь, — тебе каждый день такие дают?

— Ага.

— Слушай, Тоньо, а что такое война?

— Война?! А где ты это услышал?

— Да к нам вчера бабушка Алпина приходила снова, принесла кружку молока для Майры. Она очень плакала, ее зятя забрали в армию. Теперь ее дочь одна и снова у родителей. Она со своим мужем работала в огороде, пыталась картошку собрать, ту, что не сгнила от дождя, — сбивчиво рассказывал девятилетний братик Тоньо, — и тут к ним солдаты вошли. Они вручили ей какую-то бумагу и забрали ее мужа с собой в армию, в какое-то место... я не помню точно, на «а» называется, воевать с...

— С Харконненами, — закончил за него старший брат. — Это место называется Арракис, я про него слышал, у меня на работе люди тоже говорили.

— Так вот, она просила его не забирать, потому что он единственный сын у своих родителей и она сама ждет ребенка, но они все равно забрали, хоть она и плакала, и бабушка Алпина тоже вчера очень плакала. И она боится, что тебя тоже заберут и даже ее мужа заберут, хоть он и старый.

Тоньо опустил руки. В последнее время все только и говорили что о предстоящей войне за планету Арракис. Он был всего лишь неграмотным простолудином, не умеющим даже написать свое имя, и слабо себе представлял, что такое этот Арракис и где он находится, но знал, что на войне люди убивают друг друга. Зятя Алпины могут убить. И

его самого могут убить, если заберут в армию. Ведь это страшно, наверное — никогда больше не увидеть свою жену, родителей, не смотреть на солнце и не чувствовать запах свежескошенной травы. Никогда. Как это — никогда?

— Не думай об этом, Кайл, вы с Дави еще слишком маленькие, — успокоил он братишку.
— Вас в армию не заберут, папы у нас нет, так что и печалиться не о чем, а меня тоже вряд ли на войну отправят, я же садовник у генерала Тириса.

В субботу Тоньо, как обычно, трудился в саду и собирал с яблони уже созревшие яблоки, как вдруг его окликнул женский голос:

— Простите, вы не сорвете для меня яблоко? Вон то, красное, которое у вас прямо над головой висит?

Тоньо посмотрел вниз и едва не онемел от удивления: к нему обращалась дочь Тириса, Кассандра Атрейдес! Сама Кассандра! Она обращалась к нему, к простому неграмотному садовнику!

— Да, конечно, благородная госпожа, — юноша решительно сорвал яблоко и бросил ей. Кассандра поймала его своими изящными белыми руками с ухоженными розовыми ногтями и откусила кусок.

— Спасибо вам большое, — поклонилась Кассандра. Тоньо подумалось, что она не только красивая, но и очень добрая... раз так разговаривает с простым садовником. Интересно, а какой в юности была его мать? Были ли у нее такие же ясные глаза, нежные руки, длинные светлые волосы? Кто был его отцом, чем она его привлекла?

— Всегда к вашим услугам, госпожа, — ответил Тоньо, продолжая бросать яблоки в большую корзину.

— Вы у нас недавно, не так ли? — учтиво поинтересовалась девушка, хотя садовник ожидал, что она сразу же уйдет.

— Да, с прошлой недели, — сказал он. — Живу тут неподалеку, по воскресеньям ухожу к семье.

— У вас большая семья?

— Да, у меня есть мама, два младших брата и сестра.

— А ваш отец? Он умер?

— Да, он был рыбаком и утонул в море, — соврал Тоньо, подумав, что такая прекрасная девушка из благородного семейства вряд ли сталкивалась с грязным миром по ту сторону забора и что ее не стоит осведомлять о том, что он даже не знает имени своего родителя.

— Я так и подумала. Мне очень жаль. Моя сестра тоже утонула в море, а матушка

умерла от болезни. Мне хотелось бы иметь больше братьев и сестер, по крайней мере, с ними мне бы не было так скучно. Ведь нашу школу закрыли, и поэтому я больше не могу видеться с подругами, пока занятия снова не возобновятся.

— А у меня сестренка болеет, — сказал юноша, про себя думая, что у Тириса Атрейдеса однозначно хватило бы денег прокормить и четверых, и пятерых, и десятерых детей. — К сожалению, она тоже скоро умрет, а достать лекарство мы никак не можем — до города далеко, врача у нас не найти, да и денег нам на него не хватит.

— А что с ней? — с неподдельным сочувствием спросила Кассандра.

Они долго еще разговаривали о своих семьях, домашних делах, пока не пришло время обеда и Тоньо не потащил полную яблочную корзину кухарке, которая должна была сварить компот и варенье, а Кассандра не отправилась к себе в усадьбу. Сердце молодой девушки разрывалось от жалости к маленькой Майре: она и подумать не могла, что простые люди всего лишь за несколько миль от ее дома так тяжело живут!

— Дорогой отец, могу ли я кое-что попросить у вас? — обратилась она вечером к генералу Тирису, когда он вернулся к ужину домой.

— Да, моя дорогая Кассандра, чего ты желаешь?

— Я случайно услышала от слуг, что у нашего нового садовника — молодой такой, темноволосый, не помню, как его зовут — серьезно больна сестренка. Не могли бы вы на те деньги, которые предназначались мне для покупки нового платья к весеннему приему у его светлости герцога, приобрести для нее лекарство и отдать этому человеку? Мне кажется, это нехорошо, когда ребенок страдает, а люди не могут даже толком ему помочь. Вы же сами учили меня быть доброй и благородной, дорогой отец.

Девушка сознательно солгала и сделала вид, будто не знакома с Тоньо и даже не знает его имени, чтобы отец не начал ее упрекать в том, что она снизошла до разговора с грязным простолудином и что такое поведение недостойно знатной девицы, а тем более не уволил самого садовника, однако сама распорядиться деньгами она не могла, а потому обратилась к своему родителю.

— Дорогая дочь, — ответил ей Тирис Атрейдес, — я очень рад тому, что у тебя такое доброе и благородное сердце, но я не одобряю благотворительности: каждый должен зарабатывать себе на жизнь сам. Если семья этого человека не может купить ребенку лекарство, им следовало сократить другие свои расходы и научиться экономить. Тем не менее, раз уж ты об этом просишь, я выполню твоё желание. Завтра мой адъютант поедет в город, и я попрошу его расспросить садовника о том, чем больна девочка, и приобрести необходимое.

— Благодарю вас, дорогой отец, — с улыбкой произнесла радостная Кассандра. — Как истинный Атрейдес, вы заботитесь о благе своих людей и поступаете так, как подобает настоящему представителю нашего древнего рода.

— Именно, и тому же я научил тебя, — не без тени гордости сказал ее отец. — Однако,

моя дорогая, у меня к тебе есть один серьезный разговор.

Девушка похолодела: неужели он прознал о ее беседе с садовником?

— Я слушаю вас, дорогой отец.

— Ты девушка умная и знаешь, что скоро должна начаться война за планету Арракис. Я должен быть там, однако при этом я буду вынужден оставить тебя одну. Для меня это очень неприятно, потому что ты молода, хороша собой, а вокруг находятся разные мужчины. Те же садовник, управляющий — конечно, со стороны кажется, что они люди порядочные, а там — кто знает, что им взбредет в голову? Мой долг — командовать армией его светлости, но, тем не менее, мой долг также — защищать и оберегать тебя. Я не могу бросить тебя вот так вот одну на Каладане, потому что слишком много нехороших глаз станет наблюдать за твоей цветущей молодостью и свежестью. Поэтому ты поедешь со мной.

Кассандра выронила вилку.

— Как так с вами? Там же война, дорогой отец! И ваши солдаты — они же тоже мужчины!

— Тебе нечего бояться, — уверенно ответил генерал Атрейдес. — Ты всегда будешь рядом со мной, просто посидишь в штабе, где я отдаю приказы, там я смогу как полагается за тобой присматривать. Как только мы разобьем врагов, а случится это очень быстро, мы поедем домой, а там, глядишь, и твою школу снова откроют. В скором времени ты доучишься, я найду тебе хорошего жениха, и ты будешь жить с ним долго и счастливо. А сейчас иди в свою комнату, моя дорогая, готовься ко сну и думай только о хорошем, ведь у тебя есть отец, который о тебе позаботится и обеспечит тебя всем необходимым.

— Доброй ночи, отец.

— Доброй ночи, доченька.

Кассандра на негнущихся ногах пошла к себе в спальню. С одной стороны, она была рада тому, что отец согласился помочь Майре, с другой — ей было страшно. Как она поедет с отцом туда, где идет война? Хотя ее отец сказал, что там будет безопасно, у их Дома сильная армия, враги ничего не смогут им сделать..., а он все-таки ее отец, он всегда о ней заботился, и она ему полностью доверяла.

Примечание к части

Текст отформатирован.

12. Осенний призыв

Аэрнейл торопился домой с военного совета. В общем-то все прошло успешно: обсуждались разные тактическо-стратегические вопросы, многое было решено единогласно, и мероприятие закончилось довольно быстро. Завтра главнокомандующий уже должен был уезжать на Арракис, чтобы заняться приемом военной техники, развертыванием базы и добычей спайса, и у него оставался всего один вечер для того, чтобы попрощаться с семьей.

Он уже давно жил отдельно от родителей со своей женой, и в скором времени Рания и Аэрнейл ждали прибавления в семействе. Главногокомандующего несколько огорчало то, что из-за военных действий ему наверняка не доведется присутствовать при рождении первенца, но тут уж ничего не поделаешь, работа важнее личной жизни, служба есть служба, а врачи на Сигме Драконис прекрасные и вполне в состоянии оказать роженице всю необходимую помощь. Ну что ж, в запасе у него целых двадцать часов, которые он сможет провести со своей Ранией, надо будет заодно и с родителями связаться, сказать им, чтобы не волновались, а утром он отправится в космопорт и приступит к насущным делам.

На улице только начало смеркаться. Было не слишком холодно, и Аэрнейл шел по свежему хрустящему снегу с открытой головой, с наслаждением вдыхая морозный воздух. Сейчас еще звезды начнут появляться, как еще немного стемнеет, вот будет красиво.

Он сунул руку в карман куртки, достал мобильник, набрал номер родителей. Трубку снял отец.

— Завтра утром я улетаю на Арракис, — сказал Аэрнейл, обменявшись с ним приветствиями и спросив, как у них с мамой дела.

— На войну? — спросил отец после продолжительного молчания.

— Естественно.

— Аэрнейл, ты не жалеешь, что вместо банковского дела пошел в военную академию? Я же давал тебе деньги на учебу. А ты почему-то решил податься в армию.

— Зато в военной академии учили за счет бюджета Дома, — ответил тот.

— Я всегда одобрял твою рачительность и экономность, но нам хватало денег на жизнь, и мы вполне смогли бы оплатить тебе учебу на экономическом факультете. Сидел бы себе сейчас в банке да считал бы купюры, и завтра тебе никуда не нужно было бы ехать, бросив жену и будущего ребенка. Рания, конечно, молода и здорова, но ей сейчас придется нелегко без тебя. Только представь себе — у тебя живот на нос лезет, а муж твой за тридцать земель под пулями.

Аэрнейл прекрасно понимал, почему отец ему все это говорит — волнуется за старшего сына, хотя тот уже давно не ребенок, но какой в этом смысл? Да и из автомата стрелять

ему всегда казалось куда более интересным, чем возиться со всякими отчетами и бумажками, сводя дебет с кредитом.

— Перестань, тут уж ничего не поделаешь, я не могу вернуться в прошлое и подать документы в другой институт.

Они еще немного поговорили, обсудили учебу сестер, новую работу брата, всякие насущные дела.

— Маме привет передавай, — сказал напоследок Аэрнейл, решив, что сам ей звонить не будет. Его мать работала врачом в частной клинике и сейчас как раз была на дежурстве, и ему было неудобно отвлекать ее от дел — кто его знает, может, у нее сейчас какой-нибудь сложный случай, а тут он со своей болтовней.

— Хорошо, — ответил отец. — Только ты там осторожней на Арракисе. Береги себя и не лезь в самое пекло.

— Это уж как получится, папа. Не забывай, что я как-никак главнокомандующий Дома и присягу давал.

— Хорошо. Все равно осторожней там, будет время — пиши, звони.

— Конечно.

Аэрнейл попрощался с отцом почти у самого своего дома. В окнах на втором этаже горел свет, видимо, Рания сейчас была у себя в комнате — может, возилась со своими бумагами по работе, может, просто отдыхала. Он не хотел беспокоить жену, поэтому открыл дверь своим ключом — в конце концов, он не маленький, а она вовсе не обязана бросать все свои дела и спускаться к нему только потому, что муж явился домой со службы.

Не успел он раздеться, как на лестнице послышались шаги: Рания, видимо, услышала, что он пришел.

— Аэрнейл, это ты? — тревожно спросил женский голос. — Я думала, ты позже придешь. У тебя все в порядке?

— Да, — ответил он, надевая домашние туфли. — Мы сегодня на совете быстро управились. Ты сейчас не занята, может, чаю попьем вместе?

— Не занята, я уже закончила все дела, — к нему подошла красивая молодая женщина со светлыми волосами и голубыми глазами, одетая в серый бархатный домашний костюм.

Аэрнейл обнял и поцеловал Ранию, положив руку на ее округлившийся живот.

— Это очень хорошо. А то я сегодня последний день ночую дома, завтра утром нужно ехать в космопорт.

Главкомандующему показалось, что по телу его жены пробежала дрожь — но не желания, а страха.

— Так быстро? — взволнованно проговорила она.

— Да. К сожалению, служба, что тут поделаться...

— Замерз? — Рания прижалась щекой к плечу мужа.

— Да нет, там не слишком холодно. Может, согреешь меня?..

Утром главкомандующий проснулся довольно рано в своей комнате — у Ордосов не было принято, чтобы даже сильно любящие друг друга муж и жена спали в одной постели и не имели своего личного пространства. Поднявшись с кровати, он тихо подошел к двери Рании и заглянул внутрь. Жена улыбалась во сне и выглядела какой-то по-детски беззащитной, видимо, ей снилось что-то хорошее. Кто знает, суждено ли им еще увидеться?

Аэрнейл не стал будить Ранию. Он оставил ей записку на кухонном столе, взял сумку и поехал в космопорт.

Раднор, главкомандующий Дома Харконненов, сидел у себя в кабинете. Сегодня ему доставили результаты генетических анализов, которые он заказывал у Фаррана, и ему не терпелось с ними ознакомиться, чтобы получить подтверждение или опровержение своих догадок. Конечно, Йире сама сказала, что Эттан — не сын шакала Коррино, но кто его знает, молодые женщины время от времени бывают не в меру эмоциональными и могут неверно оценить ситуацию.

Он аккуратно вскрыл первый конверт.

«Относительно образца 2 можно с вероятностью 99,99% утверждать, что он не является биологическим сыном образца 1 и вообще не состоит с ним в кровном родстве».

Так, отлично, он и не сомневался. Лишнее подтверждение слов Йире. Эттан и в самом деле не сын шакала Коррино. Ну и хорошо, от такого уебища ничего хорошего родиться не могло, его дети — Фондиль с Эленаром, результат налицо, на осинке не растут апельсинки.

Вскрыв второй конверт, Раднор на мгновение замер с разинутым ртом. Он повидал многое и, по правде говоря, думал, что его трудно чем-либо удивить.

«Образец 3 с вероятностью 99,99% не является биологическим сыном образцов 1 и 2».

Главкомандующий еще раз внимательно перечитал написанное.

«Не является биологическим сыном...»

Быть такого не может! Хотя... если оба родителя рыжие, а ребенок черноволосый... тогда откуда они его взяли?

В этот момент в кабинет Раднора заглянула его жена Алия.

— Раднор, ты есть не хочешь? Что случилось?

— Ничего.

-Нет, случилось. Ты себя сейчас со стороны не видишь. Говори.

— От тебя ничего не скроешь, — вздохнул главнокомандующий. — Мерзавец Похуиллус пытался намекнуть на то, что Норэт якобы не сын барона. Я решил при содействии графа Фаррана провести генетический анализ и заткнуть всем рот. Что, ты думаешь, я выяснил? Что Норэт действительно не сын барона. Но он и Нирием тоже не сын! Добро бы баронесса наставила мужу рога, и Фейд попытался как-то замять и скрыть факт измены. Тут же вышло так, что Норэт им обоим... вообще никто!

— Значит, они его усыновили, — сказала Алия. — Ничего сверхординарного тут нет. Вопрос в другом: а зачем они тогда сделали из этого такую тайну? Сотни и тысячи людей ежедневно усыновляют младенцев, и многие из них даже открыто говорят своим приемным детям, что взяли их в приюте. Ничего такого ужасного в этом я не вижу, и лично сама бы поступила именно так. Зачем Нирием нужно было делать вид, что она якобы беременна, говорить всем, что ребенок родился раньше срока?

— Интересный вопрос, — ответил ей муж. — Главное, чтобы сам Норэт ни о чем не узнал, поскольку он искренне считает барона и баронессу своими родителями и даже не догадывается о том, что он им вовсе не родной.

Раднор спрятал оба конверта с листками в сейф и пошел обедать. Вечером того же дня его позвал к себе для важного разговора барон Фейд.

— Алия мне тут по секрету рассказала, что ты хотел как лучше, но получилось как всегда, — устало сказал глава Дома. — Думал заткнуть всем рот, а вместо этого внезапно выяснил, что Норэт нам с Нирием не сын.

— Да, — подтвердил Раднор, — так оно и есть.

— Я расскажу тебе, как было дело, думаю, ты имеешь полное право знать. Единственная просьба — самому Норэту ни слова, ни намека. С ним очень нехорошо обошлись его биологические родители, и я очень рад, что он нашел себе новую семью у Харконненов.

— Это понятно.

— Дело было так. Мне нужно было обратиться по одному важному секретному вопросу к Тлейлаксу, и нынешний глава их Дома между делом за чашкой чая слил мне информацию о том, что у него на попечении грудной ребенок. Вернее, даже еще не грудной — сильно

недоношенный малыш с тяжелейшим пороком сердца, от которого отказались его собственные родители, а горе-доктора с его родной планеты вместо того, чтобы попробовать вылечить младенца, сдали его тлейлаксам на опыты. Ну, те стояли и смотрели — вроде и дело почти безнадежное, и эксперименты ставить рука не поднимается.

— Сейчас вы скажете, что я слишком сентиментален для Харконнена, но это не родители, а чмо ебаное, — прокомментировал главнокомандующий.

— Там папаша особо отличился, мудило пиздоглазое. Мамаша-то еще сопротивлялась, просила врачей помочь, а отец велел своей бабе забыть о сыне — новых наделают.

— Вот мудоеб.

— Не то слово. Слушай дальше. Ну, увидел я этого несчастного подопытного в кувезе — жуть, мне поплохело, хоть я и Харконнен. Лежит этакая мелочь пятимесячная величиной ненамного больше моей ладони, вся проводами опутанная и синенькая.

— Тлейлаксу вам рассказали, кто его настоящие-то папашка с мамашкой?

— поинтересовался Раднор.

— Ясен пень. Только распространяться об этом я не стану, ты уж извини. Так вот, у Норэта — сам понимаешь, раньше его не так звали — была гипоплазия, то бишь недоразвитие, левого желудочка и еще несколько пороков сердца масштабом поменьше. Мы с Нирием всегда хотели много детей иметь, ну и подумали: одним больше — деньги у нас есть, как будто мы для сироты лишней тарелки супа не найдем. Хотя нам, по правде говоря, в тот момент слабо верилось, что этот заморыш вообще выживет. Ну ничего, нашли хороших врачей, починили ребенку сердечко, не совсем, конечно, но проживет наш Норэт с этим при отсутствии нервных потрясений и серьезных физических нагрузок до глубокой старости. О физкультуре в школе и институте у нас, конечно, речь не шла, равно как и о службе в армии, но инженер из Норэта вышел хороший, хоть и на полставки. Так что такая вот история.

— Раббан в курсе?

— Нет. Он в ту пору на Ланкивейле был, а потом, когда приехал, мы с Нирием и соврали, что у нас якобы еще один сын родился. Теперь знаете еще и вы с Алией. Горус догадывался, но он-то как решил: что это якобы Нирием мне рога наставила. Пришлось мне дорогому тестю тогда пригрозить и матом на него наорать, чтоб больше эту тему не поднимал. Хорошо, что с первого раз дошло.

— Значит, и мы с Алией не скажем никому ни слова. Можете целиком и полностью на нас положиться.

Вскоре Раднор с Фейдом забыли об этом разговоре — их отвлекли более важные дела. Буквально через пару дней после этого скоропостижно скончался престарелый тесть барона, и семейство Харконненов сначала занялось похоронами, а потом вернулось к подготовке военных действий на Арракисе.

На поминках Норэт, как и другие внуки Горуса, говорил теплые слова о том, кого всю жизнь считал родным дедом, даже и не подозревая о том, что он на самом деле приемный сын барона Харконнена.

Тоньо Кари, как и полагалось садовнику, по-прежнему каждый день работал у Тириса, а по воскресеньям уходил к своей семье. Свое обещание Кассандра Атрейдес сдержала, и где-то недели через две после ее разговора с отцом к Тоньо подошел управляющий имением.

— Слушай, тут господин генерал как-то прослышал о том, что у тебя сестренка болеет. Он человек в высшей степени благородный, очень чистая душа, вот и решил тебе помочь — приказал купить для девочки лекарство. Держи, давай ей согласно инструкции.

— Согласно чему? — не понял Тоньо.

— Тут вот, видишь, в коробочку бумажка такая вложена. В ней написано, как нужно девочке лекарство давать.

— Только я, к сожалению, читать не умею, — извиняющимся тоном пробормотал юноша.
— Не будете ли вы так добры и не прочитаете ли для меня эту инстр... инстр...

— Инструкцию, — сказал управляющий, достал бумажку из упаковки и объяснил Тоньо, как нужно поить лекарством малышку. Обрадованный садовник поблагодарил своего начальника и тем же вечером, благо была суббота, отнес бутылочку матери, чтобы она начала как можно скорее лечить Майру.

Ина не могла проводить каждый день со своими детьми, и в плане лечения дочери ей пришлось положиться на второго сына. К счастью, Дави был мальчиком послушным и ответственным, он внимательно выслушал объяснения старшего брата и стал утром и вечером, как было написано в инструкции, поить девочку лекарством. Уже к концу недели Майре стало заметно лучше, и Тоньо почувствовал, как у него камень с души свалился. Может быть, сестренка все-таки выздоровеет? И все благодаря красавице Кассандре и ее добросердечному отцу, ведь не зря управляющий отзывается о генерале Тирисе как о прекрасном, милосердном и благородном человеке!

При первой же встрече Тоньо решил поблагодарить Кассандру.

— Любезная госпожа, — сказал он ей, когда она в очередной раз попросила его нарвать для нее яблок, — вы столь же добры и великодушны, сколь и красивы. Нет, вы еще добрее! Вы и ваш отец спасли жизнь моей маленькой сестренке, и я ваш вечный должник, — стесняясь своей неграмотности, Тоньо осторожно подбирал слова и еще до начала разговора тщательно продумал, что будет говорить.

— Ну, это, право слово, не стоит благодарности, — махнула своей прекрасной нежной

рукой девушка. — Любой человек на моем месте поступил бы точно так же, и ничего особенного я не сделала.

Сначала они беседовали о здоровье Майры, о том, что в последние дни погода сильно испортилась, и о прочих обыденных вещах, а потом вдруг перешли на политику, и Кассандра призналась своему знакомому, что очень боится войны и Харконненов.

— Простите меня, дорогой Тоньо, что я вам это говорю, — печально произнесла дочь генерала, — я понимаю, что мне не пристало так откровенно беседовать с малознакомым человеком, но, к сожалению, мне больше некому это рассказать. Были бы живы мама и Электра, я бы с ними поговорила, они же к тому же женщины. Однако, к сожалению, из живых родичей у меня только отец, а он считает, что дочь военного не должна ничего бояться — мне это просто не пристало.

— Говорите, я вас выслушаю и никому ничего не скажу, — пообещал Тоньо, сгребая в кучу опавшие листья.

— Я вам верю, — вздохнула Кассандра. — Его светлость герцог Ахиллус Атрейдес объявил всеобщую мобилизацию. Это значит, что всех мужчин и юношей, способных держать оружие, пошлют на фронт. У наших врагов — профессиональные армии. То есть в них служат те, кто с детства учился военному делу. Они умеют воевать. Нам же не хватает людей, и мы вынуждены призывать в армию крестьян и рыбаков, которые до этого не держали в руках автомата, не умеют стрелять и прятаться и на поле боя окажутся просто пушечным мясом. Мне страшно, Тоньо. На войне за Арракис уже погиб мой родственник, сын генерала Кэрила, но у нас нет другого выхода. Если Дом Атрейдесов не вступит в войну и не даст отпор Харконненов, враги уничтожат всех нас и поработят всю галактику. Отец рассказывал мне о бароне и его прислужниках, это действительно страшные люди, которые считают смыслом своей жизни убийство невинных — даже таких маленьких деток, как ваша сестренка Майра! Теперь отец хочет, чтобы я ехала с ним на Арракис, но я так боюсь!

Тоньо постарался как мог успокоить и поддержать девушку, хотя он, по правде говоря, сам мало что понимал в происходящем. В субботу утром Кассандра угостила его очень вкусными конфетами, и он, отправившись домой, решил завернуть в гости к Алпине и поделиться сладостями с ней — пусть она и сплетница, но тетка все же неплохая, всегда помогала его семье, да и неприятности у нее сейчас — зятя в армию призвали. Вот ведь ее дочке сейчас без мужа плохо — да бедняжка еще и в положении.

Подойдя к низенькому забору, Тоньо вдруг увидел во дворе у Алпины каких-то неизвестных людей в военной форме и услышал крики и плач. Кричали сама пожилая женщина и ее дочь, а солдаты собрались увести с собой главу семейства.

— Мы прислали вам мобилизационную повестку еще неделю назад! — возмущался высокий усатый человек в офицерском мундире. — Ваш муж обязан был сам явиться на призывной пункт, а из-за того, что эта деревенщина не удосужилась научиться читать, мы теперь вынуждены ходить по дворам и собирать всех, кого надо!

— Пощадите! — рыдала Алпина. — Мой муж уже очень стар, он не может пойти в

солдаты! Моя дочь ждет ребенка, а зятя тоже увели! Как же мы без мужчины в доме?

— Мне очень жаль, — равнодушно ответил усач, — но у меня приказ. Вы его и так нарушили, но ладно, так и быть, я объясню начальству, что вы просто не умеете читать. Давайте, прощайтесь с вашим мужем, у меня мало времени.

Алпина и ее дочь бросились обнимать главу семьи, умоляя его побереечь себя, быть осторожным и обязательно вернуться живым, и тут усатый офицер внезапно заметил стоявшего возле ограды Тоньо.

— Ваши имя и фамилия, молодой человек? — жестко спросил он.

— Тоньо Кари.

— Где проживаете, кем работаете?

Юноша объяснил военному, где находится его дом, и рассказал, что служит в имении генерала Тириса Атрейдеса садовником. Офицер порылся в своей синей кожаной сумке и вытащил оттуда какую-то бумажку, которую торжественно вручил Тоньо.

— Вот вам мобилизационная повестка. Вам три дня на сборы и прощание с семьей, после чего вы тоже должны явиться на призывной пункт.

— Но у меня дома...

— Простите, молодой человек, тут я вам ничем не могу помочь. Мне очень жаль, у меня дома тоже жена и маленькие дети, но и я вынужден ехать на Арракис. Герцог и его военачальники старались по мере возможности оградить своих верных слуг и домочадцев от призыва, но, к сожалению, таковы обстоятельства. Будь на-герцог Кассиус уже совершеннолетним, он бы тоже пошел служить наравне со всеми — и пойдет, если война затянется надолго. Если вы не умеете читать, попросите кого-нибудь, чтобы объяснили вам, что тут написано и как добраться до призывного пункта. Все необходимое — форму, оружие — вам там выдадут. Так, попрощались? — обернулся он к рыдающей Алпине и ее дочери. — У нас мало времени, нам уже пора.

— До свиданья, дядюшка Адриан, — сказал Тоньо старику, с обреченным видом уходящему из родного дома в сопровождении солдат. Сложив вчетверо мобилизационную повестку, он сунул ее в карман своих холщовых штанов.

С тяжелым сердцем Тоньо отправился к матери, братьям и сестре. До последнего мгновения он думал, надеялся, что беда обойдет его дом стороной, и он сможет остаться на службе у генерала Тириса, но теперь все его надежды рухнули. Он никогда в жизни не держал в руках оружия и слабо себе представлял, каково это — оказаться в настоящем бою под огнем противника. Несмотря на свою неграмотность, Тоньо знал, что живет на планете Каладан, которая выглядит, как огромный шар, и что в космосе существуют другие такие же планеты; теперь ему предстояло поехать на одну из них и воевать там с другими людьми. О сражениях, как и об устройстве мира, он судил главным образом по рассказам других людей и понимал, что там его могут убить: Кассандра не

так давно поделилась с ним историей гибели своего близкого родственника. Сейчас он снова задумался о том, что такое смерть и каково это — умирать. Больно ли это и долго ли длится?

Забыв о сладостях, которыми хотел угостить Алпину и ее семью, он вошел в свою лачугу, так и держа в руках кулек. Мать была дома и стирала белье.

— Меня призвали в армию, — с порога объявил он, не здороваясь, и достал из кармана сложенную повестку. — Через три дня надо явиться на этот... пункт сбора.

— Да как же это так, сынок? — всплеснула мокрыми руками мать. — Ты же садовник генерала Тириса!

— Всех призывают, — ответил Тоньо. — И дядюшку Адриана, хоть он уже и совсем старый. Генерал Тирис тоже поедет на Арракис.

— Как, и Адриана забрали? — ужаснулась Ина.

— Что ж делать, — вздохнул ее сын. — Я вот попрощаться пришел, вещей у меня почти нет, собирать нечего. Вы все себя берегите. Ты, Дави, — обратился он к брату, — теперь старший в доме. Маме во всем помогай, не забывай давать Майре лекарство, попробуй, если вдруг случай подвернется, найти какую-нибудь посильную работу. Я сегодня схожу к генералу Тирису, попрошу у него жалованье за отработанные дни, принесу вам, вы на эти деньги первое время как-нибудь проживете.

Тирис Атрейдес без лишних разговоров отдал своему садовнику все причитающееся; выглядел генерал очень угнетенным — было видно, что все происходящее его более чем не радует. Вернувшись к матери, Тоньо попрощался с ней, еще раз дал братьям наставления, как жить без него, и с аппетитом съел кусок рыбного пирога, который мать испекла по случаю призыва старшего сына в армию.

— Ты там поосторожнее, — сказала ему Ина. — Под вражеский огонь не лезь, не геройствуй, в первых рядах не стой, а то убьют тебя — как мы тут будем? Все-таки ты уже взрослый, работаешь, и нам твои деньги и труд — большое подспорье. Братья-то твои еще совсем крошки, они не могут так мне помогать, как ты, — женщина подошла к старшему сыну и крепко его обняла.

— Я уж постараюсь, — ответил он.

После разговора с матерью Тоньо вернулся в усадьбу генерала Тириса, откуда сам хозяин дома и все его слуги, призванные на военную службу, должны были вместе отправиться на пункт сбора. Управляющему тоже нужно было идти в армию, хотя он, как и муж Алпины Адриан, был уже немолод.

— Ох, Тоньо, не нравится мне все это, — поделился он с садовником за ужином. — Остались у нас на Каладане одни женщины да дети. Как они без нас, мужчин, хозяйство возьмут в руки? Вот у тебя отца-то нет... ох, извини, где-то он наверняка есть, да о тебе, сыне своем, не знает. Был бы — тоже бы в армию забрали. Ты в своей семье

считай что единственный мужчина, а тебя от родных отрывают. Как они без тебя справятся?

— Тяжело им будет, — уклончиво ответил юноша, который был удивлен такой откровенностью со стороны человека сильно выше его по статусу.

— У меня своих детей нет, жена моя померла, мне волноваться не о ком, — продолжал управляющий, жуя хлеб. — А вот тебе-то есть о ком. Мать твоя женщина хорошая, работающая, да и младшие дети заботы требуют. Я вот знаешь еще, чего боюсь?

— Вы? — удивился Тоньо; раньше ему казалось, что этому суровому пожилому человеку неведомо чувство страха.

— Я, знаешь, никогда никого не убивал. Ну как: рыбу чистил и резал, пока она еще трепыхается, курам головы рубил. Я господину Тирису признался, что стрелять не умею, оружия в руках не держал, если не считать разделочный нож. Мне он сказал, что нас на призывном пункте стрелять научат, там специальные мишени есть. Мишень мишенью, это все хорошо, но это же не человек.

— Так они же враги, — ответил садовник, у которого, впрочем, мелькнула мысль о том, что в словах управляющего есть истина.

— Молодой ты еще, — сказал управляющий, прихлебывая яблочный компот. — Вот ты смог бы меня, например, убить?

— Да вы что, — Тоньо отчаянно затряс головой.

— А представь себе, что я солдат Харконненов. У тебя ружье, и ты в меня стреляешь, потому что иначе я убью тебя.

Молодой садовник задумался. До этого момента он слабо себе представлял, что война предполагает убийство таких же людей, как он сам и его знакомые.

— Вот стоит передо мной человек. Он такой же, как я, и его тоже призвали в армию — конечно, Харконнены сражаются отнюдь не за правое дело, как мы, но этот солдат, может быть, на своей родной планете тоже был садовником, рыбаком или крестьянином, и отказаться он не сможет, иначе его ждет смерть от рук гвардейцев барона. Мы защищаем спайс от врагов, которые, если их не остановить, поработят всю вселенную, они хотят подчинить себе галактику — вернее, не они, а их барон. И мы будем вынуждены стрелять в таких же людей, как мы, разница лишь в том, что они живут на Гайди Прайме и правит ими не такой милосердный человек, как наш герцог. Ни у них, ни у нас нет выбора.

Тоньо рассуждения управляющего показались чересчур запутанными и сложными, поэтому он только кивнул в знак согласия. Поужинав, он сразу лег спать — наутро ему предстояла долгая дорога до призывного пункта в окрестностях столицы, но сон не шел, и юноша, ворочаясь на своей жесткой постели, долго вслушивался в ночную тишину, нарушаемую только криками каких-то животных.

Утром все призывники встали очень рано; их долго везли по разбитой дороге в каком-то облезлом транспортнике до пункта сбора неподалеку от Кала-сити. Тоньо Кари смотрел из окна на проплывающие мимо поля, луга, деревеньки, состоящие в основном из таких же покосившихся лачуг, как его собственная, и редкие усадьбы. Поскольку он никогда не покидал родных мест, увиденное его сильно впечатлило; управляющий рядом с ним тоже восхищался красотами Каладана.

— Какая же у нас прекрасная планета, — восклицал он. — Не сравнить с Гайди Праймом. Слышал я про родину Дома Харконненов, говорят, страшное место. Мрачное. Все загрязнено — и земля, и вода, и воздух, люди живут недолго и в очень плохих условиях. Стоит кому-нибудь попробовать высказать недовольство, как его тут же схватят гвардейцы барона, и участь его незавидна.

— Ну, я бы не сказал, что прекрасная, — буркнул какой-то молодой деревенский парень. — Мне вот у нас погода как-то не слишком нравится. Довольно часто дожди, холодно бывает, небо облаками затянуто, хорошо еще, что такой зимы нет, какая, говорят, во владениях Ордосов постоянно — там и снег-то не тает. Я ни разу не видел снега, но и не имею желаний увидеть, хотелось бы побольше солнышка.

— Как бы оно ни было, а нашего дорогого герцога с мерзким бароном и неизвестным главой Дома Ордосов не сравнить, — ответил ему управляющий. — Наш герцог о своем народе заботится, а жители Гайди Прайма этого лишены — выживай, как знаешь. Генерал Тирис, честный, благородный человек, очень сожалеет о том, что вынужден отправить столько наших людей на войну, но что делать? Если мы не будем сражаться с Харконненами, то они придут сюда и сделают всех своими рабами, и это будет куда хуже постоянных дождей и погубленного урожая, — он с укоризной посмотрел на будущего солдата. — Вот ты знаешь, какие на Гайди Прайме порядки? Никто в твое положение входить не будет, тебе скажут — как хочешь, так налоги и плати, ни отсрочки не дадут, ничего, и слугам барона все равно, даже если твоя семья умрет с голоду.

— Ну, ваша правда, — миролюбиво ответил тот; было видно, что он не согласен со стариком, но не хочет спорить.

— Я вот знаете о чем думаю? — поделился с ними управляющий. — Если живым с войны вернусь, то подыщу какую-нибудь хорошую женщину, постарше, чтоб по возрасту мне подходила, можно вдовушку с детьми, и женюсь. Одному тоскливо. А то жена-то моя как померла, так я и дома старался не бывать, все на работе в генеральской усадьбе, и выходных не брал, потому что плохо в одиночестве-то. Добро б у меня детки и внуки были, а так-то никого нет, вот на сердце и тяжело.

Другие призывники, согласно покачивая головами, стали рассказывать друг другу про своих родителей, жен и детей — у одного человека их оказалось так даже пятеро, и теперь его жена осталась без кормильца. Тоньо, слушая его, про себя думал о том, что его семье не так уж и плохо — его мать вон с ранней юности управлялась с детьми и хозяйством, вообще не имея мужа. Интересно, а кто, в самом деле, был его отцом? Какой он? Знает ли о том, что у него есть сын, пусть и незаконнорожденный? Может, он сейчас тоже на войне или уже убит Харконненами...

На пункте сбора призывники провели несколько недель. Там Тоньо выдали новенькую военную форму и даже нижнее белье — он был очень рад, потому что его собственное представляло собой сплошные заплатки. Старшина обрадовал его тем, что по возвращении домой солдатам будет разрешено оставить себе всю одежду и обувь; по крайней мере, какое-то время можно будет не беспокоиться о том, что носить. Новобранцев учили выполнять команды, ходить строем, обращаться с оружием, стрелять по деревянным мишеням и проводили с ними беседы о величии дома Атрейдесов и о том, что каждый солдат должен быть с радостью готов отдать свою жизнь за герцога и доблестно сражаться с его врагами.

Через пару дней после окончания обучения им предстояла отправка на Арракис, где полным ходом шла постройка военной базы Атрейдесов.

На Гайди Прайме Раднор и его подчиненные тоже занимались подготовкой новобранцев. Бхет Хэллек провожала на Арракис своих внуков — военного инженера Мори, который благодаря своим талантам находился в большой милости у самого главнокомандующего, и Джейнис, которая прошла серьезную подготовку, получила сертификат с отличием и собиралась служить в огнеметных войсках.

— Навешайте Хуиллусу по первое число, — с нескрываемым злорадством говорила пожилая женщина, которая почему-то была уверена в том, что именно так все и будет. — Ненавижу Дом Атрейдесов. Ордосы, конечно, тоже наши враги, но они хоть не такие придурки и не всеобщее посмешище.

— Э, бабушка, это ты не пробовала их телевизионные каналы смотреть, — засмеялся Мори. — Там такой бред показывают! Они берут какое-нибудь наше фото помойки или промышленных отходов, демонстрируют крупным планом, а потом заявляют, что такой дрянью вся планета завалена. Или снимут полуразвалившийся сарай из фанеры, после чего утверждают, что весь народ на Гайди Прайме живет в подобных условиях. У меня было горячее желание устроить им вброс: снять свой дом, а потом сказать, что все желающие работать и получающие зарплату люди у нас на планете живут именно в таких домах или в благоустроенных квартирах, а не в сарае из фанеры.

— По себе людей не судят, — сказала его сестра. — Не мне тебе рассказывать, что у них самих творится. Народ живет в землянках, где нет ни отопления, ни электричества, ни канализации с водопроводом, детская смертность зашкаливает за все мыслимые пределы, медицинская помощь и обучение в школе только для правящей элиты. Если простолюдин сдохнет, никого это не интересует. А мне еще вон люди рассказывали, что у них на планете эпидемия туберкулеза и еще какой-то жуткой заразы, которую, естественно, никто не останавливает — на вакцины и лекарства денег нет, все проебали герцог и его ментат.

— Там к этому климат располагает, — поделилась с внучкой своими соображениями Бхет. — Сырость — прямой путь к распространению туберкулеза и прочих легочных заболеваний, а если там еще никаких удобств нету, так вот вам и оно. Поработал рыбак в

сырости, холоде да под дождем, застудил себе легкие, пришел домой, там тоже дубачина, лег спать в землянке, где сквозняки гуляют, одежка у него плохая, заболел — антибиотиков нету, с работы лечиться никто не отпустит, вот он и перемогается, трудится, пока от кровавого кашля прямо на рабочем месте ласты не склеит. Да еще небось и кашляет на рыбу, а ее кто-то потом чистит и жрет. Ну и результат... соответствующий.

— Фу, бля, противно, — ответила Джейнис. — Я все поняла: если буду воевать на Каладане, с местным населением лучше не общаться и нигде, кроме нашей полевой кухни, ничего не есть, а то еще подцепишь бяку.

— Правильно говоришь, — поддержал ее брат. — Лучше не надо, у нас оно как-то почище будет, что бы там ни плели эти Атрейдесы. К сожалению, хорошая экология — отнюдь не залог крепкого здоровья.

Бхет Хэллек была не слишком образованной женщиной, хотя начальную школу закончила и читать и писать умела. С ранней юности и до пенсии она работала на пищевом комбинате, который занимался производством полуфабрикатов. Ее сын, напротив, еще в детстве интересовался естественными и точными науками. Учителя в его школе заметили талантливого мальчика и посоветовали ему поступать в университет; после того, как он сдал выпускные экзамены, сам барон выделил грант на его обучение. Будучи студентом физического факультета, он женился на однокурснице, с которой в настоящее время вместе работал на закрытом военном заводе; у них родилось двое детей — Мори и Джейнис. Внук Бхет решил пойти по стопам отца и стал инженером, разрабатывающим всякие адские машины для убийства Атрейдесов и Ордосов, а его сестра предпочла техническим разработкам службу в действующей армии.

День клонился к закату. Стены сооружений космопорта были залиты розовато-оранжево-пурпурным сиянием вечернего солнца. Несмотря на то, что ее внуки уезжали в район боевых действий, пожилая женщина почему-то не испытывала ни малейшей тревоги — она была уверена, что с ними не случится ничего плохого.

— Привезти тебе голову Хуиллуса, если получится ее оторвать? — пошутил Мори.

— Голову этого придурка лучше сразу отдать барону, — сказала его бабушка. — Это его военный трофей.

Космопорт был полон новобранцев в красивой черной военной форме Дома Харконненов и провожающих — родственников, друзей и любимых. Как ни странно, нигде не было слышно слез и причитаний; напротив, казалось, что люди были заранее настроены на победу над врагами.

— Ну ладно, ребята, — Бхет обняла внуков на прощание. — Будьте храбрыми, не отступайте в бою ни на шаг, размажьте по стенке всех наших противников, возвращайтесь живыми и здоровыми. Вперед и только вперед!

— Бабуль, нам до отлета еще полчаса, а места надо занять за пятнадцать минут, — улыбнулся ее внук. — Можем еще поговорить немного. Если мама с папой к тебе на время

отпуска приедут, ты их за нас обними. Скучаем по ним, конечно, но что поделать — работа у них такая.

— Обязательно. Как сможете — напишите, не держите меня в неведении. Вы люди уже совсем взрослые, обучены всему, что должны знать и уметь опытные солдаты, так что, я думаю, в беду не попадете и не пропадете.

— Разумеется, — самоуверенно произнесла Джейнис. — Уж мы-то из любой переделки сможем выйти и с честью, и с победой.

Примечание к части

В этой главе изменилось довольно многое:

- Ли`Теил, как я уже писала в шапке, стал Аэрнейлом;
- две главы (Осенний призыв и Солдаты) объединены в одну;
- добавлено несколько реплик;
- текст отформатирован;
- зараза, которая косит народ на Каладане, в новой версии естественного происхождения, а не бактериологическое оружие Харконненов.

13. Жестокая забава

Два месяца, отведенных императором на подготовку к войне и постройку баз и укреплений, пролетели очень быстро. Харконнены и Ордосы довольно быстро закончили все работы, а вот у Дома Атрейдесов возникли серьезные заминки, потому что герцог Ахиллус, посмотрев на своих врагов, тоже решил построить не одну, а несколько баз. Однако денежных средств, равно как и людских ресурсов, у него не хватало. Казна Дома в силу плохой финансовой политики его руководства была почти пуста, спайс, который в некотором количестве имелся в отведенной Атрейдесам области Арракиса, нужно было еще добыть, очистить, переработать и продать, а неграмотные крестьяне и рыбаки, из которых в основном и состояла армия, могли лишь выполнять несложные приказы — в отличие от квалифицированных инженеров барона, которые в два счета возвели все необходимые сооружения.

Когда герцогу доложили о нехватке средств на вооружение и постройку баз, он целую ночь не спал и советовался с ментатом, думая, где взять денег. Как того и следовало ожидать, решение он принял совершенно безграмотное и более чем странное: поднял цены на экспортируемые товары и издал указ, согласно которому налог на недвижимое имущество теперь нужно было вносить не один, а два раза в год. Впрочем, звонкой монеты в казне Дома от этого не прибавилось, потому что покупатели просто послали герцога с такими запросами куда подальше.

— Буду с вами честен, — сказал Ахиллусу один из них, — качество у вас не ахти, многие жалуются, что вино у вас дрянное и после него голова болит, да и желудок тоже, но за те копейки, что люди раньше за него платили, и уксус будет сладким. Однако за такие деньги, что вы сейчас требуете, я лучше в другом месте хорошего вина куплю, качество лучше, а цена та же.

Герцог принялся возмущаться и объяснять своим деловым партнерам, что у него сейчас сложная ситуация и что они должны войти в его положение, но те остались глухи к его доводам.

— Простите, ваша светлость, — ответили они, — мы, конечно, вас понимаем и очень вам сочувствуем, но помочь ничем не можем. У нас свои интересы, и нам тоже нужно что-то кушать. Мы не можем работать себе в убыток. Качество у вашего товара низкое, цена высокая. Нас это не устраивает. Спасибо за сотрудничество.

Герцог долго негодовал и обвинял торговцев в меркантильности, бесчувственности и прочих пороках, но сделать ничего не смог: заставить или уговорить людей купить товар у него не получилось. Ничего не вышло и из идеи с налогами, потому что у жителей Каладана, по меткому выражению саркастичного Раднора, в кармане давно уже был хуй на аркане.

— Ну чем мы вам заплатим? — рыдали крестьяне, выворачивая перед сборщиками налогов дырявые карманы своей залатанной одежды. — Травой? Давайте травы наберем. Нам в этом году и работать-то тяжело, мы не знаем, как будем сеять и собирать урожай, всех сильных мужчин на войну отправили!

Герцог остался несолоно хлебавши — взять с каладанских бедняков было и в самом деле нечего. Можно было бы, конечно, повыгонять всех простолюдинов из убогих хижин на улицу за неуплату налогов, но толку что, денег-то от этого в казне не прибавится. Ему оставалось только добывать и продавать спайс, но из-за плохого старого оборудования дело продвигалось очень медленно.

Тем временем Раднор и Мори Хэллек, которого главнокомандующий приметил еще на Гайди Прайме и, поняв, что парень неглупый, решил держать при себе, оделись в камуфляжную форму песчаного цвета и решили самолично посмотреть на постройки Дома Атрейдесов. Под покровом ночи они сели на разведывательный скутер и отправились к ближайшей базе своих недругов, которую те успели закончить лишь наполовину.

— Вот тупые люди, — сказал инженер, рассматривая сооружения в бинокль. — Улитка и та быстрее шевелится. Хотя оно ж неудивительно, если принять во внимание тот факт, что бабла на строительство и обновление техники у них нет, с такой-то бездарной экономической политикой. Слушайте, господин главнокомандующий, а почему б нам не напасть на них хоть прямо сейчас? Мы же застанем их врасплох, если вы отдадите приказ о наступлении, тут никто и оборону-то не сможет организовать. Их медлительность нам на руку.

— Малолетний долбоеб, — самодовольно ухмыльнулся Раднор. — Нахуя нам зря стрельбу устраивать да людей своих гробить? Мои ребята мне еще пригодятся, а я этим ушлепкам Хуиллуса такой сюрпризец приготовил, что мало им не покажется, это однозначно. Мы от них избавимся, не потратив ни единого патрона и не потеряв никого из личного состава! Смотри на меня и учись, а я тебе все покажу!

— И что же нам нужно делать? — тупо моргал глазами Мори, глядя на главнокомандующего.

— Поехали на базу. Пока мы тут по пескам ползаем, там наверняка с нашей родной планеты уже прилетел на-барон Ксенар. Отец попросил его захватить с собой для меня как раз ту замечательную штуковину, которая послужит неприятным сюрпризом для наших друзей с Каладана.

— И что за штуковина? — инженер чувствовал себя все больше заинтригованным.

— Увидишь, — злорадно произнес главнокомандующий Дома, заводя мотор.

Когда они вернулись к себе на базу, там их уже ждал на-барон Ксенар, который, даже будучи сыном главы Дома, не собирался отсиживаться в тылу, а приехал вместе с двумя братьями и сестрой пострелять на Арракис.

— Какой шикарный сафари-парк, — вовсю веселилась Тейна, рассматривая карту

планеты. — И какая тут редкая двуногая дичь водится, это куда интересней простой охоты, не понимаю, чего хорошего в ней находит шакал Коррино. Ведь стрелять по Атрейдесам куда интереснее и забавнее, чем по зверюшкам!

На-барон, поприветствовав Раднора и его подручных, слегка пихнул носком ботинка большое деревянное ведро с широкой металлической ручкой, стоявшее посреди комнаты.

— Вот, папа тут подарочек тебе прислал, свеженький, — усмехнулся он. — Открой, посмотри, тебе понравится, это глава Дома Тлейлаксу только сегодняшним утром в наше распоряжение предоставил. Попросил по возможности заснять результат эксперимента. Не любит он Атрейдесов, что, впрочем, неудивительно с их манерой считать всех поголовно аморальными гадами и высокопарно срать всем в мозги.

— Да без вопросов, понимаю, ему ж тоже поржать хочется, — сказал Раднор и снял крышку. Стоявший рядом с ним Мори, заглянув в ведро, увидел там нечто грязноватого серо-бело-бежевого цвета, похожее на не успевший еще застыть холодец; вся эта масса, заполнявшая двадцатилитровую емкость почти до краев, шевелилась и колыхалась.

— Это что за хуйня? — спросил он у своего командира. — Пиявки?

— Да, это тлейлаксианские пиявки, — злорадно оскалился Раднор, хищно улыбаясь во весь рот. — Первый сорт, свеженькие и чистенькие! Сегодня отбой, завтра утречком встанем и поработаем, а вечером отвезем нашим друзьям из Дома Атрейдесов этот премиленький сюрприз. Пусть попрыгают, а мы посмотрим и поржем.

— Так пиявок вроде ж как снять нетрудно, нас в институте учили, — пожал плечами Мори.

— Бля, ну что ты такой тупой? Это тебя в институте учили, тебя, — ткнул в него пальцем главнокомандующий Дома. — Большинство тех мудаков, которые сейчас служат Охуиллусу, даже в школе читать и писать не учили, я уж молчу про институт, и вообще Мудиллус должен быть рад, если его солдаты смогут сообразить, с какого конца стреляет ружье. Поэтому мы неплохо повеселимся, когда будем наблюдать за попытками Атрейдесов снять пиявок.

— Ну ладно, извините, командир, — ответил Мори. — Как прикажете.

Прибывшим на Арракис жителям Каладана очень не понравилась эта негостеприимная планета. Им, привыкшим к сырым зеленым просторам своей родины, показалось, будто они попали в самый настоящий ад: яркое белое солнце пекло настолько немилосердно, что находиться на открытом воздухе без защитного костюма и специальных очков представлялось совершенно невозможным. Ветер поднимал тучи отвратительного горячего песка, который засыпался во все возможные отверстия и щели, мешая людям не только работать, но и дышать. В итоге старший по базе распорядился выдать солдатам и инженерам дыхательные фильтры, но это не особенно облегчило труд страдальцев: с непривычки они обливались потом, их постоянно мучила жажда, а защитная амуниция не

позволяла быстро и свободно двигаться.

Чтобы поднять боевой дух своих людей, один из офицеров ближе к вечеру произнес перед ними длинную зажигательную речь о том, каким важным и нужным делом все они сейчас заняты и какую пользу принесет оно в будущем всей галактике. Однако измотанные уставшие люди слушали его вполуха, воспользовавшись случаем, чтобы передохнуть.

Вскоре после прибытия на Арракис новичков распределили по базам; Тоньо остался служить на главной вместе с генералом Тирисом, а пожилого Адриана и еще одного приятеля Тоньо по имени Алан отправили на другую. Теперь старик сидел, тяжело дыша, словно выброшенная на берег рыба, и бессильно опустил руки между расставленных колен — казалось, у него вот-вот откажет сердце, и он завалится назад, словно безвольная кукла. Сам же Алан, такой же простой деревенский парень, как Тоньо, во время речи офицера предавался размышлениям о своей семье, которая осталась на Каладане, и о друзьях, с которыми его тоже разлучила война.

С Тоньо он познакомился во время работы в усадьбе Тириса — Алан был уборщиком, а его новый приятель — садовником. Поначалу юноши просто перекидывались парой-другой слов в течение дня, но потом даже подружились; семья Алана тоже была очень бедной, его мать овдовела, когда ему было всего двенадцать, а его младшим братьям — девять и семь. Самый маленький умер от болезни почти сразу же после отца, и мать, как ни кощунственно это звучало, сказала, что это случилось к их счастью, потому что работать такой ребенок еще не может, а вот кушать стал бы много, но кормить его нечем. Вдова ходила по чужим домам, помогала по хозяйству и стирала белье, порой приходя за полночь со стертыми в кровь руками, пока Алан не подрос и не устроился на работу. Жить семье стало намного легче, но тут началась война, и юношу забрали в армию.

Теперь Алан сидел и думал о своих матери и младшем брате, которые остались на родной планете, а заодно и о своем новом друге. Увидит ли он их еще раз? Не далее как вчера карриал доставил на Арракис танки модели «Минотавр», и сейчас они стояли на большой площадке перед базой, накрытые чехлами. Алану они казались огромными и пугающими, а от людей он слышал, что боевые машины Харконненов куда мощнее и страшнее. Что он будет делать, если на него вдруг поперет такое чудовище?

Пока офицер Дома Атрейдесов вещал перед своими подчиненными, а те делали вид, будто слушают, но на деле предавались унынию, их враги Харконнены отнюдь не дремали. Дождавшись сумерек, Раднор с Ксенаром и Мори незамеченными подобрались к неприятельской базе и аккуратно вытрясли из ведра всех пиявок буквально в нескольких шагах от новеньких танков.

— Кушайте на здоровье, сладенькие мои, — злобствовал главнокомандующий, — будет шестеркам Хуиллуса сюрприз. Для людей эти создания не опасны, они не питаются органическими соединениями, а вот танк для них — очень лакомая добыча.

Спрятавшись за огромной горой песка, Харконнены стали ждать, что получится.

— А нас тут песчаный червь не найдет? — нервничал Мори. — Говорят, они реагируют

на вибрацию типа шагов или даже сердцебиения...

— Заткнись, долбоеб, — оборвал его Раднор. — Ты за кого меня принимаешь, за полного мудака, который способен сам потащиться на верную смерть и привести червяку в пасть собственного родственника и лучшего военного инженера Гайди Прайма? Не тупи, тут червяк не водится, потому что спайса нет, и вообще учи биологию! У тебя в школе по ней был кол?

— Хуиллус, дерьмо такое, заслуживает худшего, — прокомментировал Ксенар.

— Говорят, что он пытался настроить против нас Корлина, предводителя фрименов Карфага, а когда тот послал его хуями, обозвал беднягу продажной шкурой.

— Пошел в жопу, еблан каладанский, — с издевкой произнес Раднор, — он, видимо, считает, что все должны работать только на него, желательно за идею и безо всякой платы. А если Корлин не хочет иметь с ним никаких дел, так надо ж обозвать человека в отместку и выставить его полным говном, как же без этого благородному Атрейдесу.

Главнокомандующий думал, что торчать в песках, пока пиявки доедят танки врагов, ему придется долго, но ошибся: вскоре вечернюю тишину прорезал отчаянный крик часового.

— Ай! Помогите! Что это? Оно шевелится, шевелится!

Послышался громкий топот: в бинокль Раднор увидел, как к месту происшествия торопятся дежурный офицер и другие солдаты. Рядовые, глядя на находку часового, обеспокоенно перешептывались, не понимая, что тот обнаружил, и тыкали пальцами в пиявку на корпусе огромного «Минотавра».

— Это же пиявка Тлейлаксу! — воскликнул офицер, который был куда более грамотным, чем его подчиненные, и учился на военных курсах. — Откуда она здесь?

Подойдя к танку, он бесстрашно взял пиявку пальцами, поскольку знал, что причинить вред человеку или животному она не может. Зловредная тварь извивалась и дергалась, стремясь вернуться к источнику пищи.

— И что с ней делать? — спросил один рядовой.

— У нас в учебнике было написано «утилизировать», только я не знаю, как, — посмотрел на него офицер. — Эй, — повернулся он к другому солдату в снайперской форме, — как твоя фамилия? Кажется, Пирн?

— Да, сэр, — робко ответил тот.

— Пирн, сбегай-ка в ангар и принеси банку топлива. Мы ее сожжем.

Тот не заставил себя долго ждать и быстро вернулся с банкой. Офицер несколько раз окунул пиявку в банку, а потом вытащил из кармана зажигалку и поднес к тлейлаксианскому вредителю. Другие солдаты с интересом смотрели на живодера, ожидая, чем кончится его предприятие.

Раднор за огромной дюной не мог слышать слов Атрейдесов, но зато видел, чем они занимаются.

— Ой, блядь, совсем ебанутые, — он только и смог что покачать головой. — Как можно быть такими тупыми людьми?

Пиявка в руке офицера мгновенно вспыхнула, и он бросил извивающуюся в огне вредную тварь на землю. Все думали, что она сгорит и умрет, но тут случилось нечто совершенно неожиданное. Вместо того, чтобы тихо превратиться в кучку пепла, горящая пиявка с невероятной скоростью рванула к ангару, где хранились огромные баки с топливом и прочие легковоспламеняющиеся и опасные материалы.

В следующее мгновение прогремел оглушительный взрыв; столб пламени вместе с кусками металла и бетона взметнулся в небо метров на десять. Огромная дюна защитила Харконненов, но, даже несмотря на это, у них напрочь заложило уши и они почувствовали, что их с ног до головы осыпало песком.

— Пиздец, — только и смог произнести Раднор. Когда он отважился посмотреть на вражескую базу, на ее месте были одни объятые огнем руины, усеянные трупами и клочьями тел; в теплый песок неподалеку от него и его спутников шлепнулась оторванная рука с оставшимся на запястье куском рукава.

— Я же обещал — мы от них избавимся, не потратив ни единого патрона и не потеряв ни одного солдата, — главнокомандующий, злорадно улыбаясь, многозначительно посмотрел на Мори.

Примечание к части

Текст отформатирован.

14. Кровавый песок

Арракис встретил Тоньо и его товарищей удушающим зноем, нестерпимо ярким солнечным светом, от которого люди чувствовали сильную резь в глазах и не успевали вытирать непрестанно катящиеся из них слезы, и горячим сухим ветром, после порывов которого песок хрустел на зубах, набивался в нос, волосы, уши, карманы одежды и даже за шиворот и в белье. Командующий базой был человеком ответственным и относился к новобранцам с пониманием, поэтому сразу велел выдать солдатам все необходимое защитное оборудование и провести инструктаж, однако после этого бывший садовник, которому и без того казалось, что он попал в самое ужасное место в своей жизни, почувствовал себя еще более неуверенно. Инструктор, не скупясь на подробности, поведал новобранцам о том, что на Арракисе бывают страшные песчаные бури, которые срывают у зазевавшегося человека, не успевшего найти укрытие, все мясо с костей, а также рассказал им о песчаных червях, и Тоньо сильно испугался, хотя даже обычный ветер на этой планете был удовольствием ниже среднего.

— Как здесь ужасно, — жаловался он своему давнему знакомому, управляющему, который оказался с ним в одной казарме. — Когда мы были дома, я так радовался солнечным дням, ведь у нас почти всегда идет дождь! А здесь от солнца деваться некуда, ни облачка на небе, ни кустика вокруг, ни даже самой малюсенькой речки! Клянусь, никогда в жизни больше не буду жаловаться на дождь и пасмурную погоду!

— Тебе-то хорошо, ты хоть молод, — отвечал ему тот, — а у меня вон и сердце пошаливает, и давление скачет. Не знаю, сколько здесь продержусь, я вон спать толком не могу, воздуха не хватает, просыпаюсь — так сердце колотится, словно я двадцать миль без остановки бежал.

Тоньо тоже было очень жарко спать; по идее, в казарме были предусмотрены кондиционеры, однако, несмотря на все инструкции, приказы и распоряжения, ни одного на базу так и не привезли — у герцога попросту не оказалось на них денег. Юноша с удовольствием разделся бы донага, но на Каладане спать в чем мать родила даже с собственной женой было не принято, да к тому же он стеснялся своих сослуживцев, и поэтому бедняге пришлось париться в пижаме, которую ему выдали вместе с военной формой, невзирая на страшную духоту.

Служба в действующей армии оказалась настоящей каторгой для большинства новобранцев. Мало того, что эти простые деревенские парни сильно страдали от непривычного жаркого климата и палящего солнца, так с раннего утра и до поздней ночи их к тому же пытались научить обращаться с оружием и сложной техникой. Для людей, которые ни разу в жизни не держали в руках ничего, кроме лопаты или ножа, это было совершенно непонятно, и в итоге инструктора принимались кричать и ругаться на глупых рядовых. В душе они понимали, что поступают неправильно и хотят слишком многого от людей, которые даже не умеют читать и писать, но времени у них было мало: вдруг завтра в бой, а солдаты не знают, как стрелять из автомата или управлять танком? Впрочем, был ли смысл во всех этих стараниях и командах? «Нажать на кнопку», «повернуть рычаг» — вчерашние рыбаки и крестьяне все равно не понимают назначения рычага и не могут прочитать, что именно написано на том или ином устройстве.

Несмотря на все грубости старших по званию, куда более страшным испытанием для Тоньо и его сослуживцев по-прежнему оставался палящий зной. К вечеру юноша чувствовал себя словно мокрая грязная тряпка, которой весь день мыли пол, а потом забросили ее куда-то в угол. С облегчением он встречал закат, когда беспощадное солнце наконец скрывалось за горизонтом, но опустившаяся на землю тьма не приносила пролады и желанного облегчения. Всю ночь Тоньо беспокойно ворочался в кровати, а наутро просыпался мокрым от пота и чувствовал себя невыспавшимся и разбитым. Самочувствие новобранцев, конечно же, никого не волновало — им все равно приходилось тяжело работать на обустройстве базы и заниматься с инструкторами, пытаясь хоть как-то освоить начальную военную подготовку. Врагам Дома Атрейдесов не приходилось тратить время на такую ерунду, потому что у Ордосов была профессиональная армия, в которой люди служили по контракту, а на Гайди Прайме занятия по гражданской обороне были включены в обязательную школьную программу, и каждый школьник там умел обращаться с автоматом. В этом было главное преимущество неприятелей, однако герцог Ахиллус не задумывался о таких вещах. Куда больше его заботила необходимость срочно раздобыть хоть где-нибудь средства на новую военную технику.

Время шло, и Тоньо постепенно начал привыкать к суровым условиям пустынной планеты, благо был и в самом деле молод и полон сил, да к тому же вырос в бедности и лишениях. Герцог тем временем, посоветовавшись с ментатом и приближенными, нашел выход из положения. Он решил использовать в войне на Арракисе старую боевую технику, которая у других Великих Домов в принципе давно считалась устаревшей и вышедшей из употребления. Конечно, она не могла составить достойную конкуренцию оснащенным сдвоенными плазменными пушками и ядерными ракетами класса «земля — воздух» новеньким Опустошителям Харконненов, которые привезли на Дюну прямо с завода, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба, а при отсутствии иного оружия полезешь на танк и с топором. Поэтому Ахиллус Атрейдес приказал как можно скорее вытащить со всех складов и хранилищ все то, что можно хоть как-то использовать в качестве оружия, расконсервировать и доставить на Арракис. Подчиненные герцога бросились выполнять распоряжение, потому что понимали, что от этого могут зависеть их собственные жизни. В итоге они не только опустошили все хранилища и ангары, но также и спасли много старых машин со свалок и складов металлолома, а помимо этого сняли с городских постаментов всю ту технику, которая стояла там в качестве памятников, но была еще вполне работоспособна.

Однажды ночью Тоньо, не ожидая ничего плохого, стоял в карауле возле ветроловушек, находящихся в северной части базы. Защитных стен вокруг не было — Атрейдесам, в отличие от Ордосов и Харконненов, не хватило денег на их постройку, и от этого вида оборонительных сооружений пришлось отказаться. Вдруг до него донесся непонятный шум.

— Что это такое? — обратился он к своему товарищу.

— Да кто знает, — махнул рукой тот. — Небось ветроловушка барахлит.

— Да не похоже на ветроловушку, — возразил Тоньо.

— Тебе-то что? — оборвал его третий солдат. — Может, звери какие местные. Спать хочется, а нас сюда пригнали не поймешь зачем, — он зевнул, прикрывая рукой рот.

— Да, спать хочется, — согласился с ним бывший садовник, но тут в ночной темноте внезапно блеснуло что-то непонятное — словно падающая звезда или очень быстро пролетевший светлячок. Потом еще раз. И еще. Юноша отчаянно заморгал глазами и не сразу успел понять, что это выстрелы. Винтовки Атрейдесов стреляли отнюдь не беззвучно, а тут новобранцы, к своему удивлению, не услышали ничего — совсем ничего!

Почти сразу после этого на фоне бескрайнего горизонта с песчаными дюнами возникли черные громады боевых машин — вернее сказать, на самом деле машины как раз были не очень большими, не выше человеческого роста, но новобранцам они показались просто огромными. В сознании перепуганного Тоньо мелькнула мысль о том, что надо закричать, поднять тревогу, но он впал в ступор и стоял на месте, будучи не в состоянии что-либо произнести или схватиться за оружие — лишь то открывал, то закрывал рот и таранился в пространство, как выброшенная на берег рыба. Вслед за этим наконец раздался грохот, и один из товарищей бывшего садовника отлетел в сторону метров на пять, две ветроловушки сразу вспыхнули, а три другие превратились в груды искореженного металла, из-за чего вся база мгновенно осталась без электричества. Тоньо, наконец отойдя от первоначального шока, бросился к своему сослуживцу; тот лежал на каменной площадке, не шевелясь. Юноша позвал его по имени, но он по-прежнему не откликнулся и не двинулся. Не зная, что делать — Тоньо не имел ни малейшего понятия о том, какие бывают раны и как следует оказывать первую помощь товарищу — бывший садовник Тириса Атрейдеса попытался приподнять приятеля и тут заметил, что взрывом снаряда тому безо всякого преувеличения снесло половину черепа. Остатки мозгов несчастного выпали бедному Тоньо на его новенькие армейские ботинки.

Закричав в голос, он бросился прочь от мертвого сослуживца, не зная толком, куда бежать и что делать. Другие его товарищи уже успели поднять тревогу и пытались отстреливаться, но силы были явно неравными — нападающие передвигались быстро и почти бесшумно. Кто-то из солдат Дома Атрейдесов уже завел старый осадный танк и хотел было накрыть врагов ответным огнем. Он навел пушку на неприятельскую бронетехнику, однако при первой же попытке сделать выстрел она попросту отвалилась, с грохотом рухнув на камни, потому что до этого танк не один год стоял на постаменте в Кала-сити под проливными каладанскими дождями и успел проржаветь насквозь.

Враги тем временем, обстреляв базу Атрейдесов, скрылись в темноте так же незаметно, как и появились. Когда все стихло, Тоньо, который так и не смог поднять оружие и дать из него очередь по противнику, услышал чей-то тонкий жалобный крик, похожий на писк младенца или даже котенка. Он никогда не думал, что вот так может кричать взрослый человек, но почему-то сразу понял, что это кто-то из его сослуживцев, раненых в ночной перестрелке. Повесив на плечо автомат, он медленно, словно находился в это время не на военной базе, а просто тихо и мирно прогуливался у себя на родине по зеленому лугу, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца, побрел в то место, откуда доносился голос. Там уже стоял один из лейтенантов и громко звал врача; в руке у него был включенный карманный фонарик — ветроловушки, благодаря которым вырабатывалось электричество, были полностью уничтожены во время вражеской атаки, а альтернативные источники питания еще не успели запустить.

Увидев Тоньо, лейтенант поднял голову.

— Рядовой Кари? Что ты еле бредешь, зацепило, что ли?

— Да нет вроде, — проговорил тот каким-то бесцветным тихим голосом, не обращая внимания на непрекращающийся крик. — Скорее уж чуть не оглох.

— Боюсь, что Сарту пришел конец. Снаряд разорвался прямо рядом с ним, он не успел отбежать в сторону.

— Что с ним? — Тоньо все же отважился посмотреть в ту сторону и в следующее мгновение сам завопил от ужаса, закрывая ладонями глаза. На залитом кровью песке среди собственных вывалившихся из распоротого осколками живота дымящихся внутренностей конвульсивно подергивалось то, что совсем недавно было его товарищем; из жалких огрызков на месте оторванных рук и ног били красные фонтанчики. Лица у когда-то красивого Марка Сарта тоже не было — вместо него было черно-красное месиво, и лишь широко раскрытый в непрекращающемся крике рот свидетельствовал о том, что этот человек еще жив и что-то чувствует.

— Да добил бы ты его, — подошел к ним еще один лейтенант.

— Ты совсем спятил, что ли? Мне потом перед командиром отвечать? Меня же за это под трибунал отдадут?

Тоньо, не отнимая ладоней от глаз и ничего не говоря, медленно отвернулся, в душе жалея о том, что не имеет второй пары рук, чтобы закрыть ими уши. Значит, вот как это выглядит — война. За всю свою жизнь юноша не убил ни одного живого существа, если не считать мух, комаров и того, что время от времени он чистил рыбу — на работе и себе для еды. Сейчас он понимал, о чем в свое время говорил ему управляющий, и сомневался в том, что вообще сможет выстрелить во врагов даже в том случае, если они сами наставят на него оружие — это было выше его сил.

Прибежали врачи и, посмотрев на то, что осталось от несчастного Марка, только покачали головой. Лейтенант, нашедший пострадавшего, молча смотрел на то, как тот постепенно затихает и уже не кричит в голос на пронзительно высоких нотах, а лишь изредка вскрикивает, а потом просто всхлипывает. Ничего другого он сделать бы не смог, даже если бы очень захотел; конечно, логичным решением было бы достать пистолет и облегчить мучения подчиненного, но благородные и милосердные Атрейдесы — не кровожадные Харконнены, которые с радостью прикончат и своего, и чужого. По законам их Дома солдата, который добил пусть даже безнадежного раненого, которому все равно было ничем не помочь, ждал военный трибунал, чтобы другим неповадно было.

— Кто это был? — обратился к нему еще какой-то рядовой. — Харконнены?

— Нет, — угрюмо ответил лейтенант. — Ордосы. Я успел разглядеть их технику: четыре трайка-налетчика и один танк модели «Кобра», стреляющий разрывными снарядами.

Харконнены, как правило, идут в лобовую атаку и в принципе не склонны отступать. Они либо раздавят противника, не считаясь с собственными потерями, либо, что менее вероятно, будут драться до последнего, не сдаваясь в плен, и подорвут последней гранатой себя вместе с врагами. Если они побегут с поля боя или сдадутся, им потом не жить, их барон такого не прощает, и умирать они будут в куда более страшных мучениях. Дом Ордосов действует иначе: они сражаются по принципу «бей и беги», изматывая противника, пока тот окончательно не выдохнется, и его уже можно будет брать голыми руками. Поэтому сегодня мы относительно легко отделались. Если бы к нам пожаловали Харконнены, нам пришлось бы куда труднее. В любом случае расслабляться не стоит, Ордосы — те еще злобные твари. Жаль, что нам не выделили средств на защитные стены, их так легко не пробить, может, с ними нам бы удалось избежать потерь.

— На стены денег нет, зато теперь придется дважды на ветроловушки тратиться!
— крикнул кто-то. — Из-за этого вся наша база без света осталась!

— Мы тут на открытой местности, и это очень плохо, — к Тоньо подошел старый управляющий. — Проклятые Ордосы сделали это специально. Слышал, что лейтенант Таннан говорит? Они нападают исподтишка и наносят противнику сначала вроде как незначительный, но ощутимый урон. Сейчас мы остались без света. Это им на руку. В любой момент они могут вернуться сюда с куда большими силами и разнести в куски еще что-то. Потом с еще большими, ну и так далее — так им удастся постепенно всех нас перестрелять. Были бы у нас стены, — вздохнул он. — Эй, Тоньо, ты меня слышишь? Тебя что, при взрывах контузило?

Юноша медленно обернулся; смысл слов управляющего почти не доходил до него — слишком сильное потрясение он испытал, увидев смерть своих товарищей.

— Да что с тобой? — старик отшатнулся; даже в неровном свете фонариков, с которыми сновали туда-сюда солдаты Атрейдесов, в глазах юноши был заметен какой-то первобытный, животный страх в сочетании с внутренней опустошенностью. — Не ранен?

— Нет, — безо всяких эмоций пробормотал Тоньо и, угрюмо глядя прямо перед собой, медленно побрел к своей казарме.

Примечание к части

Текст отформатирован.

15. Просто вещи

В замке Каладан было холодно и сыро. Горевший в углу столовой камин почти не давал тепла, и герцогиня Фиона Атрейдес зябко куталась в толстую шерстяную шаль, сев поближе к огню. Ее мужа снова не было дома, он уехал разбираться с финансовыми вопросами на оружейный завод, к детям пришел учитель музыки, и она чувствовала себя бесконечно одинокой. Вернее сказать — одинокой она себя чувствовала уже давно. С того времени, как вышла замуж? Или даже с того, как вообще себя помнит?

Будущая герцогиня родилась в богатой семье, и все ее детство было полным строгих запретов. Девочке из высшего сословия не подобало бегать и прыгать, как детям простолюдинов, это было неприлично и вульгарно. Ей не разрешалось играть с мальчишками, даже с родственниками, поскольку это тоже считалось непристойным. За играми Фионы и ее младшей сестры постоянно надзирала строгая гувернантка — неопределенного возраста женщина с собранными в пучок темными волосами, одетая в бесформенное серое платье — вернее, платьев у этой дамы было несколько, но все они были совершенно одинаковыми. Любые отступления от дозволенного строго порицались: с куклами девочки могли играть только в дочки-матери или в званый прием. Однажды маленькая Фиона, узнав о том, что ее тетя недавно родила и кормит грудью малыша, решила в игре тоже понарошку покормить грудью свою куклу; за такую непристойность девочку сильно отругали и поставили в угол. Точно так же гувернантка и родители отреагировали, когда Фиона и ее сестренка, решив поиграть в свадьбу, повели под венец двух кукол-девочек — сделали они это просто за неимением кукол-мальчиков, которых в их семье тоже считали неприличными и недопустимыми. Однако взрослые усмотрели в этом нечто прескверное и долго кричали на малышей, которые даже толком не могли осознать, за что их ругают.

Когда Фиона немного подросла, к ней пригласили учителей и стали учить ее разным наукам, женским рукоделиям и изящным искусствам. Родители будущей герцогини решили, что девочка из хорошей семьи должна непременно уметь играть на музыкальных инструментах, петь и танцевать, но, к несчастью Фионы, она оказалась начисто лишена слуха и голоса. Разумеется, в этом не было ее вины — талант и склонность к чему-либо человеку дает природа, но мать и отец девочки почему-то решили, что их дочь лентяйка и просто не хочет ничему учиться. Они постоянно ругали ее за нерадивость, а то и лупили Фиону смычком по пальцам, но толку от этого было очень мало — что можно сделать, если человеку не дано хорошо играть и петь, он ведь не получит после наказания совершенный музыкальный слух.

Когда подросшей Фионе минуло уже девятнадцать, родители сказали ей, что ее руки просит сам герцог Ахиллус Атрейдес — это великая честь, и они уже дали свое согласие. Узнав об этом, девушка не обрадовалась, но и не огорчилась — она вообще не поняла, что произошло, потому что за все годы своей жизни даже не была за порогом родного дома, в лучшем случае гуляла по саду под надзором гувернантки. Вскоре сыграли свадьбу, и Фиона, покинув родительский дом, стала герцогиней Атрейдес. Муж ее был вполне неплохим человеком, он был всегда неизменно вежлив со своей женой, ни разу не сказал ей ни одного грубого слова, благо и сама Фиона старалась не навлекать на себя недовольство герцога, не устраивал скандалов и не требовал слишком частого выполнения супружеского долга, но молодая герцогиня постоянно чувствовала тоску и

апатию. Причина этого была очень проста: ей было не с кем поговорить, у нее не было подруг, а герцог, когда она пыталась завести речь о своих переживаниях, просил жену успокоиться и старался сразу перевести разговор на другую тему. Фиона думала, что ее муж по характеру довольно холодный и закрытый человек, и ей приходилось с этим мириться — что поделаешь? В конце концов, Ахиллус не заводит наложниц, не ходит к другим женщинам, не пьет, не бьет жену и не кричит на нее, так чего ей еще желать? Многие с радостью оказались бы на ее месте, ей грех жаловаться.

Тяжелым ударом для молодой герцогини стала смерть ее старшего сына, Вориана. Когда Фиона забеременела в первый раз, врачи говорили ей, что будет мальчик; герцог Атрейдес очень обрадовался, и вместе с женой они решили назвать малыша Ворианом в честь одного из славных предков их рода, знаменитого героя Батлерианского Джихада. Однако наследник Дома Атрейдесов родился сильно раньше срока и почти сразу умер — герцог не дал своей жене ни оплакать, ни похоронить ребенка, он велел слугам совершить все положенные обряды еще до того, как его супруга оправилась от тяжелых преждевременных родов, и герцогиня Фиона, встав с постели, увидела в саду замка Каладан лишь скромную надгробную плиту с надписью «Вориан Атрейдес». Упав на колени перед могилой сына, она горько зарыдала, но тут вмешался ее муж.

— Я думаю, что вам не стоит так убиваться, дорогая Фиона, — сказал он. — Тут ничего не поделаешь, врачи сказали мне, что у мальчика было очень много врожденных пороков и уродств, он все равно бы долго не прожил. Мы с вами молоды и здоровы, поэтому мы вскоре сможем дать жизнь другому ребенку, и я просил бы вас не переживать и не плакать из-за случившегося.

Фиона послушно замолчала — с детства ей внушали, что жене следует во всем беспрекословно следовать указаниям мужа, тем более такого влиятельного и сильного, как сам герцог Атрейдес, и ни в коем случае не делать ничего по-своему. Прошло несколько лет, и у сиятельной четы родились Кассиус и Поликсена, но маленький Вориан, который не прожил на свете и дня, по-прежнему не давал герцогине покоя. Несколько раз ей снилось, что он жив, ворочается в кровати, просит грудь, плачет, и по пробуждении Фиону охватывала совершенно непередаваемая смертная тоска, но она не могла ни с кем об этом поговорить. С мужем? Он не станет слушать. С прислугой? Ей всю жизнь внушали, что нарушать субординацию неприлично и служанкам можно лишь давать поручения — пару раз еще в детстве в силу обычного любопытства она пыталась задавать своей гувернантке вопросы о том, где та родилась, что ей нравится и кто ее родители, но та быстро пресекла попытки своей воспитанницы совать свой нос куда не следует. В конце концов, она всего лишь гувернантка и выполняет свою работу! С детьми? Зачем им об этом знать?

Как-то раз Фионе приснился совсем уж кошмарный сон. Ей виделось, что она наблюдает за собой со стороны — видит собственные тяжелые роды, своего недоношенного сына, перемазанного кровью, но еще живого, лежащего на белой простыне чуть поодаль. И тут внезапно ее глазам предстали чужие люди — она не могла разглядеть их лиц, они были как в тумане, но почему-то она знала, что эти двое — муж и жена. Они подошли к тому столу, на котором лежал ее маленький Вориан, и взяли его на руки.

— Стойте! Прекратите! Отдайте моего сына! — что было сил закричала герцогиня, но

незнакомцы вдруг растаяли — с Ворианом на руках. Наутро Фиона Атрейдес проснулась в слезах и, пользуясь тем, что мужа не было дома, пошла в сад на могилу сына и сидела там до обеда. Ее охватило чувство невосполнимой утраты — ей было бы легче, если бы она смогла сама оплакать и похоронить ребенка, если бы смогла пережить свое горе, как полагается, если бы Вориана и в самом деле усыновили чужие люди, но он был бы жив, однако муж, который не любил сильных проявлений эмоций и считал их признаком дурного воспитания, даже если для них были все основания, не разрешил ей даже вволю рыдать над телом ребенка.

Она очень любила Кассиуса и Поликсену, но между герцогиней Атрейдес и ее детьми по-прежнему стояли пресловутые правила приличия. Когда она вместе с мужем была порой вынуждена присутствовать на заседаниях Ландсраада, то замечала, что другие Великие Дома, в том числе заклятые враги Атрейдесов Харконнены, ведут себя со своими детьми совершенно иначе — они не стесняются обнимать и целовать своих наследников и говорить им о том, что любят их. Сыновья и дочери барона, пусть это и казалось герцогу Ахиллусу отвратительной невоспитанностью, никогда не обращались к своим родителям на «вы» и с величайшим почтением, как это было принято у их недругов, и временами герцогиня Фиона ловила себя на мысли о том, что завидует чете Харконненов — может быть, баронесса в юности и была самой обычной простолюдинкой, может, она и навлекла на себя позор, выйдя замуж беременной, но зато у нее было все, чего не было у жены герцога Атрейдеса. Все, что есть у большинства обычных людей — детские игры, любовь... В отличие от Фионы, она не была вещью, которую разве что не переставляли с места на место по желанию родителей и мужа.

Как и было решено перед началом войны, Кассандра Атрейдес, дочь генерала Тириса, поехала с отцом на Арракис, чтобы всегда находиться под его присмотром. Во время полета и на военной базе девушке предоставили в высшей степени комфортабельные комнаты со всеми удобствами, так что она, в отличие от рядовых солдат, в том числе своего давнего знакомого Тоньо, не страдала от жары и духоты, ей вовремя привозили чистую питьевую воду, отец каждый день навещал ее и интересовался, все ли в порядке у его любимой дочки, но, несмотря на это, Кассандра все равно скучала и тосковала в своем недобровольном затворничестве. Дома, на Каладане, она могла гулять, пусть после трагической гибели Электры отец и не разрешал ей выходить за ограду усадьбы одной, учиться, разговаривать с другими людьми, когда этого никто не видел, а здесь она оказалась заперта в четырех стенах и не могла покинуть свою комнату. Девушка занималась рукоделием и читала книги, но время от времени ее разбирало любопытство: вот бы выйти отсюда пусть даже минут на десять, посмотреть хоть одним глазком, какой он — Арракис? В самом ли деле тут такое яркое белое солнце, как она читала, жара, сильный ветер и кругом один песок? До этого времени она не была нигде, кроме тех мест на Каладане, где родилась. От природы Кассандра обладала довольно живым и веселым характером, и даже строгое воспитание не смогло убить в ней тягу к познанию. В глубине души дочь генерала Тириса мечтала о путешествиях и приключениях, думала, что с удовольствием посетила бы разные планеты, но потом ей оставалось лишь тяжело вздыхать, поскольку она понимала, что отец никогда ей этого не позволит.

Время от времени Кассандра размышляла о предстоящем замужестве; отец пообещал

найти ей хорошего жениха, только сначала ей нужно было закончить учебу. Интересно, каким он окажется, ее будущий муж? Нет, конечно, отец ее любит и он вряд ли подберет ей в супруги плохого человека, но как сложится ее дальнейшая жизнь? Будет ли она сидеть дома и заниматься детьми или сможет ходить с мужем на какие-нибудь приемы, а то даже и путешествовать? Еще она мечтала снова увидеться с Тоньо; она не называла молодого садовника своим другом, поскольку с раннего детства ей внушали, что с простолюдинами дружить нельзя, но в глубине сердца она понимала, что сейчас он и есть ее единственный друг — после того, как она была вынуждена из-за карантина покинуть школу. Может быть, война, как и обещал ее отец, скоро закончится, и они с садовником еще успеют встретиться и поговорить до того, как она снова уедет учиться, а потом выйдет замуж?

*Ты сыночка мне родила —
Вылитого крокодила;
Он похожий — ё-моё! —
На соседа моего!*

Народное творчество

С момента встречи Йире с двумя Харконненами прошло больше месяца. Или, может быть, даже двух — в последнее время молодая женщина не смотрела на календарь, не то чтобы она потеряла счет дням, но ей просто не хотелось обращать на это внимание. Ее муж пока что не требовал, чтобы его законная жена присутствовала на каких-либо официальных мероприятиях и званых приемах, более того — он, на ее счастье, на какое-то время забыл о нелюбимой вещи, как это обычно делают дети или нерадивые хозяева, забрасывая ее куда-нибудь в дальний угол. По большей части она тихо сидела у себя, читая книги или просто размышляя, и постепенно приходила к однозначному выводу, что будущее не сулит ни ей, ни ее сыну ничего хорошего. Она ощущала себя так, словно находится в темном помещении без окон, дверей и даже вентиляционной шахты, и понимала, что без посторонней помощи ей оттуда не выбраться. Единственными людьми, на которых она могла хоть как-то опереться, были ее ненаглядный Эттан, который, взрослея, становился все больше похож на своего настоящего отца, и, как ни странно это звучало, Гансенг и Раднор. Да, в ходе войны за Арракис Харконнены — враги Ордосов, но в безвыходном положении выбирать не приходилось, кроме того, они ненавидят Дом Коррино и мечтают разделаться со всеми его представителями, и Йире понимала, что эти двое вполне могли стать для нее ключом к свободе. Эттан всегда был на стороне матери и знал, что у него никого нет, кроме нее, нет, но Йире сомневалась в том, сможет ли в трудной ситуации на него положиться — в конце концов, он еще совсем ребенок, что бы там ни болтали те, кто считает пятнадцати-шестнадцатилетних подростков уже вполне готовыми к взрослой жизни.

Поначалу Йире просто не любила своего мужа, а потом стала его бояться, ненавидеть и даже презирать. После встречи с Харконненами она подумала, что те не зря за глаза дразнят Коррино шакалами — выросшая на ледяной планете и почти нигде не побывавшая, она никогда не видела шакала, кроме как на картинках в книгах, но читала о его повадках, и решила, что столь лестное прозвище ее супруг и его покойный

предшественник однозначно заслужили. Когда она вышла замуж за этого мерзавца, то Ашиар Коррино словно превратился в живую стену между своей нелюбимой женой и всем окружающим миром, и довольно долгое время молодая женщина жила с мыслью о том, что эту стену не сломать никакими средствами, но сейчас ей казалось, что сделать это не только можно, но и нужно. Нужно — ради себя, ради Эттана и ради тех, кто дорог им обоим.

Как-то раз, когда Йире в очередной раз читала, сидя в своей комнате, ее сын улучил минутку, чтобы зайти к ней.

— Здравствуйте, дорогая матушка, как ваши дела? — церемонно поинтересовался он, стоя на пороге, чтобы никто из прислужников Ашиара, подслушав, как Эттан разговаривает с матерью, не донес его родителю о том, что юноша не соблюдает дворцовый этикет. Если бы Эленар пришел навестить папашу и мамашу, те сразу приказали бы подать чай, вино, сладости, фрукты или даже какие-нибудь редкие деликатесы, но Эттан не был любимчиком Ашиара, и поэтому ему, как и его матери, приходилось довольствоваться самой что ни на есть обычной пищей в положенное время согласно дворцовому распорядку дня.

— Добрый день, дорогой сын, — с таким же пафосом ответила молодая женщина, краем глаза следя за тем, как Эттан закрывает за собой дверь. — У меня все хорошо, надеюсь, что и у вас тоже.

Тот притворно улыбнулся, проходя в комнату.

— Теперь слуги в коридоре нас не слышат, — с облегчением вздохнул он, — можно не ломать комедию и разговаривать, как все обычные люди.

— А ведь ты же не за тем пришел, чтобы просто поинтересоваться, как у меня дела, — сказала ему мать. — Это ты и без того знаешь.

— Естественно, — согласился тот, садясь в кресло подальше от двери.

— Что случилось? — Йире насторожилась, поняв по тону Эттана, что наверняка произошло что-то не очень приятное.

— Мама, не вздумай кому-либо обмолвиться о нашем разговоре, — быстро проговорил он, переходя на родной язык своей матери. Эттан не отдавал себе отчета в том, что в этой просьбе в принципе не было смысла — Йире однозначно никому ничего не расскажет, да ей и не с кем было бы поделиться своими мыслями, даже если бы она этого очень захотела. — Я знаю, что мой отец меня не любит, я не был для него желанным ребенком и тебя ему навязали, но вчера я подслушал его беседу с госпожой Сионой. То, что я услышал, меня напугало. Он почему-то утверждает, что я не его сын, — в этом месте голос юноши дрогнул. — Но и это еще не все. Ты помнишь день переговоров в Ландсрааде, после которых ты снова поссорилась с отцом?

Йире кивнула. Ее сын вырос на редкость внимательным и проницательным... молодая женщина была приятно удивлена. Только вот в их положении ум — опасное качество,

лучше бы Эттан был глупее и наивнее. С дурака-то какой спрос?

— И что же там случилось? — растерянно проговорила она. — Я вроде не заметила ничего особенного, тем более тревожного. Все было как обычно.

— Мама, неужели? — изумленно протянул Эттан. — Мы ведь давно живем в этом дворце, и всякие грязные интриги для нас — не тайна.

— Говори толком, хватит темнить и ходить вокруг да около, — одернула сына Йире и спрятала руки в складках платья, чтобы сын не заметил, как у нее дрожат пальцы. — У нас не слишком много времени, и если ты засидишься у меня сверх меры, твой отец и его люди могут заподозрить, что ты тут не просто интересовался моими делами только ради соблюдения придворного этикета.

— В Ландсрааде были и Харконнены, — пояснил юноша. — Все видели, что они ведут себя совершенно жутко, и обращали внимание исключительно на это, но мало кто понял, что это было всего лишь прикрытие. Они явно чего-то хотели, мне показалось, что они собирали информацию о своих врагах. Думаешь, один из них сидел и музыку слушал? Не верю. Харконнены наглые, но просто так ничего делать не станут. Наверняка что-то записывал или подслушивал чужие разговоры. И еще они бросали на тебя очень мерзкие взгляды. Как на добычу. Мне нетрудно предположить, что они задумали нечто очень нехорошее — например, похитить тебя и использовать в качестве заложницы, ведь у Дома Харконненов с Домом Коррино давняя вражда. Однако здесь было и еще кое-что. Я видел там одного молодого человека — у него волосы совсем светлые, не рыжие, как у всей его семьи. Так вот, он пялился на тебя совсем уж гадко. Если ты поняла, о чем я, то я не хочу, чтобы мою мать похитили Харконнены и вдобавок еще и надругались над ней. Будь очень осторожна и не теряй бдительности, ведь нас обоих почти не охраняют.

— Эттан, милый, не мели чушь, — Йире подошла к сыну и обняла его. — Ты у меня, конечно, очень сообразительный, но тут уж от большого ума и предусмотрительности сочиняешь то, чего нет. Во-первых, даже если бы Харконнены и в самом деле вздумали сделать меня своей заложницей, из этого ничего бы не вышло — никаких военных тайн Дома Коррино я не знаю и ценности для твоего отца не представляю, чтобы барон смог у него что-то требовать в обмен на меня. Во-вторых, прокрасться в этот дворец и украсть кого-то из его обитателей — задача еще более сложная, чем сунуть руку в пламя и не обжечься, если не сказать — самоубийственная. В-третьих, мало ли кто на кого смотрел. Хотят смотреть — пусть смотрят дальше, пусть себе хоть мой портрет на стену повесят и целыми днями на меня любуются, благо это бесплатно, да и вообще это ничего не значит.

Эттан, вопреки ожиданиям матери, нахмурился еще больше.

— Вот об этом я и не подумал. Ты не нужна моему отцу, но Харконнены наверняка думают иначе, — он рассеянно поправил абажур на светильнике. — Если они тебя похитят, то потребуют у отца выкуп либо исполнение каких-либо их условий, но он только посмеется над тем, как его враги попали впросак. После этого Харконнены убьют тебя и пустят на консервы, ходят слухи о том, что у них на Ланкивейле есть целая фабрика по изготовлению кормов для животных из человеческого мяса. Или вообще превратят в свою игрушку либо даже продадут в дом удовольствий.

Йире, естественно, не собиралась рассказывать сыну о том, как весело прогулялась и потанцевала с Гансенгом Харконненом, а перед этим жаловалась племяннику барона и Раднору на жизнь, и вместо этого лишь смущенно улыбнулась.

— Спасибо тебе, мой дорогой, что ты так обо мне заботишься и меня оберегаешь, — тихо сказала она. — Конечно, я постараюсь быть осторожной и бдительной. Ты тоже внимательно смотри, что кругом творится.

— У меня нет никого, кроме тебя, а у тебя — никого, кроме меня, ведь моему отцу мы оба совершенно не нужны, — Эттан встал и собрался уходить. — Поэтому я убью голыми руками любого, хоть Харконнена, хоть песчаного червя, если он посмеет причинить тебе вред, пусть он будет даже в сто раз сильнее меня. Я не дам свою мать в обиду выродкам-Харконненам.

Йире схватила сына за руку.

— Эттан, Ашиар Коррино не ошибся. Он действительно не твой отец.

Примечание к части

Текст отформатирован.

16. Умри сегодня

Дела у герцога Ахиллуса шли хуже некуда.

Почти сразу же после окончания объявленного падишах-императором Ашиаром двухмесячного перемирия для подготовки к войне старшие офицеры Дома Атрейдесов доложили ему о том, что одна их база превратилась в груды обломков вследствие произошедшего по неизвестной причине взрыва горючего и боеприпасов, а также о нападении ордосских налетчиков на другую базу, повлекшем за собой значительные разрушения и потери среди личного состава. Герцог сильно расстроился, пусть и не подал виду: мало того что погибло много людей, так теперь еще придется изыскивать новые средства на покупку техники и строительство стен вокруг основной базы. Он понял, что обойтись без защитных сооружений все же не удастся, иначе все важные объекты и саму базу разнесет на осколки первый же ордосский танк. Поэтому он изменил свои планы и приказал заморозить строительство еще двух баз, чтобы пустить все освободившиеся деньги на укрепление основной. Всех людей с той базы, которую не так давно обстреляли враги, пришлось быстро перевести на основную, потому что денег на восстановление разрушенных сооружений у герцога не было, а для проведения строительных работ требовались люди. Среди них были Тоньо и управляющий, которых сразу после прибытия отправили заниматься укреплениями.

— А ты слыхал новость? — как-то раз сказал старик своему давнему знакомому, когда они вместе закручивали гайки на крепежах какой-то детали. — Генерал наш что-то странное творит. Дочку свою единственную, Кассандру, сюда приволок. С ума сошел!

— Здесь же война, — растерянно пробормотал Тоньо, в памяти которого разом всплыли пугающие картины недавнего ордосского нападения. — Зачем?

— Да говорит, будто дома у нас, на Каладане, за ней толком догляду не будет, у ней же матери-то нет и сестра старшая утонула. Помню, как плакали мы все, когда молодая госпожа Электра умерла, ее из воды рыбаки вытащили — вся такая синяя, холодная, а ведь при жизни была такая красавица, — сокрушался управляющий. — Если бы она замуж вышла, то могла бы за младшей сестренкой приглядеть, пока отец на войне, а теперь генерал Тирис Кассандру с собой привез, хоть тут и опасно.

— Так госпожа Кассандра, получается, сейчас здесь? — бывший садовник задал этот вопрос с деланным безразличием, как если бы говорил о погоде на Каладане, которая порой не менялась неделями, пытаясь ничем не выдать того, что дочь генерала ему отнюдь не безразлична. — Да, непросто ей, бедной, будет.

Старик потянулся за гаечным ключом, лежавшим чуть поодаль в ящике с инструментами.

— Здесь, — вздохнул он. — Будет непросто, да еще как непросто, ты вон молодой, не то что я, да и то от жары задыхаешься. Только мы люди простые, ко всему привычные, а она девушка знатная, нежная, прямо как травка весенняя. Как она тут зной этот ужасный терпеть будет? А если на базу нападут? Ой, боюсь я об этом думать, не хочется мне на тот свет, пусть я уже и стар, — закончил он свою невеселую мысль.

Тоньо ничего не ответил, продолжая заниматься работой; металл накалялся на беспощадном солнце и жег солдатам руки даже сквозь перчатки, а противный песок, который был тут повсюду, умудрялся забиваться и в защитный фильтр — или фильтр на самом деле был просто дешевый и некачественный. Кассандра, Кассандра... Юноша понимал, что испытывает к этой девушке нечто большее, чем просто дружескую симпатию, и ловил себя на мысли о том, что очень хотел бы снова ее увидеть, перекинуться хотя бы парой слов. Как жаль, что нельзя вернуть то, что было совсем недавно! Жизнь у молодого садовника и его семьи была очень нелегкой, и нередко он думал о том, как им тяжело и плохо, но потом, когда проходило какое-то время, он понимал, что на самом деле счастлив был раньше. Раньше, когда у него не было братьев и сестер, которых нужно было кормить, когда у него была работа, пусть даже тяжелая, изнурительная и высасывающая все силы, когда он снова нашел место, к тому же с питанием, когда не было никакой войны, никакого Арракиса с его убийственной жарой и песком, засыпающим все вокруг, когда он мог спокойно разговаривать с Кассандрой и оба они стояли под старой яблоней в таком тихом и безопасном саду генерала Тириса. Как давно это было? Совсем, совсем недавно, а кажется, будто прошла целая вечность и та яблоня осталась в другой, мирной, жизни вместе со свежим влажным воздухом Каладана и его серым облачным небом. Сейчас он отдал бы полжизни за каплю дождя и... за возможность снова встретиться и поговорить с Кассандрой. Может, ему удастся поглядеть на эту прекрасную девушку хотя бы одним глазком?

— Эй, ты чего замолчал? — окликнул его управляющий. — Давай еще поболтаем, просто так работать скучно. А вот скажи мне, Тоньо, если бы ты захотел жениться, да еще мог бы жениться на ком твоей душе угодно, ты бы взял в жены Кассандру?

Юноша дернулся, словно его ударило током.

— Да что ж вы так шутите-то, — нарочито обиженным тоном ответил он. — Кто ж за меня ее отдаст? Да за меня никто и самую что ни на есть бедную девушку замуж не выдаст, у меня ж самого мало что в хижине с голоду мышь повесилась, так я еще и отца своего знать не знаю.

Управляющий пребывал в веселом расположении духа и решил, что Тоньо на него обиделся.

— Да ты не злись, я же просто так пошутил, не имел желаний тебя задеть, извини, пожалуйста, — тут же проворчал он. — Я вот о чем: ты себе представь, если бы Кассандра была, как и ты, простолюдинкой или ты родичем герцога, и ты бы мог на ней жениться, ты бы женился?

Тоньо изобразил на лице полное равнодушие, пусть это и далось ему с трудом.

— Ну, я, честно говоря, не знаю... я бы у матушки своей совета спросил, что она об этой девушке думает, послушал бы, что люди другие говорят. Я же не знаю о ней ничего совсем, только видел ее несколько раз в усадьбе господина Тириса, подумал, что она красивая очень, да и все. Если бы мне сказали, что она хорошая, и посоветовали ее в жены взять, так тогда бы, наверное, и женился. Нельзя же так самому решать, без согласия старших.

— Правильно думаешь, — одобрил управляющий. — Старших, в особенности родителей, надо слушать, они тебе плохого не посоветуют. Это хорошо, что ты свою матушку уважаешь и не стал бы с ней спорить. Можно еще с родителями девушки поговорить, если они люди приличные, то и дочь свою такой воспитали. Кто знает, а вдруг тебе в жизни повезет и ты все-таки найдешь себе невесту? Я вон тебе уже говорил, вернусь домой живым, так женюсь обязательно.

Юноша сделал вид, будто очень устал, работая на жаре, и пробормотал в ответ нечто невразумительное. Старик продолжал говорить о своем, расписывая, как нашел бы себе приятную во всех отношениях вдовушку, можно даже с детьми, зажил бы своим домом и наладил хозяйство. Тоньо вежливо кивал и поддакивал, делая вид, будто слушает управляющего, но на деле снова погрузился в свои невеселые мысли. Как всегда — «если бы». Если бы у него был отец, если бы он был из обеспеченной семьи... Да в конце концов, если бы он мог просто пойти и поговорить с Кассандрой! Вот сейчас он работает, занимается своими обычными делами, а она сидит где-то тут на базе, совсем рядом с ним, возможно, даже в соседнем здании, он же не может ничего сделать, чтобы с ней встретиться. Нельзя, нельзя, нельзя, он скован по рукам и ногам этими негласными запретами, которые испокон веков существуют в мире, нельзя идти, куда ты хочешь, делать, что хочешь, жениться на той девушке, что тебе нравится, и даже с ней разговаривать. Старик интересовался, как бы Тоньо поступил, будь у него возможность все-таки жениться на Кассандре? Что ж, он знает, как бы поступил, пусть и не сказал этого вслух. Если бы он мог взять Кассандру в жены, он бы уж точно не стал делать так, как его отец, и тащить девушку в постель безо всякой церемонии, а потом даже не интересоваться тем, что где-то у кого-то от него родился ребенок. Он бы поступил как порядочный человек и попросил руки Кассандры у ее отца, они сыграли бы свадьбу, а уже потом у них родились бы дети. Несправедливо все устроено, одним можно делать все, что они захотят, а другим, наоборот, нельзя, и потому в жизни все и получается не так, как надо.

Тоньо снова задумался о том, кто мог быть его вероятным родителем. Наверное, это был обеспеченный человек, один из тех, у кого его мать трудилась в доме. Как его отец и мать понравились друг другу? Или отец вообще не интересовался ее мнением, лишь удовлетворил свои желания, а та пусть выкручивается с ребенком как хочет? Юноша по природе был довольно застенчив, но сейчас жалел о том, что не стал спрашивать у матушки о том, кто его отец. Конечно, она могла разозлиться и отказаться отвечать, но кто знает — может, и рассказала бы. Тогда ее сын ушел бы на войну, зная, благодаря кому и как появился на свет; конечно, это ничего не изменило бы в его судьбе, и он жил бы, как и раньше, но почему-то Тоньо считал, что ему было бы спокойнее от этого знания.

Вечером после отбоя Тоньо долго ворочался с боку на бок; разные мысли не давали ему уснуть. Он по-прежнему думал о Кассандре, о своей семье, оставшейся на Каладане, о своем возможном отце, пока наконец не задремал, но вместо команды офицера его разбудил сигнал тревоги. Сирена громко взывала на всю казарму; юноша резко сел на своей койке, протирая глаза. За окном еще были сизые утренние сумерки.

— Что такое? — спросил он у сослуживца, спешно натягивая штаны и гимнастерку. С улицы до него донесся невнятный гул и грохот, словно там что-то взрывалось.

— Да ничего, наверное, просто учебная тревога, — пожал плечами тот.

— Какая учебная, на нас напали! — испуганно заорал молодой лейтенант, который вбежал в казарму, чтобы объяснить солдатам, в чем дело, и услышал их слова.

— Быстрее, быстрее, вставайте, берите оружие, и бегом отстреливаться, наши там уже обороняются, кто ночью не спал и на посту был!

Вместе с товарищами Тоньо выскочил во двор; от неожиданности он даже не ощущал страха. Вокруг в воздух взлетали тучи песка — он едва успел надеть защитный фильтр и очки, чтобы прикрыть глаза и нос, что-то бухало, гудело, выло. Юноше хотелось закричать, убежать в никуда, упасть на землю, лишь бы спастись от всего этого, но внезапно он вспомнил о Кассандре. Она здесь, и он знает, что она ужасно боится Харконненов. Конечно, у него мало шансов ее защитить и сделать так, чтобы никто ей не навредил, но пока он жив, он будет стараться, чтобы этого не произошло.

— Кто на нас напал? — робко спросил он у старшины. — Это Харконнены?

Тот вглядывался в силуэты движущихся людей и машин, видневшихся сквозь пробитую врагами брешь в стене.

— Нет, — сухо ответил он. — Это снова Ордосы. С ними проще, если сейчас отобьемся, они уйдут — до следующего раза. Трусливые и хитрые твари. Харконнены напористые, эти же подлые, от них можно ждать чего угодно! Да что ты застыл, словно пень! Давай, отстреливайся! Ждешь, пока тебе снарядом голову оторвет?

Тоньо поднял ружье и несколько раз выстрелил туда, где Ордосам удалось пробить в стене дыру — не целясь, наобум. Там по-прежнему маячили машины и люди в форме; их было плохо видно из-за туч песка и через стекла защитных очков, но солдат смог разглядеть, что один из врагов все-таки упал. Он выстрелил еще раз, и еще, и еще, но тут над его головой просвистело что-то огромное. В следующее мгновение раздался страшный грохот, взрывной волной юношу отбросило на несколько метров, окатив песком. Оглушенный, но не раненый Тоньо понял, что совсем рядом и в самом деле разорвался снаряд. Через силу он заставил себя подняться, стряхнул с гимнастерки песок и осмотрелся. Несколько его товарищей, включая управляющего, лежали чуть поодаль без движения. Спотыкаясь, он бросился к ним, чтобы проверить, живы ли они; двое были мертвы, еще трое едва дышали, а старику, с которым они так мило беседовали вчера, оторвало кисть левой руки, и теперь он был без сознания. Тем временем тяжелая техника Атрейдесов перешла в контрнаступление и открыла ответный огонь; благодаря этому Тоньо смог вытащить из поясной сумки перевязочный пакет и в меру своего умения кое-как замотал старику запястье, после чего позвал на помощь медслужбу.

Ордосы оказались верны себе и на этот раз: поняв, что жертва пока что еще недостаточно слаба, чтобы не суметь дать отпор, они быстро ретировались, оставив у стен базы Атрейдесов один покореженный трайк-налетчик. Судя по следам крови на песке, с их стороны тоже не обошлось без жертв. Тоньо и других солдат спешно

отправили заделывать пролом в стене, а раненых разместили в свободных казармах. Вечером того же дня за пострадавшими прилетел карриал, чтобы доставить их сначала в космопорт, а потом на родину — у герцога не было возможности построить госпиталь на Арракисе, и на базе раненым оказывали только самую необходимую и срочную помощь. Юноша проводил домой старого управляющего, который из-за Ордосов теперь остался одноруким калекой, в душе почему-то ощущая не сочувствие, а зависть — пусть старик и пострадал при взрыве, зато он едет на Каладан, в то время как его товарищам придется прозябать здесь.

— Ну все, отвоевался я, — грустно сказал управляющий, кривясь от боли в раненой руке.
— Удачи тебе, сынок. Не дай себя убить, будь бдителен и возвращайся живым к своей матушке.

— А вы теперь как? — Тоньо осторожно обнял старика, который, по счастью, мог держаться на ногах — в отличие от других своих сослуживцев.

— Да уж как-нибудь, — пробормотал тот. — Думал я вот, что женюсь, так теперь мне и жениться не придется, кто за инвалида замуж пойдет, лишняя обуза. Лучше б я сегодня умер.

— Ну нет, тут вы неправы, — юноша попытался подбодрить своего знакомого. — Война идет, мужчин мало, пусть даже и инвалид вы, но правая-то рука у вас цела, и хоть что-то вы по хозяйству делать можете. Наверняка же найдется какая-нибудь вдовушка, которой нужна опора и поддержка, а вы к тому же человек добрый, обижать ее не станете. Так что не сетуйте на судьбу, все у вас еще будет неплохо, я рад, что вы сегодня не погибли. Только жаль, что поговорить мне теперь не с кем, мы же с вами хорошо поладили.

Старик вымученно улыбнулся.

— Может, еще и свидимся. А то даже и поработаем вместе. Генерал Тирис — человек добрый и милосердный, авось меня и без руки на работу возьмет.

Тоньо с тоской окинул взглядом базу. Кругом песок, камни, железо, хоть бы один зеленый листик, как красиво было на Каладане с его зеленью, и управляющий уже совсем скоро сможет увидеть родину — пусть и без руки. Он еще легко отделался: многие раненые лежали без сознания, кому-то осколками разорвало внутренности и перебило кости, и теперь люди нуждались в срочных операциях, а кто-то даже не дожид до прилета карриала, и их похоронили в песке прямо на территории базы — транспортировка тел стоила слишком дорого, и родственники погибших вскоре получат от командующих уведомления о том, что их близкие погибли на войне. Он даже не смог бы описать словами то, что сейчас чувствует: тоску, подавленность, растерянность, страх...

— До свиданья, — ответил он управляющему со слезами в голосе. — Надеюсь, что смогу еще когда-нибудь поработать с вами.

Похоронив убитых и отправив раненых лечиться на Каладан, солдаты Дома Атрейдесов взялись за восстановление разрушенных построек и укреплений. Рядовые бойцы, еще не умудренные малоприятным опытом, даже немного успокоились, хотя старшие по званию

не уставали напоминать им о том, что расслабляться не стоит — Ордосы славились своим коварством, подлостью, беспринципностью и умением наносить удары исподтишка. В этот раз все произошло точно так же, как и следовало ожидать — в борьбе с такими врагами, как справедливо заметил один из лейтенантов, любая оплошность может стоить многих жизней.

Казармы на основной базе Дома Атрейдесов располагались двумя группами, у каждой из которых имелась собственная система вентиляции. Как-то раз утром почти все, кроме караульных, наслаждались последними приятными минутами сна перед побудкой и построением, однако потом произошло то, чего все солдаты, несмотря на усиление мер безопасности, не могли ни предусмотреть, ни предвидеть — вся их бдительность оказалась бессильна против изощренных хитростей врагов. Вместо свежего воздуха в первую группу казарм прямо по вентиляционным трубам внезапно потек ядовитый темно-зеленый газ, и вскоре все, успевшие вдохнуть хоть глоток этой мерзости, оказались отравлены насмерть — Ордосы застали неприятельских солдат врасплох, видимо, отлично изучив распорядок дня на базе противника.

Тоньо Кари сильно повезло: его казарма находилась во второй группе чуть поодаль и оказалась подсоединена к другой системе воздухообеспечения, поэтому он не наглотался во сне отравы. Разбуженный сигналом тревоги, он быстро натянул форму, схватил оружие и выскочил на улицу. Открывшееся его глазам зрелище оказалось настолько страшным, что у юноши невольно задрожали руки и подогнулись колени. Чуть поодаль у выходов из первой группы строений в песке копошились, стоя на четвереньках или даже лежа, его сослуживцы, одетые в одно нижнее белье. Выпучив глаза и судорожно вцепившись пальцами обеих рук в грудь или в шею, они надрывно, тяжело кашляли, хрипели, задыхались и выплевывали на так и не успевший остыть после дневной жары песок кровавые лохмотья, совсем недавно бывшие их легкими.

Молодой солдат замер в немом ужасе. Его товарищи, которым посчастливилось благополучно проспать ночь и избежать столь жуткой участи, смотрели на происходящее с таким страхом, что, казалось, еще секунда — и они просто забудут обо всех приказах и побегут прочь в неизвестном направлении, словно дикие звери от наводнения, пусть вокруг и полные опасностей дюны, в которых можно за минуту найти свою смерть.

Время от времени то один, то другой пострадавший терял последние силы, переставал кашлять и валился лицом в песок; еще несколько мгновений он пытался приподняться, опираясь на руки, еще боролся за жизнь, но потом лишался чувств, переставал дышать, и все было кончено. Вокруг наглотавшихся отравленного воздуха людей уже сновали санитары, надевая на них кислородные маски; кое-кто пострадал чуть меньше остальных, успев закрыть нос и рот одеялом, но и они получили серьезные повреждения дыхательных путей.

— Что это такое? — наконец отважился спросить у старшины Тоньо, немного отойдя от первоначального испуга.

— Все то же самое, не зря я вам советовал ухо остро держать, да только все бесполезно, — тот уныло махнул рукой, злясь из-за собственного бессилия. — Ордосы в

очередной раз нас перехитрили. Это их почерк — газовая атака, я ж на прошлой войне был, они такое очень любят — наших ребят и кислотой поливали, и смесью хлора с бромом, вон как сейчас, травили, только на открытой местности, а не в зданиях. Теперь вот и до казарм добрались, это явная диверсия. Наши все после такого покойники, никто не выживет.

— Почему?! — в недоумении воскликнул рядовой.

— А потому, что у тебя, парень, — старшина ткнул его пальцем в грудь, — от такого все твои легкие внутри в кровавую кашу превратятся. Даже если на тебя потом маску наденут кислородную, тебе это поможет, но ненадолго — ну, станет на какое-то время легче дышать, но потом ты все равно умрешь.

Тоньо вздрогнул. Чем дальше, тем сильнее он ощущал себя зверем, загнанным в ловушку, или рыбой, попавшей в сети, но при этом отгрызть себе лапу и выбраться из капкана или разорвать сеть, как это делают пойманные животные, не смог бы при всем желании. Наверное, у него все же нет другого выхода, кроме как умереть в этих бескрайних песках, которые тянутся и тянутся с севера на юг и с востока на запад — а есть ли на этой жуткой планете вообще такое понятие, как стороны света?

Старшина тем временем пустился в воспоминания о том, как во время прошлой военной кампании ордосское командование, желая побыстрее захватить вражескую базу, отдало приказ применить отравляющие вещества, и на позиции Дома Атрейдесов медленно пополз темно-зеленый туман, убивающий все и всех на своем пути — наверное, от такой мерзости умер бы даже песчаный червь, случись ему соприкоснуться с такой дозой яда. У солдат герцога Ахиллуса не оказалось противогазов — не только по причине нехватки финансовых средств, но и потому, что никто не ожидал подобной жестокости со стороны врага. Их накрыло тучей отравы, и те из них, кто не успел уйти в укрытие, не погиб на месте и пусть даже смог хоть чем-то закрыть лицо, потом долго сотрясались в приступах мучительного кашля, буквально выплевывая куски легких на окровавленный песок. Пострадали не только люди, но и оборудование: медные предметы покрылись толстым слоем зеленой окиси хлора, продукты стали непригодны для употребления, поскольку руководство Дома Атрейдесов сэкономило на герметичной упаковке. Рядовые, слушая его рассказ, в буквальном смысле слова дрожали от страха; теперь они боялись ложиться вечером спать — ведь утром-то можно и не проснуться... или проснуться с сожженными отравой легкими и кровавым кашлем.

Вечером Тоньо и его сослуживцы все же придумали выход из положения; конечно, не факт, что это их спасет, но все же это лучше, чем ничего, тем более что противогазов на базе нет, не было и не предвидится, а подлые Ордосы способны на любую мерзость — даже травить своей адской смесью мирно спящих людей. Добро б еще они такое с противниками в бою проделывали, так нет же, вон что придумали!

— Давайте-ка мы вот как поступим, — сказал один немолодой солдат. — Кто-то из нас по очереди будет каждую ночь дежурить в казарме и следить за вентиляционными шахтами. Если вдруг что углядит, пусть сразу поднимает крик и всех будит, а мы все, не одеваясь, бегом на улицу, может, хоть так живы останемся. Эти негодяи, видимо, изучили план наших коммуникаций и поняли, как можно подсоединиться к системе

воздухоснабжения, вот и устроили нам диверсию с газовой атакой.

Так они и сделали; первая ночь, в которую дежурил этот солдат, прошла без происшествий, и все нормально выспались. Однако на вторую случилось нечто из ряда вон: двое часовых, как всегда, совершали обычный обход территории, и вдруг один из них рухнул на песок с дыркой во лбу.

Утром все собрались у тела злосчастливого бойца; по всему было видно, что здесь работал снайпер.

— Ну и ну, — качали головой офицеры и рядовые, не зная, как тут быть. Дом Атрейдесов всегда славился своим благородством и не применял запрещенных методов ведения войны, но их враги были людьми злобными, коварными и беспринципными, которые плевали на чужие страдания и не имели ни малейшего понятия о совести и морали. Вместо того, чтобы вступить в открытый бой, они намеренно подрывали боевой дух противника, изматывая его беспорядочными атаками и диверсиями, и, надо признаться, добились своей цели — многие были бы рады бросить оружие и сбежать, если бы было куда.

Все решили, что неизвестный снайпер был Ордосом, а часового застрелил потому, что тот его заметил и сорвал очередную диверсию, но следующей ночью погибли еще двое. Их убили абсолютно так же — точным выстрелом в лоб, те даже и не успели понять, что произошло.

Потом был убит еще один.

И еще двое.

Генерал Тирис, получив донесение о произошедшем, отдал приказ немедленно прочесать окрестности, но дело кончилось тем, что неуловимый снайпер, которого уже успели прозвать «ночным охотником», благополучно перестрелял всех, кого послали на его поиски, и незаметно скрылся во тьме, уложив на следующий день еще двоих.

Один из медиков, осмотрев раны на телах покойных, высказал предположение, которое напугало всех — и рядовых, и командный состав — безо всякого преувеличения до полусмерти. Он сказал, что неизвестный убийца — однозначно не Ордос, а Харконнен; Ордосы не пользуются оружием, из которого можно нанести такие повреждения, а на Гайди Прайме снайперские винтовки подобного типа продаются в любом магазине, и их с легкостью приобретет даже местный школьник.

Дело кончилось тем, что солдаты стали бояться не только спать, но и заступать на дежурство. Генерал Тирис, чтобы создать видимость безопасности, приказал с этого дня отправлять с ними в караул также и технику в полной боевой готовности и при малейшем признаке тревоги открывать огонь на поражение. Однако все оказалось бессмысленным: танки стреляли в пустоту, а таинственный враг продолжал убивать одного часового за другим.

Тогда начальство распорядилось отменить караулы и отдало приказ нести дежурство

лишь в орудийных башнях и боевой технике, которые могли защитить солдат от снайперских выстрелов. После этого вылазки снайпера наконец прекратились, но никто не знал, какой именно вражеской подлости и в каком месте ждать снова. Все были напуганы, с трудом засыпали по ночам, сон солдат был тревожным, прерывистым, и просыпались они безо всякой команды, а во время выполнения разных заданий и работ постоянно озирались по сторонам, в любой момент ожидая угрозы.

В какой-то момент слухи о происходящем дошли и до Кассандры Атрейдес, которая, словно затворница, проводила все время в отведенном ей помещении в здании командного пункта и занималась рукоделием либо читала, изо всех сил стараясь не думать о войне. Не выдержав, она как можно более почтительно обратилась к отцу с просьбой позволить ей покинуть опасное место и вернуться домой.

— Дорогой отец, — сказала девушка, — я понимаю, что, возможно, веду себя с вами не очень почтительно, потому что послушной дочери не подобает подвергать сомнению распоряжения родителей — ведь это неразумно, а старшие всегда знают, что для нее лучше. Однако я очень прошу вас разрешить мне уехать на Каладан, поскольку обстановка здесь становится крайне беспокойной. Что, если дело дойдет до открытого боя? Мы и так потеряли много людей, даже не вступив ни в одно серьезное сражение!

Генерал нахмурился.

— Моя дорогая Кассандра, ты все говоришь правильно, но тебе не стоит так сильно переживать и забивать себе голову мужскими заботами, ты же девушка, красивая, нежная, как цветок в поле. Конечно, я бы оставил тебя на Каладане... если бы было с кем! — с явным сожалением произнес он.

— Я понимаю, дорогой отец, что вы желаете мне только добра, — возразила его дочь. Кассандра понимала, что перед ней стоит сверхсложная задача — убедить генерала в том, что для нее куда безопасней и лучше было бы уехать на Каладан. В общем и целом Тирис Атрейдес не был упрямым человеком, и его боевые товарищи, напротив, полагали, что он довольно разумен, сговорчив и готов к компромиссам, но эти его качества проявлялись лишь в общении с равными себе. В том, что касалось вопросов ведения хозяйства и воспитания дочерей, генерал был весьма упертым человеком, и Кассандре, равно как и ее покойным матери и сестре, порой приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы упросить главу семьи позволить им сделать то или это.

— А раз понимаешь, то зачем такие просьбы? — непонимающе пожал широкими плечами, плотно обтянутыми синей военной формой, генерал Тирис. — Ты же знаешь, что я забочусь о тебе и никогда не сделаю своей единственной любимой дочке ничего плохого. Я отправил тебя учиться в самую лучшую школу, у тебя всегда были самые лучшие и дорогие наряды, самые красивые игрушки, а чуть позже, когда война закончится и ты наконец сможешь доучиться, я выберу тебе в мужа самого лучшего молодого человека благородного происхождения. Что же тебя тогда смущает?

Кассандра отложила в сторону недоплетенное кружево и посмотрела на своего родителя с мольбой. Только бы ей удалось его переубедить! Неужели он ничего не понимает?!

— Да, дорогой отец, я совершенно с вами согласна, — ответила она, — вы всегда прекрасно обо мне заботились, я очень всем довольна, более того, я считаю, что у меня лучший в мире отец!

Суровое лицо Тириса озарила радостная улыбка — ему очень польстили слова дочери, тем более что он и в самом деле считал себя хорошим родителем.

— Однако меня сильно пугает то, что творится на наших базах в последнее время, и мне кажется, что здесь небезопасно, — продолжала она. — Мне страшно, отец. К сожалению, я всего лишь слабая девушка и не умею сражаться, поэтому и прошу вас разрешить мне вернуться на Каладан. Вы знаете, что я всегда вас слушаюсь, ни разу не было такого, чтобы я пошла против вашей воли или повела себя неподобающим образом. Позвольте мне вернуться на нашу планету, а я в свою очередь обещаю вам, что до вашего возвращения ни разу не выйду из дома и буду делать все в точности так, как скажет нянюшка.

— Хватит, Кассандра, я не собираюсь больше тратить свое время на бесполезные разговоры, — твердо произнес генерал. — Прости, но я не могу выполнить твою просьбу. Твоя няня стара, она не сможет позаботиться о тебе, как необходимо, а я смогу. Не слушай ничьих разговоров, занимайся своими делами, не обращай ни на что внимания и спи спокойно, а когда нам придет время вернуться домой, я тебе скажу. Неужели ты не веришь в то, что твой отец справится со всеми врагами?

Девушка неуверенно закивала, а когда отец ушел, поначалу снова взялась за кружево, но потом швырнула его в угол и беззвучно заплакала. Неужели он действительно ничего не понимает, не видит, что ей страшно, что солдаты, хоть они и мужчины, тоже боятся? Неужели и в самом деле думает, что все в порядке?

Тем временем Раднор на основной базе Дома Харконненов с явным удовлетворением читал донесения разведки, а Тейна делала очередную зарубку на стволе своей снайперской винтовки, из которой успела уложить не одного врага.

— Вот видите, — наставлял главнокомандующий детей барона и молодых офицеров, — все складывается просто замечательно. Вы, юные горячие головы, все в бой рветесь, оно, конечно, похвально, но делать все нужно с умом и наименьшими потерями. У герцога Атрейдеса и его присных вместо мозга что? Хуй. Вместо денег что? Тоже хуй. А мы умнее, и с деньгами у нас все хорошо. Видите, как вышло? Ордосы оказались верны своей тактике — начали врагов своих понемножечку трепать. Те перетащили свои основные силы на главную базу. Ордосы продолжили свои диверсии и нападения, но до открытой схватки дело пока не дошло. Что это значит, как вы думаете?

— Что скоро дойдет, — высказал предположение Кэйлин Харконнен.

— Правильно, молодец. А твоя умная и хитрая сестра воспользовалась случаем и еще больше деморализовала наших противников, которые наверняка уже насрали полные

штаны благодаря Ордосам. Я уверен, что новобранцы герцога трясутся от ужаса — эти вчерашние крестьяне и рыбаки не годятся в подметки ни нашим, ни ордосским профессионалам. Когда дело дойдет до открытого боя, добрая половина бравых солдат герцога просто побросает оружие и сдастся в плен либо даст себя убить. А что мы будем делать дальше?

Сын барона пожал плечами, заинтригованно глядя на Раднора.

— А дальше мы воспользуемся случаем и замочим двух зайцев сразу. Когда Ордосы полезут в открытый бой с Атрейдесами, которых они уже запугали и измотали, с другой стороны на базу наших каладанских друзей двинемся уже мы. Раздолбаем сразу и их, и вооруженные силы Ордосов. Никого из солдат Дома Атрейдесов, если не хотите, можете в плен не брать, они все равно по большей части нищие и бесполезные, добивать тех, кто бросил оружие, тоже не обязательно — стрелять вам в спину или делать пакости они точно не станут, это не Ордосы. Высший командный состав, включая генералов — мочить, мочить и еще раз мочить, нет уекбов, нет проблемы. А вот что до замороженных опарышей — тут я даю вам приказ взять живыми кого-нибудь из их главных, если возникнет такая возможность. Мне бы очень хотелось прощупать почву и выяснить, как там у них все устроено и организовано, а заодно разузнать, кто ими руководит, и, возможно, найти какие-нибудь ниточки для того, чтобы с ними связаться. Кроме того, мне интересно, есть ли какой-нибудь способ надавить на Дом Ордосов.

— Вас поняли, командир, — хором ответили его подчиненные.

— А раз поняли, то молодцы. Идите пока отдыхать и ждите моей команды к наступлению. Кстати, Тейна, а если не секрет, то сколько атрейдесских хмырей ты из своей красавицы настреляла? — с улыбкой поинтересовался главнокомандующий Дома Харконненов, разглядывая зарубки на стволе.

Примечание к части

Две главы (Умри сегодня и Газовая атака) объединены по смыслу в одну.

17. Смерти подобно

Эттан Коррино часто размышлял о том, как живут его сверстники на других планетах. Об этом он мог судить только по книгам и редким новостям, которые ему доводилось слышать, поскольку за все годы своей жизни ни разу не выходил из дома. Несмотря на то, что мама попыталась его успокоить и объяснить сыну, что он зря переживает из-за Харконненов, его по-прежнему терзала тревога: ему казалось, что светловолосый племянник барона смотрел на Йире отнюдь не с добрыми намерениями. Однако в то же время, вспоминая о шумных и обделенных хорошими манерами обитателях Гайди Прайма, он ловил себя на мысли о том, что люто им завидует: они были свободны! Свободны во всем и не скованы никакими условностями! Как могли бы проходить его дни, будь он племянником барона Харконнена? Что он мог бы делать? Наверняка он бы где-то учился, с кем-нибудь дружил, хотя бы со своими братьями и сестрами — ему показалось, что дети Фейда и Раббана друг с другом в очень хороших отношениях, да и сам барон и его старший брат помогают друг другу во всем. Есть ли на Гайди Прайме школа или колледж? Хотелось бы ему каждый день вставать, собирать сумку и идти на занятия в класс или аудиторию, где за партами сидит много других учеников и можно с кем-то перекинуться словом, а не слушать противные наставления дворцовых учителей.

Как того и следовало ожидать, со сводными братьями и сестрами, которые, к счастью, на деле оказались ему совершенно чужими людьми, у Эттана сложились не очень хорошие отношения — и это еще мягко говоря. Если Джун и Фондиль просто не замечали сына Йире, как не замечают какой-нибудь привычный предмет обихода, то Ана находила хорошим и остроумным время от времени сказать ему пару гадостей, но хуже всех обращался с ним папочкин любимчик Эленар. Старший из внебрачных сыновей Ашиара Коррино с раннего детства был донельзя избалован, и родители потакали всем его прихотям. Эттана, несмотря на то, что отец его не любил, все время заставляли прилежно учиться, и если вдруг кто-то из дворцовых педагогов жаловался венценосному папаше на то, что его сын ленится, не выучил урок или не сделал домашнее задание, его ждал грандиозный разнос. Эленар делал уроки и посещал занятия от случая к случаю, прямым текстом заявляя матери с отцом, что совершенно не хочет напрягаться, и все сходило ему с рук.

— Ну как же ты собираешься государством после моей смерти управлять, если пишешь с ошибками! — время от времени восклицал папаша и для виду журил сыночка, но все благополучно возвращалось на круги своя.

— Ну что поделаешь, он же не хочет, — вторила сожителю Сиона.

Как и все нормальные юноши его возраста, Эттан порой засматривался на девушек, но пока что еще не успел приобрести никакого опыта даже в романтических отношениях, не говоря уже о чем-то более интимном: ему было просто негде с кем-нибудь познакомиться, пообщаться и погулять, поскольку стен дворца он не покидал, а слуги Ашиара зорко отслеживали каждый его шаг. Эленар же, напротив, уже успел приобрести разнообразный сексуальный опыт в злочных местах Кайтэйна, переспать с целой кучей случайных любовниц, а также переболеть гонореей и некоторыми другими венерическими заболеваниями. Папаша с мамашей не только не возмущались, но и хвалили отпрыска за то, что он настоящий мужчина; в этом плане они недалеко ушли от

прежних герцогов Дома Атрейдес, считавших разврат с простолюдинками показателем доблести сыновей.

Как-то раз с Эленаром произошел совершенно вопиющий случай. С раннего подросткового возраста он любил слегка заложить за воротник; родители опять же делали вид, что ничего не происходит. Сынок Ашиара напился вина и пошел гулять в рощу, которая находилась недалеко от дворца, в надежде поймать в кустах какую-нибудь зазевавшуюся горожанку. Там он развел костер и сел рядом, но в этот миг на свою беду мимо топал ежик. Пьяному юнцу внезапно захотелось есть, и ему взбрело в голову, что животное сгодится на шашлык. Вытащив из чехла охотничий нож, который всегда носил с собой, он поймал ежа и распорол ему живот; это оказалась беременная ежиха. Вытащив из нее нерожденных ежат, он подобрал в кустах палку, насадил их на нее по размеру — от самого большого до самого маленького, поджарил и съел, запив остатками вина. Посланные отцом на поиски отпрыска сардукары застали его за тем, что он доедал последнего ежонка, намереваясь затем сделать шашлык также из его мамы. Другой родитель на месте Ашиара устроил бы живодеру хорошую порку, но венценосный папаша лишь посмеялся, по всей видимости, он счел выходку своего сына милой детской шалостью и был рад тому, что с его ненаглядной деточкой не случилось ничего плохого.

Эттана Эленар презирал и ненавидел. Поначалу, когда они были маленькими, он наравне с сестрицей Анной оскорблял сводного брата на все лады, но потом, когда наследник престола стал взрослым парнем и научился обращаться с оружием, дело дошло уже до откровенных угроз.

— Я тут спросил у папы разрешения, можно ли прострелить тебе башку, — сказал как-то раз Эленар, — или сделать с тобой еще что-нибудь этакое, предположим, облить горючим и сжечь на заднем дворе, но он почему-то не позволил. Впрочем, я не расстроился, это дело поправимое. Как известно, «нельзя» бывает только для тех, кто спрашивает. В следующий раз я просто не стану никого спрашивать, замочу тебя и все. С трупом же что делать... ладно, придумаю.

Эттан был далеко не глуп и прекрасно оценил ситуацию. Падишах-император, безусловно, его не любил, но в то же самое время не представлял для него никакой угрозы: если бы его сын от законной жены вдруг погиб при невыясненных обстоятельствах, дело кончилось бы крупным скандалом, многие Великие Дома, втайне ненавидящие Коррино, потребовали бы независимого расследования, а кому нужны лишние проблемы? Однако его сводный брат Эленар был совершенно обделен хоть какой-то способностью здраво рассуждать. Поэтому он вполне мог прикончить ненавистного родственника, совершенно не думая о последствиях.

В связи с этим Эттан начал время от времени подумывать о том, чтобы, дождавшись удобного момента, потихоньку сбежать из дворца и, изменив внешность, затеряться где-нибудь на отдаленной планете у самого края галактики, но его останавливали две вещи: во-первых, избавиться от постоянного надзора отца и его приспешников было крайне трудно, потому что в последнее время падишах-император впал в совершеннейшую паранойю и даже ходил по большой нужде в уборную только в сопровождении элитного отряда сардукаров, которые стояли вокруг с автоматами наготове, пока его высочество справлял свои естественные потребности. Второе было связано с матерью и

невозможностью ее убедить в том, что им обоим нужно спастись бегством, и чем скорее, тем лучше — впрочем, ее доводы тоже были вполне убедительны и разумны, и у нее были свои причины на то, чтобы остаться на Кайтэйне.

— Эттан, подумай сам, — говорила она сыну, — я прекрасно понимаю твоё желание сбежать куда подальше, более того, будь на то исключительно моя воля, я бы не задержалась на этой мерзкой планете дольше минуты, для меня пребывание здесь просто смерти подобно, я при жизни нахожусь в крошечном аду. Однако попробуй представить себе, как именно мы будем осуществлять наш замысел на деле. Падишах-император приказал зорко следить за тобой, но почему-то не за мной. Я бы теоретически смогла ускользнуть из дворца... хорошо, допустим, ты бы тоже нашел способ. Нас бы сразу начали искать. Впрочем, дело даже не в этом. Предположим, что мы с тобой перекрасим волосы, наложим грим, оденемся так, что нас никто не узнает, и уедем. Ты думаешь, император на этом успокоится? Это мой соотечественник на его месте бы успокоился, понял, что его не хотят видеть, и отстал от нас раз и навсегда. Этот же будет искать нас везде, а если не найдет, угадай, что он сделает?

— Не знаю, — пожал плечами юноша.

— Он сорвет зло на ком-нибудь другом. Такие люди не способны оставить все как есть. Он считает меня своей собственностью, а вещам не позволено иметь свое мнение и проявлять характер. Вещь вышла из подчинения? Значит, ее нужно как следует проучить, и если нет возможности наказать ее саму, отыграться нужно на тех, кто ей дорог. Его первой целью станет моя родина, а среди тех, с кем он постарается разделаться — твой настоящий отец. Я не могу этого допустить. Во-первых, я его до сих пор люблю и не хочу, чтобы с ним случилось что-то плохое. Во-вторых, моя отдельная жизнь ничего не значит в сравнении с миллионами других, которые могут прерваться по причине моей оплошности.

— Падишах-император знает, кто он? — спросил Эттан, думая о своем возможном отце.

— Нет. Кто конкретно — не знает, но догадывается. Однако пока мы здесь — он все же в безопасности.

Йире была крайне терпеливой женщиной, ради блага и спокойствия тех, кто был ей дорог, она вполне могла поступиться собственными интересами. Однако и ее терпению был предел. Если раньше ее муж по большей части старался не замечать нелюбимую жену, и она целыми днями сидела одна в своих покоях, то после начала войны за Арракис стал придираться буквально ко всему, и положение становилось с каждым днем все хуже и хуже. До императора доходили вести о том, что Дом Атрейдесов находится в крайне бедственном положении, и он, зная о том, что Атрейдесы, в отличие от Ордосов и Харконненов, поддерживают его власть и лояльны по отношению к нынешнему главе государства, решил помочь своим дальним родичам. Он отдал своему ментату приказ тайно перевести на счет герцога Ахиллуса весьма приличную сумму, надеясь, что те смогут потратить ее на новейшие военные разработки и подготовку солдат, но это не особенно пошло на пользу злосчастным неудачникам: во-первых, время было упущено, во-вторых, деревенские новобранцы, не умеющие читать и писать, не шли ни в какое сравнение с профессиональными армиями их врагов, а обучение людей военному делу

заняло бы не один месяц, если вообще не годы.

Ментат доложил обстановку своему повелителю, и тот пришел в бешенство. Однако вместо того, чтобы как следует подумать и изменить свою политику, он начал срывать злобу на тех, кто был от него зависим — как-то раз досталось даже командиру сардукаров, которого Ашиар Коррино избил грязным ершиком для унитаза за то, что он во время сидения падишаха-императора на стульчаке посмел заговорить на посторонние темы с товарищем вместо того, чтобы охранять монаршую особу от возможных покушений вражеских диверсантов. Другой человек за такое поплатился бы жизнью и сардукар, скорее всего, свернул бы ему шею прямо на месте, но падишах-император был неприкосновенной персоной, поэтому он лишь дождался конца смены, принял душ и отдал форму в химчистку. Эттан со страхом наблюдал за тем, как ссоры между матерью и ее мужем становились все более частыми, и если поначалу Йире, помня о том, что может случиться, пыталась сглаживать острые углы, то потом стала огрызаться, не глядя даже на то, что полубезумный Коррино несколько раз ее ударил.

— Ну что, возьми и убей меня, — с вызовом сказала она. — Убей, раз я так тебя раздражаю, мне после брака с тобой не страшна даже смерть.

Ашиар с удивительным проворством отшвырнул стул, перевернул стол, схватил жену за косы и хотел было снова ее ударить, но тут произошло нечто совсем уж неожиданное. Она сунула руку в карман своего зеленого шелкового платья, достала оттуда какой-то маленький предмет и швырнула его в лицо мужу. Ошарашенный Коррино поначалу не понял, что случилось, разжал ладонь, наклонился и поднял предмет с ковра; это оказались две половинки обручального кольца Йире.

— Вот что я думаю о нашем браке, — выкрикнула она.

— Как ты это сделала? — не понял Ашиар.

— Перепилила его пополам. Пилкой для металла, — Йире говорила тихо, но было заметно, что она с трудом сдерживает злость. — Я повторю тебе еще раз: я прекрасно понимаю, что совершенно тебе не нужна и брак со мной тебе навязали. Мы могли бы давным-давно развестись и не надоедать друг другу, я уехала бы на другой конец галактики, и ты больше никогда бы ничего обо мне не услышал. Или мы могли бы просто мирно жить в одном дворце как чужие люди, и я бы ни капли не возражала против твоей Сионы. Однако вместо этого ты предпочитаешь изводить меня и себя!

Ошарашенный Ашиар на минуту замолчал, а потом снова принялся обвинять жену в вероятной супружеской измене.

— Докажи, — стиснула зубы Йире. — К тому же, даже если бы это вдруг оказалось правдой, было бы кому изменять. Мы никогда не жили вместе как муж и жена, и никакого брака, кроме как на бумаге, у нас по сути и не было!

— Ну ладно, — угрюмо процедил ее супруг и вышел из комнаты; молодая женщина осталась стоять рядом с перевернутым столом и какое-то время смотрела ему вслед, а потом собрала с пола осколки разбитой вазы и выбросила их в урну. Внезапно ей пришла

в голову мысль избавиться от ненавистного императора, но как бы это сделать? Может, отравить? Все Ордосы были прекрасно сведущи в химии и ядах, и Йире вполне могла бы придумать, что подсыпать в чай благоверному, но эту идею она сразу отбросила: все кушанья и напитки, которые подавали к столу венценосному параноику, тщательно проверялись. Может, просто улучшить удобный момент и его убить? Хотя бы той же пилкой для металла? Проклятье, надо было тогда слушать Гансенга, хватать сына и бежать с ним к Харконненам, ведь все равно ее терпение и попытки изображать хорошую мину при плохой игре не привели ни к чему хорошему!

Она задумалась. Ладно, время покажет, надо и в самом деле дождаться удобного момента, и если ничего больше не останется...

*

Поняв, что до отца не докричатся, Кассандра Атрейдес оставила всякие попытки его переубедить и тихо сидела в отведенной ей комнате, пытаясь хоть как-то скоротать время за чтением и рукоделием. Время от времени она слышала грохот выстрелов, и это ее пугало: она все отдала бы за то, чтобы вновь оказаться на безопасном Каладане под присмотром слуг и воспитателей. Если бы не началась эта проклятая эпидемия, если бы школу не закрыли, если бы мама была жива и здорова!

Как-то раз на рассвете ее, равно как и бывшего садовника Тоньо, и других солдат и офицеров, разбудил вой сирены. Кассандра резко вскочила на своей койке, вжалась спиной в стену, закутавшись в одеяло — несмотря на то, что в комнате было довольно тепло, от страха ее знобило. Неужели снова будет бой? Одна мысль об этом повергала несчастную девушку в панический ужас: что делать, если шальной выстрел оборвет жизнь ее отца?

В отличие от своих сверстниц с Гайди Прайма, юная госпожа Атрейдес была совершенно неприспособленной к жизни; родители молодых Харконненов наверняка сочли бы ее инфантильной, пусть и далеко не глупой. Кассандра прекрасно училась, неплохо соображала, но строгие порядки вынуждали ее во всем слушаться строгого отца; она ни разу в жизни не ходила в магазин за продуктами, не знала, сколько стоит хлеб, не умела обращаться с оружием и водить хоть какой-то транспорт — в школе на уроках домоводства ее учили только декоративному рукоделию типа кружевоплетения и вышивки, Кассандра не знала, как приготовить простейшие блюда, например, сварить макароны или бульон, поджарить яичницу, поскольку приличной девушке не следовало появляться на кухне, это считалось обязанностью слуг. Самое ужасное заключалось в том, что Кассандра была отнюдь не дурой, и это усугубляло ее переживания. Будь на ее месте девушка менее умная и сообразительная, она просто жила бы, как живется и как велит отец — сначала школа, потом папа выдаст замуж, надо слушаться родителей, а что он куда-то там повез, так можно просто посидеть и помечтать, ничего плохого не случится, с кем угодно, только не с ней, папа лучше знает. Однако дочь генерала Тириса отлично понимала, что война есть война, убить могут кого угодно, а у нее нет никого, кроме отца, если же с ним вдруг что-то случится, она останется совершенно одна на всем белом свете и не будет знать, что делать. Откуда брать деньги, как вернуться домой, доучиться в школе, где найти себе подходящего мужа, кого просить о помощи, как жить дальше? Золотая клетка сыграла с ней злую шутку, и теперь Кассандра ощущала себя

животным, загнанным в ловушку. Что будет, если ее худшие опасения сбудутся и отца в самом деле убьют?

Где-то далеко раздался грохот выстрела из какого-то тяжелого орудия. Кассандра зажмурилась изо всех сил, словно это могло защитить ее от жестокой реальности, потом снова открыла глаза, зажгла лампу, собравшись с духом, встала с кровати, на всякий случай натянула на себя одежду. Может быть, сейчас ей придется бежать, а она на незнакомой планете, не знает ничего ни о ее климате, ни о географии, ни о чем вообще, она не умеет стрелять, управлять орнитоптером или что там еще есть из транспорта! Оставалось лишь надеяться, что все обойдется и что отец выберется живым из этой передраги.

18. Разгром

Старшие сыновья барона Харконнена Ксенар и Норэт были очень дружны между собой — у них было меньше года разницы в возрасте, многому в детстве они учились одновременно, более того, с малолетства барон Фейд объяснял своему первенцу, что у его брата большое сердце, поэтому Ксенар должен ему помогать и его поддерживать. Тот был по характеру довольно добрым и отзывчивым ребенком, и в том, что касалось своих, во всем следовал наставлениям родителей, которые учили его относиться к близким подобающим образом.

— Помни о том, что у тебя есть братья и сестры, — говорил сыну Фейд Раута Харконнен, — после меня, мамы и дяди с теткой это самые близкие тебе люди. Вот умрем мы с твоей мамой, да и дядя Раббан с тетей Ирулэн не вечны, на кого вы рассчитывать сможете, к кому за помощью обратиться? Только друг к другу.

Сыновья барона выросли, окончили школу и институт, и с годами их дружба стала еще крепче. В действующую армию Норэта, к сожалению, не взяли вследствие его болезни, однако из него вышел прекрасный инженер. Голова у него была светлая, кроме того, он, в отличие от своего старшего брата Ксенара, умел придумывать всякие заковыристые идеи — даже его родители время от времени шутили, что их второму сыну надо было родиться Ордосом, а не Харконненом.

Вечером перед наступлением на базу Атрейдесов и войска Ордосов, которое задумал Раднор, Норэт решил связаться со своим братом — пожелать воюющим родственникам удачи в бою и заодно обсудить одну важную вещь.

— Знаешь, Ксенар, у меня тут мысль одна возникла, — сказал ему младший брат, — как нейтрализовать уебище Коррино. Во-первых, Раднор с Джостеном Криуби еще во время переговоров на Кайтэйне взломали их базу данных, и теперь у меня есть полный план дворца Ашиара со всеми ловушками, закоулками и так далее.

— Взорвать его хочешь? — заинтересованно спросил на-барон.

— Нет, я кое-что повеселее придумал, — ответил Норэт. — Взорвать его не получится, я об этом, конечно же, тоже думал, но там такая планировка и к тому же, как я тебе говорил, ловушки во всех местах, в том числе и с детонаторами, что этот дворец можно уничтожить либо вместе с собой, а я не самоубийца и пока еще не спятил, либо только частично, а в этом смысла просто нет.

— А смысл тогда? — не понял Ксенар.

— Так, ты вообще в курсе дела?

— Давай отсюда подробнее. Я тут был немного занят, поэтому сейчас не совсем въезжаю в то, что ты говоришь.

— Да я о весьма далеко идущих планах Коррино, — объяснил Норэт. — Решили мы тут на днях с Алистером из разведки после работы пересечься, ну, в кафешку сходили,

поболтали, пожрали, чайку попили. Так он мне очень интересные вещи рассказал. Его ребятки перехватили некоторые переговоры шакала, и сильно нам это не понравилось, потому что намерения у этого хуесоса ну очень нехорошие.

— Братишка, давай-ка короче, это у тебя там время есть, а меня в любую минуту могут в бой отправить, — поторопил его Ксенар.

— Так вот, короче, — продолжил его брат. — Коррино, может, и шакал, но не идиот. Он прекрасно понял, что народ его не любит, и решил укрепить свою власть, сделав ставку на Дурдом Атрейдесов. Однако в ходе войны он прекрасно понял, что его дальние родственники довольно слабы, и надежды на победу у них мало. Поначалу, как ты понимаешь, он решил, что Атрейдесы смогут одержать верх, он разделается их руками с нами и Ордосами, а потом будет править долго и счастливо, но его ожидания не оправдались. Он попытался поддержать Атрейдесов деньгами, но им и это не помогло — армия у них, как ты сам наверняка заметил, очень слабая и непрофессиональная, состоит из одних новобранцев, не знающих ни букв, ни цифр, техника старая и дрянная, и никакие субсидии им не помогут, потому что Хуиллус туп как пень и ни хрена не смыслит в экономике даже на уровне ученика средней школы. Коррино все понял. Он решил действовать иначе и посмотреть, кто одержит верх в этой войне — мы или Ордосы. Когда определится окончательный победитель, он думает поначалу дожидаться, пока тот разделается с врагом на Арракисе и добьет на его родной планете, а потом напасть уже на него.

— Так, это хуево, — нахмурился на-барон. — Есть идеи?

— Ясен пень, на то мы и сыновья барона Харконнена, чтобы не сидеть сложа руки. К величайшему сожалению, я не знаю ничего о планах Дома Ордосов и обстановке на Сигме Драконис, поскольку даже если нам и удастся перехватить их переговоры, мы не понимаем их языка, но это не столь критично. У меня есть план относительно гребаного Коррино: пусть он мудака и хуйло, но у него имеется и одна слабость — он очень любит своих деток от каладанской образины. Я предлагаю тебе как-нибудь, как у тебя будет отгул, тайком смотаться на Кайтэйн, я тебе уже говорил, что планы дворца у меня есть.

— А Гансенг там вообще по всяким закоулкам лазил, я при случае расспрошу его и Раднора о том, что и как, — добавил Ксенар. — Думаю, я тебя понял.

— Мы с тобой всегда друг друга отлично понимали, — поддержал его Норэт, — в общем, план такой: просачиваемся во дворец шакала, берем в заложники кого-то из его высерков и сваливаем. Как ты сам своей башкой понимаешь, просрать войну Ордосам мы не можем просто по определению. Делаем логический вывод: как только мы навешаем опарышам, так сразу станем целью Коррино и его сардукаров. Усек?

— Усек. Отбиться-то от них мы отобьемся, да только проблемы нам на хуй не сдались. Молодец, Норэт, хорошо у тебя голова работает.

— А так мы возьмем в заложники шакальевого выблядка, — продолжал второй сын барона, — и пусть попробует сунуться на Гайди Прайм, он не просто пизды получит, а мы еще и его отродью сраному все полезные органы отчекрыжим и пустим его труп на

удобрения. Короче, желаю тебе удачи в бою, вломи Атрейдесам по полной, а потом, как Раднор тебе отгул даст, так и рванем на Кайтэйн.

— Круто придумал, — восхитился на-барон замыслом брата.

*

Дом Ордосов, как правильно подметил Раднор, остался верен своей обычной тактике — сначала как следует измотать врага, а потом перейти в решительное наступление. Однажды утром Тоньо в очередной раз проснулся от воя сирены; он быстро оделся и схватил оружие, но не ожидал того, что противник выдвинул против них уже не маленькую группу налетчиков, а весьма большой отряд, если не сказать вообще — целое войско. Почти сразу же раздались выстрелы и оглушительные взрывы: прочная, как утверждал генерал Тирис, стена, которую многократно укрепляли и ремонтировали его солдаты, оказалась отнюдь не такой прочной. Вскоре ордосским танкам удалось пробить в ней дыру, и база их врагов попала под ураганный обстрел. Боевые машины типа «Кобра» стреляли тяжелыми разрывными снарядами, весящими более полутонны, которые с легкостью проламывали двухметровые стальные и железобетонные перекрытия, оставляя огромные воронки диаметром в четыре человеческих роста, а то и больше. Потом сирена взвыла еще раз — это была уже воздушная тревога; Тоньо, обернувшись, успел увидеть взлетающие орнитоптеры, а потом с неба на солдат Дома Атрейдесов и их базу посыпались горящие обломки — юноша едва успел отбежать к укрытию, а те из его собратьев, кто оказался не столь шустрыми, попали под этот жуткий дождь из огня и металла.

— Проклятые Ордосы верны себе, — сержант рядом с ним тихо выругался. — Наш радар засек вроде бы как тоже орнитоптеры, а это оказались замаскированные воздушные мины. Они обнаруживают наши летательные аппараты, выпускают залп самонаводящихся ракет, а потом взрываются сами!

Юноша кивнул, стараясь не смотреть в ту сторону, где по песку с жуткими воплями катались несколько его товарищей — их не убило сразу падающими обломками или осколками, но на их тела попала какая-то горячая расплавленная дрянь, а никто из санитаров или сослуживцев не мог выйти к ним под шквальным огнем противника: теперь к «Кобрам» прибавились еще АРСы и лазерные танки.

— Знаешь, если живым вернусь, — произнес сержант, — больше никогда не буду жену обижать. Она у меня вообще-то хозяйка хорошая, не вздорная, но одних девок рождает. Хочу сына, а тут этих пять штук, куда их потом девать — парням работу найти тяжело, а этих так вообще ни к какому делу не пристроишь, только замуж, но и это сложно — у нас семья небогатая. Я уж и ругал свою, и даже денег выделил один раз, чтобы к врачу сходила и он дал какой-нибудь совет, как там нам сына родить, мы сейчас шестого ждем — я ее побить грозился, если снова не парень. Сейчас вот думаю... оно и лучше, если девка. Ее хотя бы в армию не заберут и не будет она тут в песках от страха трястись, убьют или нет.

Если бы его слова услышал какой-нибудь рядовой солдат Харконненов или Ордосов, то только посмеялся бы над такой вопиющей безграмотностью — ведь ни родители

ребенка, ни врачи не могут оказать никакого сознательного влияния на пол зачатого младенца, но на Каладане с образованием дела обстояли настолько плохо, что сержант даже не понимал, почему поступает неправильно. Его собеседник снова кивнул, не говоря ни слова и с большим трудом подавляя дрожь. Война и без того была для неграмотного мальчишки из деревни, каковым был Тоньо Кари, очень серьезным испытанием — он не имел никакого понятия о том, с чем столкнулся: в школе он не учился ни одного дня, букв и цифр не знал и не мог даже нацарапать свое имя или написать несложное письмо матери домой, не говоря уже о чем-то большем, и тем паче не понимал, как эффективно применять оружие против вражеской техники и живой силы, а тут вообще растерялся и едва не потерял сознание от страха. Это было отнюдь не удивительно: все кругом было окутано черным дымом, земля дрожала, от взрывов летели вверх огромные столбы песка, затмевающие солнце; из-за этого солдатам Атрейдесов казалось, будто они сражаются в сумерках. На какое-то время Ордосы прекратили стрельбу; в этот момент генерал Тирис попробовал организовать контрнаступление, но те, по всей видимости, перезарядили орудия, подогнали свежие силы и снова пошли в атаку. Тоньо потерял из виду своих и, крепко вцепившись обеими руками в свое оружие, начал стрелять куда-то вперед: против оснащенных мощнейшей броней «Кобр» его ружье, конечно, было совершенно бесполезно, но он мог убить кого-нибудь из вражеских солдат — впрочем, он все равно не видел, в кого попадает и попадает ли вообще. На мгновение он остановился, вытер пот со лба, чтобы не затекал ему в защитные очки, и внезапно вспомнил о Кассандре: а ведь она тут, на базе, как раз в гуще боя. Что ж, у него есть возможность ее защитить... конечно, он далеко не самый меткий стрелок, да и оружие у него так себе, однако одним врагом меньше — уже что-то!

Генерал Тирис был довольно-таки наивным человеком и придавал большое значение боевому духу солдат, при этом совершенно не заботясь о хорошем оснащении и вооружении. Во время совещаний он не уставал повторять своим подчиненным, что армия Ордосов начисто лишена всякого понятия о бескорыстии и патриотизме и представляет собой сборище наемников (так он именовал людей, которые служили в регулярных войсках по контракту и получали за свой труд приличную зарплату и иные вознаграждения в виде служебного жилья, которое полностью переходило в их собственность после выслуги определенного количества лет или в собственность его родных, если солдат-контрактник погибал на фронте), которое будет очень легко разбить высоконравственным Атрейдесам. Однако он, во-первых, сильно ошибался в отношении своих врагов, во-вторых, не принимал во внимание того, что на одной нравственности далеко не уедешь — даже самый безнравственный наемник с огнеметом или пушкой с отравляющим газом, получивший хорошее образование и прошедший соответствующую подготовку, при любом раскладе будет сильнее высоконравственного новобранца, не умеющего читать и писать и вооруженного ружьем устаревшей модели.

Его враги Ордосы были, вопреки ожиданиям генерала Тириса, отнюдь не так просты и сражались вовсе не за одни только деньги. Безусловно, хорошие условия контрактов помогли Дому Ордосов привлечь в армию множество прекрасных профессионалов — выпускников военных училищ вузов и офицерских курсов, которые были заинтересованы в материальном вознаграждении за свой доблестный труд на благо родины, однако при этом Ордосы отлично понимали, что от их правильных и хорошо продуманных действий на поле боя может зависеть выживание их Дома в целом. Руководство Ордосов не собиралось просто так отсиживаться на командном пункте: Аэрнейл, например, с ранней

юности превосходно умел обращаться с минометом и отправился сражаться вместе со своими солдатами, подавая им пример и повышая боевой дух армии на деле, а не только на словах.

Тоньо крепко вцепился в свое оружие и, не глядя, стрелял куда-то вперед; от непрерывного грохота своих и чужих пушек и постоянно рвущихся вокруг ордосских мин и снарядов ему казалось, что к концу этого дня он непременно оглохнет — если, конечно, вообще останется в живых. В тучах песка, от которого его, к счастью, хоть немного спасали защитные очки, юноша все же мог различить технику и солдат Атрейдесов: вся надежда была на танки модели «Минотавр» с мощной броней — Тоньо точно знал, что в одном из таких сейчас находится сам генерал Тирис — и акустические танки, которые могли отбить вражескую атаку, но даже ему, простому неграмотному пареньку, было понятно, что наступающее войско Ордосов значительно превосходит своей численностью защитников базы Атрейдесов. Ко всему прочему враги действовали быстро и эффективно, а стреляли очень метко, и то один, то другой танк превращался на глазах у юноши в груды дымящегося искореженного металла.

Его товарищ по военной службе, лейтенант Таннан, с которым у Тоньо сложились довольно неплохие отношения, был хорошим снайпером и во время нападения Ордосов сразу занял место на крыше командного пункта. Он вел прицельную стрельбу по врагам, стоило кому-либо из них вылезти из люка боевой машины или выйти вперед, как пуля лейтенанта тут же находила противника. Однако какой-то ордосский минометчик, спрятавшись на некоторое время за одной из близлежащих скал и перезарядив оружие, выстрелил прямой наводкой по неприятельскому зданию, и Тоньо успел, повернув голову на грохот, увидеть, как в небо вместе с обломками камня и металла взлетела человеческая фигура, похожая на жалкую тряпичную куклу, отброшенную в сторону наигравшимся ребенком. В этот момент что-то ударило его самого в середину груди — юноша подумал, что это, наверное, просто камень, но тут почувствовал, что не может дышать и держать равновесие, а цвета окружающего мира в его глазах резко изменились. Если бы он знал о том, как делают пленочные фотографии, то у него сразу возникли бы ассоциации с негативом, но тут он лишь успел удивиться тому, почему на небе не ярко-белое, как обычно, а черное солнце. Выронив ружье и пощупав слабеющей рукой внезапно намокшую форму, он понял, что ранен, и, кажется, очень серьезно... последними людьми, о которых он успел подумать в своей не слишком счастливой короткой жизни, были мама — теперь ей оставалось надеяться лишь на себя и младших детей — и Кассандра: только бы генералу удалось ее защитить...

Сам Тирис Атрейдес, из последних сил накрывая противника ответным огнем, уже двести раз успел пожалеть о том, что потащил свою несчастную дочь на Арракис — но ведь он действительно не был своей девочке плохим отцом, он же и в самом деле хотел как лучше, Кассандра же такая юная, неопытная, за ней нужен глаз да глаз, ведь приличной девушке положено до свадьбы находиться под строгим надзором родителей, а потом сразу переходить в дом мужа! Надо было поверить ей на слово и оставить ее с нянюшкой, в конце концов, может, ничего бы и не произошло!

Его дорогая дочка сейчас находилась в хорошо оборудованной и укрепленной комнате командного центра, где она могла бы быть в безопасности, однако теперь минометы, гаубицы и лазерные пушки врагов, прорвавших оборону Дома Атрейдесов и все

увереннее продвигавшихся на территорию базы, стали прямой наводкой бить по всем зданиям противника, включая то место, где была Кассандра. Допустить ее гибели генерал Тирис никак не мог — после смерти жены и Электры она оставалась единственным близким и по-настоящему дорогим ему человеком, о котором он заботился, забывая о себе, и ради которого он был готов на все. Развернув «Минотавра» в сторону вражеских боевых машин, рвущихся к командному центру, он дал по ним мощный залп из всех четырех пушек, но те в свою очередь, пусть и потеряв несколько своих танков, молниеносно накрыли неприятеля в буквальном смысле сплошным огнем — Тирис и его команда в силу медлительности своей машины по сравнению с быстроходными ордосскими просто не смогли вовремя среагировать и увести ее с линии обстрела. В следующее мгновение главнокомандующий Атрейдесов уже не думал ни о родной зеленой планете, ни о единственной дочери, ни о вверенной ему армии, потому что против такой массивной атаки оказалась бессильна даже мощная броня «Минотавра»: его обгоревшее, изрешеченное осколками тело навеки осталось в металлической могиле, которую постепенно занесло песком вместе с другими подбитыми машинами и телами погибших на поле сражения.

*

Стремительная атака и военные успехи Дома Ордосов, как того и следовало ожидать, не остались незамеченными. Раднор быстро собрал своих подручных и еще раз обрисовал им свою задумку: под конец сражения, когда Атрейдесы будут уже близки к разгрому, напасть в свою очередь и на их базу, и на Ордосов и устроить всем кровавую баню.

— Значит, так, господа, — подвел итоги срочного совещания Раднор. — В полдень атакуем. Кто побежит с поля боя или бросит на произвол судьбы раненого товарища — вон виселица стоит, и щадить никого я не стану.

Он махнул рукой в сторону какой-то громоздкой железной постройки. Приглядевшись, солдаты заметили, что это действительно виселица, на которой к тому же болтаются два высохших на солнце трупа, наполовину съеденные стервятниками.

— Вот эти ребята, — пояснил главнокомандующий, — решили, что можно пользоваться всеми благами службы в армии и получать за нее деньги, но при этом ничего не делать, например, я дал одному из них приказ отправить в разведку беспилотник, а он забыл. Лучше бы он голову дома забыл, идиот. Теперь вон там и болтается.

— Вас поняли, командир, — дружно ответили Харконнены.

— А раз поняли, то вперед и с песней, — приказал Раднор. — Всем разойтись по своим машинам и подразделениям, по моей команде — в атаку.

19. Совсем одна

Когда началась стрельба, в здании, где находилась Кассандра, в какой-то момент погас свет и с потолка посыпалась штукатурка. Девушка поняла, что дело плохо, и решила на время обстрела спрятаться под кровать — так, по крайней мере, будет хоть немного безопаснее. Она не ошиблась, потому что буквально через несколько минут на то место, где она сидела до этого, рухнул здоровенный обломок, который однозначно бы ее убил. Долгое время она лежала под кроватью, не шевелясь, и с трепетом ожидала того момента, когда выстрелы наконец стихнут. Если бы отец все-таки хоть немного думал наперед и оставил ей какое-нибудь оружие, заодно научив им пользоваться! Так нет, она же девушка, ей не подобает стрелять из ружья — так себя ведут только вульгарные женщины с Гайди Прайма, да все и знают, какие они! Дрожа от страха, Кассандра проклинала недалёковидность своего родителя — безусловно, ей и самой не хотелось быть неженственной и вульгарной, однако умение стрелять могло бы в случае беды спасти ей жизнь и дало бы возможность защитить себя от какого-нибудь негодяя! А если сюда и в самом деле нагрянут Харконнены, которыми ее пугали с детства? Тогда ей останется только готовиться к самому худшему, ведь она совершенно беспомощна перед ними, а их, в отличие от тех же Ордосов, даже деньгами не заинтересуешь — если те наверняка согласятся принять за нее выкуп, то прислужники барона просто убьют ради забавы, а перед этим... о самом страшном она старалась не думать, потому что для нее в силу воспитания даже смерть представлялась гораздо лучшей перспективой, нежели потеря чести. Из предметов, которые можно было бы использовать для самозащиты, у нее были только спицы и иголки, но пытаться убить ими вражеского штурмовика с автоматом было просто смешно!

Жуткий грохот сотрясал все здание едва ли не вечность, а потом, когда бой снаружи был, казалось, все же окончен, девушка решила не вылезать из своего укрытия, пока за ней не придет сам отец или кто-то из его доверенных лиц. Время шло, а никто все-таки не приходил; запертая дверь, ранее казавшаяся крепкой, как успела заметить лежащая на полу Кассандра, теперь держалась едва ли не на честном слове. Она сразу подумала, что дело плохо: неужели отец погиб в бою и Атрейдесы потерпели поражение? Однако она все же не решилась не то что выбраться из комнаты, но даже и вылезти из-под кровати, чтобы осмотреться: что, если на базе враги, и это окажутся не относительно безобидные, пусть и крайне корыстолюбивые, Ордосы, а кровожадные Харконнены, которые убьют ее, не моргнув и глазом? К сожалению или к счастью, но Кассандра была, в отличие от многих своих сверстниц из благородных семей, отнюдь не глупа, и если другая девушка, подумав о возможной смерти отца, начала бы плакать, она в тот момент испытывала странное смешанное чувство — помимо страха и печали, дочь генерала ощутила досаду и злость. Отец бросил ее в этом мире совершенно одну, не научив хоть как-то заботиться о себе, и даже если она вылезет из своего укрытия и найдет на базе ружье, транспорт и дистикомб, то все равно не сможет воспользоваться хоть чем-нибудь из этих полезных предметов: стрелять она не умеет, заряжать оружие тоже, управлять орнитоптером тем более, кроме того, вообще не имеет понятия даже о том, как подать сигнал бедствия! Ну, наденет она защитный костюм и попробует добраться до ближайшего поселения фрименов... и наверняка ее отчаянная попытка закончится весьма печально! Вульгарная девушка из Дома Харконненов, которая не только ругается матом, но и знает, с какого конца хвататься за винтовку и как завести ганшип, на ее месте была бы куда в более выгодном положении, а отец думал только о том, как

соблюсти нормы приличия, но уж никак не о том, что его любимая единственная дочка может вляпаться в большие неприятности!

Решив, что при любом раскладе ее все равно ожидает верная смерть, если только на базу не прибудет спасательная команда, девушка подумала, что хуже уже не будет, вылезла из-под кровати и отряхнулась, про себя подумав, как нелепо выглядит в платье с длинной юбкой в зоне военных действий. Входная дверь была вся покорежена и наверняка слетела бы с петель от одного несильного удара, и Кассандра стала примеряться, как и чем лучше по ней стукнуть, чтобы выйти из комнаты, но тут из коридора до нее донеслись голоса на незнакомом языке, и кто-то решительно выбил дверь снаружи. Девушка еще успела подумать, что лучше было бы все-таки не вылезать из-под кровати, но, увидев, что вошедшие одеты в зеленые мундиры, прикинула, что все не так плохо и можно будет попробовать договориться.

— Кто вы? — удивленно спросил ее на галахском один из них, видимо, старший по званию. — Мы думали, что после налета Харконненов на этой базе не осталось живых.

Кассандре показалось, что она все-таки легко отделалась: Ордос пока что не пытался хвататься за оружие или ей угрожать. Денег у ее, видимо, все же покойного отца было не так много, но надо будет постараться от него откупиться.

— Кассандра Атрейдес, — ответила она. — Я дочь генерала Тириса Атрейдеса и родственница герцога. Давайте с вами договоримся: вы отправите меня домой на Каладан, а я могу предложить вам взамен... ну, скажем, какое-то материальное вознаграждение.

Ордос слегка усмехнулся; сейчас девушка, справившись с первоначальным приступом страха, смогла рассмотреть врагов получше и заметила, что форма у них, несмотря на войну, прямо-таки в идеальном состоянии, можно сказать, даже парадная, и все носят золотые и серебряные украшения, словно пришли не на неприятельскую базу, а на званый прием: ей даже стало немного стыдно за свое рваное пыльное платье.

— И что же вы можете мне предложить... чего у меня нет?

— Деньги... у меня еще усадьба есть, — растерялась Кассандра.

— Что вы вообще здесь делаете, вы, как я понимаю, не являетесь военнообязанной?

— он слегка пригладил свои огненно-рыжие волосы.

— Отец велел мне ехать с ним, он боялся оставлять меня одну на Каладане, — объяснила она, даже не зная, к чему готовиться; она рассчитывала на то, что Ордос быстро согласится на ее заманчивое предложение, он же непонятно чего хотел — так и не сказал, заинтересовался или нет.

— А сюда тащить не побоялся.

— Я сожалею, но ваш отец погиб, — вступил в беседу другой Ордос со светлыми волосами, — никто из ваших не уцелел. Мы сами вчера едва ноги унесли. Сначала мы

напали на вашу базу и были близки к победе, когда внезапно попали под перекрестный огонь Харконненов, которые неизвестным образом пошли в наступление сразу с нескольких направлений, и были вынуждены отступить, понеся огромные потери. После того, как они покинули зону нападения, наш главнокомандующий дал нам приказ обыскать вашу базу с целью обнаружения ценной информации, которая может здесь находиться, и мы вернулись сюда.

— Только вместо информации мы обнаружили вас, — в голосе рыжеволосого Кассандре почудилось легкое недовольство. — Все носители данных оказались уничтожены при взрывах, Харконнены не пожалели боеприпасов. Да, ну и отец у вас... я еще могу понять — на Гайди Прайме женщины служат в армии и работают на соответствующих должностях в тылу, но вы, как я смотрю, даже не в форме.

— От нее мы вряд ли что-то узнаем, — зашептал рыжему Ордосу кто-то из его подчиненных сзади, — сомневаюсь, чтобы герцог посвящал ее в свои планы...

— Согласен, Эарен, — ответил тот, — с точки зрения их Дома всякие военные дела совершенно не касаются женщин. Ладно, я сам сегодня пойду к генералу Аэрнейлу с докладом, жаль, конечно, что у нас ничего не вышло.

— А с ней что будем делать? — поинтересовался светловолосый.

— Зажарим и съедим, — отшутился тот. — А если серьезно, у вас... Кассандра, если я правильно запомнил — есть какие-нибудь родственники, с которыми вы можете связаться? Мне вы, честно говоря, совершенно не нужны, равно как и усадьба на вашей планете, денег у вас, если судить по экономической ситуации на Каладане, не особенно много, более того, я в принципе не имею желания принимать участие в вашей судьбе. Мне жаль, конечно, что вы попали в неприятности, но у меня предостаточно своих дел, и мне недосуг заниматься вашими.

Кассандра похолодела. Неужели он так вот возьмет и бросит ее здесь? Хотя с Ордоса это вполне станется, недаром ее отец всегда характеризовал их как бесчестных людей без эмоций. Уж лучше бы, наверное, она напоролась на Харконненов, так хоть умерла бы относительно быстро — по сравнению с медленной смертью от голода и жажды в песках даже перспектива быть изнасилованной и убитой подручными барона казалась не такой уж кошмарной.

— Да, у меня есть родственники, — решительно ответила она, стараясь не показать врагу бушевающих ее чувств, — вы можете предоставить мне какое-нибудь средство связи? Если вас беспокоят материальные вопросы, я верну вам деньги, как только прилечу домой... — она вспомнила, как один из подчиненных отца как-то раз говорил при ней о высоких тарифах на переговоры, и подумала, что корыстолюбивые Ордосы вполне могут быть озабочены именно этим вопросом. — Давайте попробуем договориться. Вы хоть чем-нибудь поможете мне, а я в ответ обещаю вас как следует отблагодарить. Естественно, купюрами, а не просто на словах, я понимаю, что на простое «спасибо» ничего не купишь.

Рыжеволосый Ордос и его спутники смотрели на Кассандру с абсолютно бесстрастным

видом — так люди обычно разглядывают, наверное, картину или статую, а не живого человека, и она даже удивилась: с детства все вокруг ей внушали, что она очень красива и все мужчины непременно будут испытывать сильное вожделение при одном ее виде, поэтому ей ни в коем случае не стоит оставаться с ними наедине во избежание беды. Этим же она, казалось, была совершенно безразлична, с тем же успехом они могли созерцать неодушевленный предмет! Может, хоть обещание денежного вознаграждения заставит эту компанию хотя бы немного встряхнуться?

— Если надо, давайте я вам даже расписку напишу, — еще раз пообещала дочь генерала Тириса. Ей очень хотелось забиться в какой-нибудь угол и вволю поплакать, но усилием воли она заставила себя сохранять спокойствие: сейчас ей нужно выбраться с Арракиса живой и желательной здоровой, а потом еще будет время лить слезы по убитому отцу и носить в течение года положенный траур.

Ордосы переглянулись, потом рыжеволосый о чем-то заговорил с подручными на своем языке, после чего повернулся к ней и кивнул в знак согласия.

— Хорошо, так уж и быть, — нехотя согласился он, — я не обязан с вами возиться, и мне, еще раз повторю, нет до вас совершенно никакого дела. Я предоставлю в ваше распоряжение одно из наших переговорных устройств, надеюсь, вы знаете, как отправлять сообщения. Пусть Атрейдесы пришлют за вами какой-нибудь транспорт, чем скорее вы отсюда исчезнете и не будете мешать всем и воевать, и работать, тем лучше. Не зря говорят, что гражданским лицам на войне делать нечего. Пойдемте с нами.

Кассандра поднялась по разрушенной взрывами лестнице на первый ярус здания, изо всех сил стараясь не оступиться и не зацепиться за торчащие отовсюду обломки бетона и арматуры подолом платья. Сотни раз она видела в фильмах, как пленным завязывают глаза, надевают на головы мешки, а на руки наручники, однако в этот момент она еще раз убедилась в том, что все, о чем ей чуть ли не ежедневно твердили на протяжении всех семнадцати лет ее жизни, не имеет ничего общего с реальностью. Ордосы мало того что смотрели на нее с полнейшим безразличием и равнодушием, так еще и не предприняли ни малейшей попытки хоть как-то ее обезвредить... хотя, может быть, они думают, что наивная девчонка, которую отец непонятно зачем притащил в зону боевых действий, в принципе не может представлять для них никакой опасности? И выкуп за нее просить не собираются, напротив, думают, как бы в принципе побыстрее от нее отделаться...

Кассандра очень плохо разбиралась в технике — отец всегда считал, что это сугубо мужское дело, и не подпускал ее ко всяким приборам, однако неоднократно видела, как подчиненные ее родителя отправляют сообщения, поэтому приблизительно представляла себе, что ей нужно делать, чтобы связаться с родной планетой; в крайнем случае, если у нее возникнут какие-нибудь затруднения, она рассчитывала все же обратиться за помощью к рыжеволосому Ордосу — она надеялась, что он все же не откажет ей хотя бы в обычных разъяснениях, на какие кнопки нужно нажимать. Надо же, какой дурно воспитанный тип — даже не счел нужным ей представиться, она так и не узнала, как его зовут. Хотя он, по всей видимости, не думал о том, что это важно — девушка была наслышана о странных нравах Дома Ордосов, представители которого были зациклены исключительно на себе и своих богатствах.

Поднявшись на поверхность, она зажмурилась от яркого света местного солнца и невольно прикрыла глаза рукой — горячий ветер поднимал в воздух, как ей казалось, целые тучи песка, а на своей родной планете она привыкла к постоянным дождям и влажной почве, песок можно было увидеть разве что на морском побережье, и тот был совершенно сырым. Первый раз в жизни она оказалась так далеко от дома, к тому же абсолютно одна, и теперь ей оставалось лишь надеяться на то, что свои скоро пришлют за ней какой-нибудь транспорт.

Ее рыжеволосый провожатый перекинулся парой слов на своем языке с каким-то молодым человеком в ордосском зеленом мундире с нашивками в виде переговорного устройства — наверное, это был связист, и тот вдруг произнес на галахском, обращаясь к Кассандре:

— Мне жаль, но отправить сообщение на Каладан не получится.

Девушка похолодела от страха, но тут же собралась с духом и предложила другой вариант решения проблемы.

— Наверняка у вас есть транспорт, — сказала она. — Давайте тогда я вам заплачу, сколько вы попросите, а вы доставите меня на ближайшую базу нашего Дома, я уверена, что на Арракисе есть еще, мой отец об этом упоминал, или даже, если вы не хотите рисковать, на какое-нибудь судно Гильдии...

— Девушка, вы меня не поняли, — ответил Ордос-связист. — Дослушали бы сначала, потом лезли со своими умозаключениями. Связи с Каладаном нет, и вылететь туда у вас не получится ни с Арракиса, ни с транзитного корабля Гильдии, потому что сегодня в новостях передали, что на вашей родной планете начались беспорядки и, возможно, даже гражданская война.

— Я знал, что этим кончится, — ехидно вставил рыжеволосый.

Кассандра от неожиданности потеряла дар речи, не зная, что делать... вернее, оставалось только одно — медленная смерть в песках среди развалин. Ордосы вряд ли поделятся с ней водой, пищей или переговорным устройством... да оно и так не работает конкретно на каналы Каладана.

— В таком случае прошу простить меня за то, что вы потратили на меня время, — как можно вежливее и учтивее сказала она, зная, что эти люди очень щепетильно относятся к подобным вопросам. — Я хотела бы дать вам на себе заработать, но что вышло, то вышло.

Она повернулась и хотела было спуститься в свое укрытие — там, по крайней мере, жара ощущалась не столь невыносимой и были еще две бутылки с водой, если только их не раздавило камнями при взрывах, но тут ее окликнул рыжеволосый.

— Куда вы собрались? Стойте.

20. Предел достигнут

Когда Ордос-связист сообщил Кассандре о том, что связь с Каладаном временно потеряна из-за бунта против герцога, в ее голову ненароком даже закралась мысль о том, что он попросту солгал, поскольку переговоры могли быть отнюдь не бесплатными, а он не испытывал ни малейшего желания тратить деньги на кого-либо, кроме себя, но, к сожалению, девушка жестоко ошиблась. Герцог Атрейдес, придавая большое значение высокой нравственности, морали и правильному поведению, совершенно забывал о материальной стороне жизни, хотя всякому терпению был предел, и в определенный момент оно у его подданных попросту лопнуло. Когда он в очередной раз попытался изъять средства на военные действия у населения Каладана, люди не просто наотрез отказались, потому что в карманах у них не было ни гроша и зачастую им не хватало денег даже на самое необходимое, но и устроили в столице стихийные массовые беспорядки. Началось все с весьма незначительного, но крайне неприятного происшествия. В Кала-сити был относительно большой по местным меркам банк, хотя Ордосы, увидев нечто подобное, посмеялись бы от души — у них даже в самом захолустном поселении имелись гораздо более солидные финансовые организации. Жители столицы довольно часто прибегали к его услугам, поскольку в нем можно было оплатить коммунальные платежи, налоговые сборы, а также взять небольшую ссуду на различные повседневные нужды. Одним мрачным дождливым утром в банке, как всегда, толпился народ, двое усталых операторов медленно обслуживали посетителей, в общем, ничто не предвещало неприятностей, но тут в зал вошли какие-то люди в военной форме и потребовали от операторов позвать директора. Тот немедленно вышел к ним, и тут они прямым текстом потребовали от него в очередной раз поделиться частью дохода в связи с военными нуждами.

— Помилуйте, — взмолился директор, который был одет немногим лучше, чем посетители, — но это уже седьмой раз за последние полгода. Вы хотите моих детей без куска мяса оставить?

— Вам еще хорошо, — воскликнул один из посетителей, — мои дети уже давно забыли, что такое мясо, сидят на одной каше без молока!

— Ну извините, — развел руками офицер, — время-то военное, что поделать!

— Да сколько можно воевать! — не выдержал один из операторов. — Мы и так живем даже не от зарплаты до зарплаты, а впроголодь!

Перебранка продолжалась недолго; директор банка, взвесив свои финансовые возможности, сказал военным, что ничего им не даст, потому что иначе сам останется банкротом. Те хотели было войти в хранилище силой, но люди в здании банка, вооружившись чем попало, решили не давать директора в обиду — в конце концов, скольких из них он выручал небольшими суммами, когда им было нечего есть! Услышав с улицы шум, к драке подключились также случайные прохожие, подручные герцога вызвали подкрепление, и в итоге мелкий инцидент перерос в не поддающиеся никакому контролю массовые беспорядки по всему городу. Вечером того дня вооруженные чем попало недовольные граждане двинулись к замку герцога, чтобы высказать ему свои претензии. Когда Ахиллус Атрейдес понял, что его люди не смогли справиться с

протестующими грубой силой, то решил все же перейти к переговорам.

— Я выйду к ним, — сказал он своей жене, — и постараюсь убедить их в том, что устраивать подобное и бунтовать против законной власти просто омерзительно, тем более что вы, дорогая Фиона, прекрасно знаете, что я хочу всем добра. Я же эти деньги не в карман себе кладу.

— Совершенно верно, наша семья, невзирая на свой знатный род и высокое положение, живет очень скромно, — согласилась с ним жена.

— Ну вот и я о том же, — ответил герцог, надевая парадный мундир, который на фоне нарядов ордосских военных тем не менее показался бы жалкими лохмотьями. — Добро бы я, подобно барону Харконнену, беззастенчиво обирал свой народ и покупал себе на эти деньги всякие предметы роскоши, поговаривают, что у него в Убежище ручки в туалетах сделаны из серебра, и к чему такое?

— Именно, ни к чему, — кивнула Фиона Атрейдес.

— Я же, напротив, забочусь о своем народе и хочу спасти всех жителей нашей империи от возможной тирании Харконненов — конечно, все эти политические тонкости не для женских ушей, но я все же вам скажу, что если эти злобные негодяи получают в свои руки власть и тем паче спайс, мало всем не покажется. Неужели люди думают, что я ввязался в эту войну ради личной выгоды? Они не понимают, с кем я вынужден сражаться почти каждый день. Сейчас я постараюсь донести до них, в чем дело и почему им нужно немного потерпеть, уверен, что они прекрасно все поймут.

Уже в дверях герцог вспомнил об одном крайне важном обстоятельстве.

— Прошу прощения, дорогая Фиона, я надеюсь, наши дети сейчас в своих комнатах?

— Да, — уверенно ответила его супруга, будучи не в курсе того, что Кассиус давно нашел способы изредка выбираться из-под бдительного контроля строгих родителей, — Поликсена с самого утра занимается музыкой, а Кассиус повторяет уроки.

— Превосходно. Я прямо не нарадуюсь, глядя на то, какими они у нас растут умными, послушными и талантливими. Скоро будем им подходящих супругов искать, не успеем и оглянуться.

Он галантно поцеловал жене руку и вышел из комнаты.

*

Кассиус Атрейдес возблагодарил судьбу, потому что утром того дня тайком от отца в очередной раз сбежал к Джессике — у нее, по крайней мере, он находил хоть какую-то поддержку, которой он не мог дожидаться ни от чопорного отца, ни от замкнутой и холодной матери, обеспокоенной исключительно правилами приличия и нормами морали. Его дальняя родственница спрятала на-герцога в своем доме и посоветовала ему пока что не высовывать носа на улицу, поскольку озлобленные люди могли отыгаться и на

нем, а то, что он на самом деле ни в чем не виноват и вообще несовершеннолетний, не будет иметь для них никакого значения.

— Мне надо домой, — взмолился он, — там же матушка и Поликсена...

— Сиди здесь и не майся дурью, — настоятельно посоветовала ему Джессика, — запасы еды у меня тут есть, если что-то случится, ты матери с сестрой все равно ничем не поможешь, не надо совать голову в пекло, ты, поди, и винтовку в руках не держал!

Обращаться с винтовкой, вопреки подозрениям Джессики, Кассиус все-таки умел, но, постаравшись на время отключить эмоции, пришел к выводу о том, что она совершенно права — если уж ему не посчастливилось оказаться во дворце в трудный момент, разумно будет отсидеться в относительно безопасном месте, благо никто из местных жителей не испытывал ненависти к бывшей наложнице Лето Атрейдеса — она жила весьма скромно, окружающим ничего плохого не делала и даже чем-то помогала в меру своих возможностей. Поэтому он согласился остаться на какое-то время у Джессики и подождать, пока все не успокоится.

— Ты сиди себе тихо, — сказала она, — можешь быть уверен в том, что у меня безопасно. Я пошлю Ганиму на разведку, если она скажет, что люди успокоились и разошлись, то и ты сможешь вернуться в свой замок.

— Хорошо, — ответил Кассиус и сел за стол, напряженно размышляя обо всем происходящем. Джессика хотела было налить ему чашку горячего чая, чтобы он мог согреться и расслабиться, ведь день выдался сырым и холодным, но тут юноша задал ей один давно тревоживший его вопрос.

— Знаете, леди Джессика, — сказал он, — временами мне бывает очень страшно.

— Чего ты боишься? Не надо ничего бояться — страх убивает разум.

— Я это все знаю, — отмахнулся на-герцог, — все эти штучки и мантры, которым вас учили в Ордене Бене Гессерит и которые якобы позволяют контролировать сознание. Только вот, простите меня за грубость, не помогают они ни капельки. Можно сколько угодно твердить про себя, что испытывать страх нельзя, но что делать, если он возникает сам по себе и своим рассудком ты понимаешь, что это на самом деле опасно? Я говорю о ваших родичах, о бароне, его брате, племянниках и сыновьях... хотя что это я только о сыновьях, дочери-то у него отнюдь не лучше. Если они придут сюда...

— Извечный страх всех Атрейдесов, — ответила Джессика.

— Тогда вы меня понимаете. По крайней мере, понимаете если не мои чувства, то хотя бы просто то, о чем я говорю. Я же не дурачок и уже давно не маленький ребенок, хотя отец по-прежнему считает меня едва ли не грудничком, который не способен ни осознавать, что происходит, ни самостоятельно принимать решения. Нам не выиграть эту войну, а казна нашего Дома пуста, если бы я вдруг захотел взять оттуда деньги, мне не хватило бы этой суммы не то что на орнитоптер или танк, но даже на буханку хлеба! Рано или поздно все будет кончено, и тогда барон со своими людьми придет сюда, чтобы

окончательно добить поверженного противника, разве не так? В любом случае мой выбор будет вполне однозначным — я возьму оружие и буду сражаться. Я не стану прятаться ни у тебя, ни в нашем замке.

— Я же тебе...

— Если что, я умею стрелять. И знаю, с какого конца берутся за винтовку и как ее заряжают.

— Ладно, все хорошо, — Джессика, видимо, не хотела продолжать этот разговор. — Вот твой чай, давай-ка, пей.

*

Мать Кассиуса тем временем сидела дома в ожидании своего супруга и плела на коклюшках кружево для праздничной скатерти. На улице начало темнеть, она зажгла тусклые лампы, и тут к ней спустилась дочь, которая наконец завершила свои занятия музыкой.

— Добрый вечер, дорогая матушка. Как ваши дела?

— Добрый вечер, дорогая доченька. Все хорошо, как ты сегодня позанималась?

— Прекрасно, только очень устала и теперь жду ужина. А где отец?

Герцогиня Фиона объяснила Поликсене ситуацию, и та взволнованно поежилась — или просто в комнате было прохладно?!

— Это же очень опасно, ему не стоило этого делать, нужно было поручить наведение порядка нашей гвардии, — сказала она.

— Девочка моя, — строго посмотрела на нее мать, — тебе не подобает осуждать и обсуждать решения отца и тем более интересоваться мужскими делами. Это заботы герцога, и только ему надлежит заниматься такими вопросами.

— Простите, мама, — почтительно произнесла Поликсена и, как подобает воспитанной девушке, села рядом с герцогиней заниматься плетением кружев. Она сильно проголодалась, но ни она, ни ее мать не поднялись со своих мест, чтобы, подобно наглым дочерям барона, пойти на кухню и сделать себе бутерброд или тем паче что-либо приготовить самим: во-первых, стоять у плиты и накрывать на стол подобало лишь слугам, а не благородным женщинам, во-вторых, принимать пищу следовало только всей семьей и уж однозначно только в присутствии и по желанию ее главы. Оставалось лишь ждать герцога — с раннего детства Поликсена прекрасно знала, что без отца мама за стол не сядет.

— А где Кассиус? — спросила Фиона. — Я его что-то с раннего утра не видела, так все и занимается?

— Да, — уверенно ответила Поликсена, которая и в самом деле думала, что ее брат сидит за учебниками, — он же все-таки мальчик, ему нужно знать гораздо больше, чем мне, физику там всякую, математику... тяжело ему!

Они просидели так еще немного, и в душу герцогини Атрейдес начали закрадываться нехорошие мысли, повергавшие ее в полнейшую растерянность. С ранней юности она привыкла к тому, что сначала все важные решения в ее жизни принимал отец, потом этим занимался муж, а ей не оставалось ничего, кроме мелких забот и приятных увлечений наподобие того же плетения кружев. Где Ахиллус, почему так долго не возвращается? А что, если с ним вдруг случилось что-то ужасное?

Фиона Атрейдес вздрогнула при одной мысли об этом: к такому она была совершенно не готова, более того, с детства ее настраивали на удачное замужество, но никто не говорил ни единого слова о том, как себя вести, если с мужем что-то случилось! Будь на ее месте баронесса Харконнен и ее дочери, они однозначно не стали бы всенепременно мучиться от голода, но дожидаться барона к ужину — они сами приготовили бы себе поесть, более того, взяли бы затруднительную ситуацию в свои руки, позвали на помощь Раднора с его отборными гвардейцами и быстро бы усмирили мятеж, однако герцогиня Атрейдес была герцогиней Атрейдес, поэтому она продолжала сидеть и плести кружево, пытаясь хоть так себя успокоить. Время шло, и часы показывали уже полночь, но ее муж все не возвращался; Поликсена клевала носом в соседнем кресле, а Кассиус наверняка заснул в своей комнате, так и не дождавшись ужина. Не зная, что делать, она в полнейшей растерянности отложила свое рукоделие.

— Поликсена, — нерешительно предложила она дочери, — может, тебе пойти и лечь спать? Думаю, твой отец вернется очень поздно, его задержали неотложные дела, а тебе пора уже быть в кровати.

Говоря честно, Поликсена с гораздо большим удовольствием пошла бы и хоть немного перекусила, но это было бы разрешено только в том случае, если бы герцог официально отсутствовал в течение нескольких дней и не мог руководить распорядком дня семьи. Однако она была послушной дочерью, решила, что поест утром, и отправилась в свою комнату, как вдруг ее заставили остановиться какие-то крики, доносившиеся с улицы. Мать с несвойственной ей быстротой вскочила с места и бросилась вниз по лестнице, по выражению ее лица девушка уже поняла, что та наверняка боится, будто случилось нечто ужасное. Поликсена выбежала вслед за ней во двор под струи холодного дождя, не накинув ни куртки, ни плаща, и в этот момент увидела, как двое крепких мужчин в форме Дома Атрейдесов несут ее отца к парадному входу замка. Герцогиня, изменив своему всегдашнему спокойствию и хладнокровию, зарыдала в голос и послала слугу разбудить Кассиуса; Поликсена смотрела на посеревшее лицо, остекленевшие глаза, безжизненно болтающиеся руки и окоченевшее тело своего родителя и дрожала от ужаса.

— Что... что случилось? — спросила она одного из гвардейцев, сразу поймав себя на мысли о том, что задала заведомо глупый вопрос; на виске у герцога даже в темноте была видна большая рана — видимо, во время беспорядков в городе кто-то ударил его тяжелым предметом или выстрелил ему в голову.

— Его убили, госпожа, — скорбно ответил тот. — Он вышел к разъяренной толпе и попытался ее успокоить, но ничего не вышло, один из простолюдинов бросил в него камень. Мне очень жаль, примите мои искренние соболезнования.

Герцогиня побледнела и сцепила пальцы. Она прожила с этим человеком долгие годы, была матерью его детей, и вот теперь ей предстояло идти по жизни дальше без него. Как Кассиус справится с ролью герцога? Он еще совсем ребенок... хотя если вспомнить Муаддиба... может, и справится...

— Мы стреляли в толпу, но это никого не остановило, — добавил второй гвардеец. — В Кала-сити по-прежнему беспорядки, поэтому вам не следует покидать замок. Мы постараемся обеспечить вашу безопасность, но, к сожалению, ничего не гарантируем.

— Надо организовать погребальную церемонию, — безжизненным голосом проговорила теперь уже вдовствующая герцогиня и жестом подозвала слуг. — Подготовьте тело моего мужа к похоронам.

Фиона Атрейдес взяла себя в руки и перестала плакать — она знала, что ее покойный супруг не любил слишком сильных проявлений эмоций и наверняка бы не одобрил даже того, что она, испытывая искреннее сожаление и глубокое горе в связи с потерей мужа, рыдает над его неподвижным телом, но в этот момент вернулся слуга, которого она посылала за сыном.

— Простите, ваша светлость, — сказал он, — но на-герцога нет в его комнате!

Вдова герцога Ахиллуса задрожала. Поликсена всполошилась.

— Что значит — нет в его комнате? — Фиона сдвинула брови.

— Его действительно нет.

— Идите и ищите, может, он где-то еще во дворце! — Поликсена даже не подозревала, что ее мать способна на такой резкий тон.

21. Новый поворот

Мать, сестра, все слуги и приближенные искали Кассиуса целую ночь и на протяжении следующего дня, но безуспешно — все это время новый герцог Атрейдес провел у леди Джессики и вернулся домой только через сутки в промокшей насквозь одежде — по дороге он попал под проливной дождь. Заплаканная Фиона накинулась было на сына с упреками, но тот остановил ее властным жестом.

— Прекратите, матушка. Я знаю о том, что произошло. Как вы разговариваете с герцогом Атрейдесом?

Женщина опешила.

— Ты опять был у этой рыжей ведьмы?

— Не ведьмы, а леди Джессики. Имейте к ней уважение, вы не обязаны ее любить, но будьте любезны отзываться о ней подобающим образом. Более того, я теперь герцог и не обязан ни перед кем отчитываться в плане того, куда, когда и к кому я хожу. Сейчас я вам кое-что объясню уже не как герцог, а как ваш сын, чтобы вы не волновались. Да, я действительно был все это время в гостях у леди Джессики, потому что идти домой было не особо безопасно. Ее внучка наведальась в город и сообщила мне о том, что произошло с отцом, а после всего, когда бунтовщики немного утихомирились, я вернулся к вам. Теперь мне как новому герцогу надлежит выйти к народу и объявить ему свою волю.

Фиона Атрейдес, которую сильно удивили непривычный резкий тон и решительный настрой сына, попыталась было вяло протестовать, призывая ментата ее поддержать и вмешаться, но добилась лишь того, что Кассиус стукнул кулаком по столу и твердо, но вежливо попросил мать замолчать.

— Прекратите, пожалуйста, — потребовал он. — Я герцог, вы забыли? Вам незачем вмешиваться в политику, лучше позаботьтесь о том, чтобы погребение моего отца и вашего супруга было организовано надлежащим образом. Что же касается всего остального, это я беру на себя.

Донельзя потрясенная Поликсена внимательно наблюдала за происходящим, ожидая, что еще скажет ее брат. Тот в свою очередь велел подавать на стол, а после трапезы предложил родным разойтись по своим спальням, ментату же сообщил, что завтрашним утром тот обязательно должен будет присутствовать при его обращении к народу.

*

Доведенные до предела отчаяния жители Каладана, по неосторожности убившие собственного герцога, не ждали от жизни уже ничего хорошего. Их менталитет был таков, что они были довольно покорными, терпеливыми, соблюдали традиции и, как правило, безропотно повиновались властям, выполняя все их требования, но тут ситуация оказалась настолько невыносимой, что они попросту вышли из себя и сами испугались содеянного. Стихийный бунт угас так же быстро, как и вспыхнул, люди расползлись по домам в ожидании строгой кары и в страхе ждали, чем кончится дело.

Никто не знал, кто именно швырнул в голову Ахиллусу тот роковой булыжник — не знал этого наверняка и тот человек, чья рука нанесла смертельный удар, но что теперь будет? Люди думали, что всех тех, кто волей случая оказался в тот день в Кала-сити среди бунтующих, скорее всего, арестуют и бросят в тюрьмы, а потом еще и начнут выяснять, кто конкретно убил герцога Атрейдеса, но, к удивлению жителей столицы, ничего ужасного не произошло. Напротив, утром следующего дня юный герцог Кассиус, облаченный в траурные одежды, обратился к гражданам; он оказался не по годам мудр, что признали практически все без исключения. Выразив свое сожаление по поводу произошедшего, он принес соболезнования семьям тех, кто тоже погиб во время массовых беспорядков, а потом внезапно объявил, что будет придерживаться кардинально иной политики, нежели его покойный родитель.

— Жители Каладана, — сказал он, — мой дорогой отец, который также лишился жизни в ходе этого досадного конфликта, хотел как лучше — как будет лучше для Дома Атрейдесов, для обитателей нашей планеты и для всей галактики в целом, но он не понимал того, что у нас нет для этого достаточного количества ресурсов, и эта ошибка привела его к гибели. Я не стану преследовать тех, кто мог его убить, и я прощаю тех, кто участвовал в недавних беспорядках — вы можете не бояться, вам и вашим семьям ничто не угрожает. Мой отец пытался завладеть Арракисом, думая об общем благе, но не осознавая того, что наши силы и возможности не беспредельны, поэтому я отказываюсь от этой идеи. Завтра же наши войска начнут покидать Дюну.

Ментат ахнул от удивления и ужаса, а потом попытался что-то втолковать юному герцогу, но Кассиус был неумолим.

— Хватит со мной спорить, Калинар, и леди Джессика тут ни при чем, я и сам, в отличие от вас, не глуп и не слеп, да и вам советую не быть дураком! Наша казна пуста, народ взбунтовался из-за непомерных налогов, денег на новую технику просто нет, а вся старая в откровенно негодном состоянии! Или вы хотите выйти против отборных частей барона, вооружившись кочергой или табуреткой? Вперед, желаю удачи — сколько секунд продержитесь против бойца с огнеметом? Мои собственные родичи гибнут на фронте один за другим, недавно нам сообщили о смерти генерала Тириса, я уж не говорю о простых солдатах, поэтому всю эту жалкую пародию на военные действия пора прекращать! Вследствие неподобающего поведения моего отца нам так и не удалось сделать фрименов нашими союзниками, и население Карфага открыто высказало намерение в случае нужды сражаться на стороне барона — правильно, кому же понравятся наглые требования, наиб Корлин не стал исключением! Я приказываю вывести наши войска с Арракиса — такова моя воля, и это не обсуждается! Нам нужно обратить внимание на другое: раз уж мы не в состоянии противостоять нашим врагам на Арракисе, нам придется со значительной степенью вероятности оборонять от них собственную планету!

Затем новый герцог зачитал список налогов, которые с этого дня отменялись согласно его указу — в отличие от своего папаши, он прекрасно понимал, что брать с народа уже просто нечего, а в довершение всего приказал всем готовиться к обороне Каладана. Услышанное одновременно и обрадовало, и напугало людей: с одной стороны, теперь им будет значительно легче жить, с другой — а что, если к ним и в самом деле заявятся Харконнены и сделают всех своими рабами? Одного из советников Кассиуса сильно

напугала такая перспектива, и он высказал свои опасения вслух, но герцог как следует выбранил его за трусость.

— Немедленно прекратите подавать всем дурной пример, — отчитал его юноша. — Такая угроза есть, и я о ней знаю, но, в отличие от вас, не паникую. Стыдно быть таким боязливым. Если враги придут сюда, мы возьмем оружие в руки и будем сражаться. И я тоже буду. Вы меня поняли? Вместо того, чтобы публично признаваться в своем малодушии, возьмите-ка лучше сегодня вечером винтовку, ступайте в тир и поупражняйтесь в меткости, потому что лично я собираюсь провести вторую половину дня именно так, а не причитать, словно старая бабка!

Тот с пристыженным видом поспешил удалиться.

*

Когда старого управляющего, который лишился руки на Арракисе, выписали из больницы, он по договоренности с генералом Тирисом вернулся на старое место работы, чтобы присматривать за усадьбой до его возвращения с войны — людей не хватало, и все закрывали глаза даже на возраст и инвалидность работников. Как-то раз к нему пришла какая-то немолодая женщина в поисках заработка; управляющий попросил ее убрать в комнатах, постирать гардины, а в середине дня, будучи человеком добрым, предложил поденнице немного перекусить. Они разговорились, и старик понял, что эта женщина и есть мать его бывшего сослуживца Тоньо; новые указы молодого герцога вселили надежду в сердца пожилого калеки и его собеседницы — оба они еще не знали о страшной трагедии, недавно разыгравшейся на пустынной планете, ведь письма с фронта на Каладан не приходили, да если бы и приходили, неграмотная мать Тоньо все равно не смогла бы их прочитать.

— У вас сынок такой хороший, воспитанный, уважительный, — делился своими впечатлениями управляющий. — Сейчас вот герцог Кассиус указ издал, может, все и к лучшему, скоро ваш мальчик вернется, будет вам помогать и тут в саду работать. Он парень старательный, добрый, очень мне понравился.

Женщина улыбнулась — она была очень рада тому, что этот человек говорит такие хорошие слова о ее сыне, которого она, выходит, даже без отца смогла воспитать порядочным и приличным человеком, но ни она, ни управляющий, который так симпатизировал Тоньо, даже не подозревали о том, что юноша уже остался навеки лежать в песках Арракиса.

*

После похорон герцога Ахиллуса Кассиус преподнес матери еще один неприятный сюрприз. Забросив все учебники в дальний угол, он стал проводить все время в тире или тренировочном зале, а потом в один прекрасный день велел сестре идти с ним, вручил ей пистолет, рассказал про его устройство и пояснил, что она теперь тоже должна учиться стрелять, чем привел вдову Ахиллуса Атрейдеса в дикий ужас.

— Кассиус, ты что, с ума сошел?! О чем ты?! Она же девушка!

Фионе и без того казалось, что ее сын в последнее время стал совершенно другим человеком, но тут юный герцог метнул в нее испепеляющий взгляд и в жесткой форме приказал замолчать, а желательно еще и научиться пользоваться мозгом по назначению.

— Знаете ли, матушка, — сурово сказал он ошалевшей от такой отповеди и наглости родительнице, — в армии Харконненов тоже служат, как вы говорите, девушки. Они же девушки, но с огнеметами и прочим опасным оружием, и со всем этим, а то и вообще со своим ядерным арсеналом они придут сюда. Что мы сможем выставить против них? Буду с вами честным — лично мне тоже не нравятся вульгарные девицы, которые носят военную форму, утратили свою женственность, убивают и сквернословят наравне с солдатами-мужчинами, а их рукам куда более привычен автомат, нежели кружево, но в одном у них есть серьезное преимущество: Поликсена не отобьется ткацким станком или пальцами от вооруженного штурмовика!

Его мать пробурчала себе под нос что-то невнятное, но разгневанный Кассиус продолжил читать ей нотации.

— Я у леди Джессики в гостях не только чай пил и от бунтовщиков прятался. Я говорил с ней о разном — вам известно, что ее дочь замужем за главнокомандующим Дома Харконненов, Раднором.

При упоминании этого имени Фиона Атрейдес резко переменилась в лице, побледнела и отступила на два шага назад — такой ужас внушал всем этот человек.

— Так вот, она поведала мне о том, какими странными наклонностями славится ее зять, — Кассиус намеренно понизил голос. — Вы хотите испытать все это на себе? Не думаю, что вам это понравится, я уж молчу о Поликсене, мне совершенно не хочется, чтобы с моей дорогой сестрой что-нибудь случилось!

Он хотел было сказать что-то еще, но тут в дверь заглянул начальник охраны.

— Простите, милорд, что отвлекаю вас от занятий, — обратился он к молодому герцогу, — но вам тут пришло срочное донесение с Арракиса. Ваша родственница, госпожа Кассандра Атрейдес, так и не найдена, среди живых, кто уцелел во время сражения с Ордосами, ее нет, среди убитых тоже. Она бесследно исчезла и...

— Так, — оборвал его Кассиус, грозно сдвинув брови. — Я предполагаю самое худшее, потому что мне докладывали о том, как чуть позже Ордосов выбили с этой территории Харконнены, и мы обязаны спасти Кассандру. Я приказываю вам немедленно связаться с кем-то из дипломатического корпуса Гайди Прайма, потому что наверняка...

— Мы уже это сделали, — возразил тот, — объяснили им ситуацию и даже предложили вознаграждение за свободу госпожи Кассандры или любые сведения о ее местонахождении, но те ответили, что не могут нам ничем помочь, потому что вашей родственницы у них нет и они ее даже не видели.

Юноша огорченно покачал головой.

— Что-то здесь не так, не могла же она сквозь землю провалиться. Среди живых ее нет, среди убитых тоже, в плен не попадала, что остается? Возможно, она попыталась выбраться с базы сама и попала в пасть к песчаному червю либо даже нашла приют у фрименов, или вы просто пока не обнаружили ее тело. В общем, продолжайте поиски.

*

Когда молодой Ордос с рыжими волосами попросил ее остановиться, Кассандра с удивлением замерла на месте — что такое он придумал?

— У вас есть два выхода на ваш выбор, — предложил он таким тоном, словно показывал покупателю в магазине тот или иной товар, а не разговаривал с человеком, попавшим в большую беду. — Вернее, даже три на ваш выбор. Вы можете остаться здесь и ждать помощи, пока вас не обнаружат свои. Однако нет никакой гарантии, что первыми вас не найдут наши общие враги Харконнены, последствия, думаю, нет нужды перечислять. Вы можете также попытаться уйти отсюда и искать помощи самостоятельно — тоже не факт, что у вас для этого есть все необходимые навыки и средства и вы окажетесь в состоянии добраться до нужных людей, в свое время Полу Муаддибу из вашего Дома сильно повезло, что он не нарвался на кого-то типа нынешних фрименов Карфага, которые, как говорят, открыто симпатизируют барону и даже помогают его головорезам. Я предлагаю вам третий вариант: лететь с нами на Сигму Драконис. Какое-то время вы сможете пожить там, но при соблюдении пары условий: вы не станете доставлять нам неудобств, уважительно относитесь к нашим порядкам и обычаям, а потом, когда вернетесь на Каладан, рассчитаетесь со мной за все, поскольку, как вы должны понимать, любая помощь требует вознаграждения. На всякий случай, если вас это беспокоит — мне известно, что ваш Дом является поборником строгих нравов — вы сами как женщина никому не нужны. Никакой оплаты натурой, исключительно деньгами или иным материальным эквивалентом, например, каладанский жемчуг подойдет. Надеюсь, мы друг друга поняли, я жду вашего ответа.

Кассандру покорило — этот молодой мужчина вел себя и впрямь как расчетливый делец, а она почувствовала себя даже не покупателем в магазине, а клиенткой в банке, которой оператор рассказывает о различных типах вкладов и просит принять решение, вот только речь идет не о вкладе, а о помощи попавшему в неприятности человеку, за которую он еще и просит с него деньги! Однако, с другой стороны, Ордос, к ее удивлению, вел себя вполне благородно и не пытался предлагать ей ничего непристойного.

— Ну хорошо, — она, не колеблясь, приняла решение. — Я лечу с вами. И сколько же я буду вам должна?

Рыжеволосый, казалось, совершенно не заметил иронии в ее голосе — а может, и в самом деле не заметил.

— А это зависит от того, какие расходы повлечет за собой ваше содержание, — девушку снова неприятно поразила холодность собеседника и его манера переводить все в область товарно-денежных отношений. — Вы, как и любой из нас, едите, пьете, моетесь,

носите одежду, плюс отопление чего-то стоит. Вот и будем исходить из этого. Однако я вам уже сказал: все расчеты — потом, когда вы вернетесь домой. Давайте-ка, забирайтесь вон в ту машину, — он указал на один из трайков. — Еще пара условий: я знаю, что у вас на планете не принято уважать чужое личное пространство, зачастую семья из десяти человек может жить в одной комнате, а муж с женой спать в одной постели, так вот, у нас, напротив, не принято беспокоить других. Я поселю вас в свободном помещении, пока ваши не успокоятся и вам не удастся связаться с родными, но будьте добры никому не мешать. Ешьте, пейте, спите или читайте сами, когда хотите, я дам вам все необходимое, но без совсем уж крайней нужды к нам не лезьте.

Кассандра кивнула.

— Я все поняла.

На самом деле девушка только сделала вид, что поняла — она согласилась на условия Ордоса, который так и не соблаговолил ей представиться, лишь потому, что не видела иной возможности даже просто выжить, не говоря уже о том, чтобы выбраться с Дюны. Уже сейчас его слова приводили ее в полнейшее недоумение: как эти люди вообще живут и появляются на свет? Она привыкла к тому, что покойные родители могли зайти к ней в комнату и поинтересоваться, чем она занимается, что она сама могла в любое время обратиться к ним по волнующим ее вопросам, что вся семья всегда завтракает, обедает и ужинает вместе, а в гостях она спрашивала разрешения хозяев дома на любое действие — можно ли выйти в туалет, посмотреть ту или иную вещь, но быт и нравы Ордосов, судя по заявлениям этого типа, были совершенно другими. Интересно, а у него самого-то есть родители или жена? На вид ему лет двадцать, по возрасту, по идее, уже пора иметь свою семью. Отец с матерью должны быть, не в аксолотлевом же чане он на свет появился. И как он тогда с ними общается? А с ней самой-то как разговаривает... будто и в самом деле торговать собрался!

С такими мыслями девушка вытряхнула песок из волос, забралась в трайк и, усевшись сзади на пассажирское сиденье, пристегнулась ремнями безопасности.

22. Затерянная во льдах

Кассандра Атрейдес чувствовала себя более чем неудобно: с раннего детства ей внушали, что ни в коем случае нельзя доверяться кому попало, приличной девушке, да и вообще любому человеку, который думает о сохранности своей жизни, чести, здоровья и кошелька, не подобает разговаривать с незнакомцами, а уж тем паче с кем-либо идти или ехать неизвестно куда. Однако сейчас вместо страха она чувствовала скорее досаду и злость — страх, конечно, тоже присутствовал, но почему-то казался ей чем-то вроде предмета, завалившегося на самом дне большой сумки и не бросавшегося в глаза, пока его не вытащишь на поверхность. Интересно, что бы сделали ее отец, мудрые нянюшки, гувернантки и школьные наставницы, если бы увидели ее сейчас в таком положении? Тоже кинулись бы читать мораль и внушать, что этот неизвестный Ордос ее непременно изнасилует, убьет, порежет на кусочки и продаст их мяснику? Ладно, как бы то ни было, но ей пришлось довериться кому попало, и ей остается только понадеяться на то, что он намерен сдержать слово и не пустить ее на мясо — по крайней мере, на данный момент он пока что не проявлял никаких враждебных намерений, разве что держался по-прежнему отстраненно и не делал никаких попыток с ней заговорить, словно вез на родную планету какую-нибудь коробку с рисом, а не другого человека.

Пару раз Кассандре доводилось слышать кое-что о культуре и нравах этого Дома; когда она училась в школе, преподавательница обществознания сообщила своим воспитанницам некоторые сведения о других Великих Домах. Она тоже придерживалась мнения, что молодым девушкам нечего соваться в политику — им подобает думать о предстоящем создании семьи, ведении домашнего хозяйства и обеспечении уюта, но решила, что определенная информация об окружающем мире девочкам не помешает — по крайней мере, врага надо знать в лицо. Если о Харконненах она не могла говорить без содрогания — у нее язык не поворачивался не то что описывать, а даже и упоминать те зверства, которые творят жестокие подручные барона, то Ордосов она характеризовала как исключительно бесчестных, лишенных всяких эмоций людей, помешанных лишь на накоплении богатства; по ее словам, духовные ценности были им абсолютно чужды. Сейчас девушка терялась в догадках относительно того, чего ей придется ждать от этого человека, который пусть и предложил ей помощь, но даже не соблаговолил представиться и еще потребовал от нее впоследствии за все рассчитаться; сама она, безусловно, не поступила бы так ни при каких обстоятельствах. Во-первых, с раннего детства ее учили, что каждый воспитанный человек должен при знакомстве с другим сразу же назвать свое имя и поинтересоваться, как зовут собеседника, во-вторых, помощь на то и помощь, а не покупка на рынке, что денег за нее никто не требует!

Она, впрочем, решила, что постарается соблюдать все требования рыжеволосого — во время дороги она тихо сидела на пассажирском сиденье корабля и не задавала Ордосу никаких вопросов, поскольку уже поняла, что ему это однозначно не понравится. Есть и пить ей не хотелось — уж слишком сильно она переволновалась за время пребывания на разрушенной базе, что стресс напрочь убил всякое чувство голода, но через некоторое время ее новый знакомый сам протянул ей какой-то брикет в фольгированной упаковке и маленькую бутылочку с водой. Что это такое, Кассандра уже знала — отец и его солдаты постоянно носили с собой такие сухие пайки, позволяющие в течение некоторого времени поддерживать силы человека при отсутствии возможности нормально поесть.

— Спасибо, — сказала она; тот по-прежнему ничего не отвечал, словно его не учили ровным счетом никаким хорошим манерам. Пару секунд девушка раздумывала, приберечь сухпаек и воду на потом или съесть сейчас, но решила все же съесть все сейчас — у нее уже давно не было во рту ни крошки, и она опасалась, что если хоть немного не перекусит сейчас, то ей попросту станет плохо, а ей совершенно не хотелось доставлять очередные неудобства своему и без того не слишком приветливому спасителю.

За своими невеселыми мыслями она даже не заметила, как пролетело время и ордосский летательный аппарат приземлился в незнакомом космопорту. Глянув в окно, Кассандра увидела совершенно незнакомый ей мир — мир, о котором она только читала в книгах. Совсем недавно, сидя на уроках в школе, она слушала учителей, рассматривала фотографии в учебниках, и другие планеты — пустынные или заснеженные — казались ей бесконечно далекими, она думала, что никогда там не побывает, но теперь сначала очутилась на жарком безводном Арракисе, а теперь на ледяной планете Ордосов. Плиты космопорта покрывал лед и искрящийся белый снег, местное солнце, похоже, садилось и окрашивало небосвод и слоистые облака в лилово-розовые оттенки.

Дверь аппарата — Кассандра не знала его названия — приоткрылась, и рыжеволосый Ордос наконец-таки повернулся к ней; в полутьме девушка почти не видела его лица и не могла понять, с каким выражением он на нее смотрит. Ей оставалось лишь надеяться на то, что он все-таки ей не враг, ведь никто, кроме Харконненов, не станет воевать с женщиной. Он сунул ей в руки какую-то темную одежду.

— Наденьте. Снаружи холодно, — бесстрастно сказал он.

Девушка послушно набросила на себя ордосское одеяние — это оказалась длинная, почти закрывшая ее потрепанную на Арракисе обувь накидка из какой-то довольно приятной на ощупь ткани, названия которой она тоже не знала — на ее родном Каладане носили только лен, хлопок или шерсть, а очень обеспеченные люди даже и шелк. Почувствовав, как ее обдало волной ледяного воздуха, она нащупала сзади капюшон и натянула его на голову. Каладан отличался довольно мягким климатом — там никогда не было ни сильной жары, как на Арракисе, ни страшных холодов, его жители очень редко видели снег, да и тот очень быстро таял, и она не могла прикинуть по собственному опыту, сколько снаружи градусов ниже нуля, но погода на Сигме Драконис показалась ей откровенно ужасной. Как они здесь живут? Хотя нельзя отрицать, что планета эта при всей ее неприветливости довольно красива...

Ордос молча подал ей руку; она выбралась наружу и сделала несколько неуверенных шагов по снегу, чувствуя, как он скрипит под ее туфлями. Снеговые шапки на столбах, на крышах зданий сверкали в лучах заходящего светила мириадами искр. Кассандра поежилась от сильного холода, который забирался под одежду, она чувствовала его обжигающие прикосновения даже сквозь тонкие подошвы обуви, которая совсем не подходила для местного климата. Тут к ней и ее спутнику подъехал транспортник.

— Забирайтесь, — коротко бросил рыжеволосый. — Едем ко мне.

Кассандра кивнула и опять забралась на заднее сиденье; ей очень хотелось начать задавать вопросы, разузнать у Ордоса хоть что-нибудь о его родной планете и о том, как

они тут живут, но она, зная о необщительности местных обитателей, не стала лишним раз его беспокоить и действовать ему на нервы. Вместо этого она стала снова смотреть в окно, разглядывая окрестности; ей показалось, что солнце так и не заходит, а как будто стоит на месте. Какое-то время они ехали по безлюдным пустошам, покрытым снегом и льдом, а потом въехали в населенное место, совсем не похожее на каладанские селения и города: улицы здесь были непривычно широкими, просто огромными, здания тоже стояли не вплотную друг к другу, а отстояли достаточно далеко одно от другого, и показались девушке очень высокими, да к тому же и почти лишенными окон. Внезапно она резко и остро ощутила свое полное одиночество, настолько сильное, что ей захотелось разрыдаться в голос, и лишь присутствие рядом чужого человека не позволило ей это сделать, наплевав на все рамки и нормы приличия — она понимала, что Ордосы не любят эмоции. Она одна, совершенно одна, она понимала это разумом, но ей еще предстояло это принять — мать умерла, сестра и отец погибли, другие родственники живут на далеком Каладане, а она здесь, в чужом городе, на чужой планете, с практически незнакомыми людьми, без гроша в кармане — жалкая человеческая песчинка в глубинах необъятной Вселенной. Она будет продолжать любить своих близких, сколько бы ни прошло времени, но тем не менее теперь ей придется жить дальше без них, да не просто жить, а выживать самостоятельно.

— Кассандра, — внезапно окликнул ее рыжеволосый Ордос.

— Да? — неуверенно отозвалась она.

— Сейчас мы приедем ко мне, — сказал он, — я покажу вам комнату, где вы пока что будете жить. Потом вы свяжетесь с родственниками, вернетесь к себе и отдадите мне деньги.

— Хорошо, — ответила девушка, поймав себя на мысли о том, что ее снова покорило при последних словах Ордоса. Снова он про деньги! Судя по облику города и зданий, местные жители однозначно не бедствуют — не всякая каладанская знать может позволить себе такие дома, сделанные из цельных блоков какого-то серебристого металла! Уж если бы она была вынуждена спасти незнакомого человека в безвыходной ситуации, то точно не стала бы требовать от него денег — даже если бы он ей и спасибо не сказал, в конце концов, можно же проявить хоть каплю сострадания и благородства!

Машина мягко остановилась у металлической ограды одного из городских строений. Открылась автоматическая дверь, Ордос вышел на улицу, за ним неуверенно последовала Кассандра. Серебристый металл ворот, решетки забора и стен был покрыт сверкающим инеем — она еще никогда не видела такой красоты! Впрочем, любоваться зимним пейзажем ей пришлось недолго — Ордосу, по всей видимости, тоже не хотелось мерзнуть на улице, и он, достав из кармана пульт, нажал на кнопки и открыл сначала ворота, а потом дверь дома. В просторной прихожей, стены которой были тоже выкрашены в серебристые тона, было идеально чисто, словно в операционной или в платной больничной палате — в поликлинику девушка не ходила, если она или ее сестра болели, отец приглашал врача на дом, но один раз Кассандре довелось побывать в таком месте, когда умирала ее мать и генерал Тирус привез заплаканную дочь попрощаться с больной.

— Снимайте туфли, — приказал ее новый знакомый прежним бесстрастным тоном. — Вы не замерзнете, у меня пол с подогревом.

Она повиновалась и сразу ощутила под босыми ступнями приятное тепло. Ордос даже не смотрел в ее сторону — девушка почувствовала себя неодушевленным предметом, который кто-то принес в помещение и просто поставил в коридоре.

— А накидку? — спросила она, озираясь в поисках крючков для одежды, но стены тут были гладкими, без малейших признаков полки, шкафа или чего-то подобного. — Куда мне ее повесить?

— Вешать не надо, — тот коснулся чего-то на стене, и в ней открылась ниша с полками. — Кладите сюда, у меня встроенный шкаф.

Кассандра положила свою верхнюю одежду на свободную полку, и ниша снова закрылась. Ордос жестом указал ей на металлическую лестницу, и она последовала за ним на второй этаж. Достав из кармана еще один крошечный пульт, он открыл дверь в одну из комнат. Та оказалась на удивление просторной, если не сказать — вообще почти пустой; объемом она напомнила девушке обеденный зал в замке Каладан, где ей доводилось бывать на приемах у герцога Атрейдеса, но в ней находились лишь небольшой письменный стол, пара полок, какой-то экран, наверное, предназначенный для связи или просмотра новостей, стул с прямой спинкой, узкая односпальная кровать с матрасом и подушкой, малюсенькое окно, в которое было немного видно заснеженный город, и изящный металлический светильник с тремя лампами, светящими холодным белым светом.

— Пока что вы поживете здесь, — объяснил он. — Ванная находится сбоку за дверью. Там же вы найдете постельное белье и полотенца.

— Спасибо, — кивнула она.

— Я пойду к себе, — ответил Ордос. — Обращайтесь ко мне только в том случае, если вам это будет безотлагательно нужно. Надеюсь, вы сами додумаетесь, как что включать, и не станете беспокоить меня по пустякам.

— Хорошо, — Кассандра решила не спорить, но не могла скрыть своей тревоги и растерянности. На ее родной планете обстановка в домах была совершенно другой, и она не знала, сможет ли быстро со всем разобраться.

Он отдал ей пульт от дверей и ушел. Девушка немного повертела его на ладони, пытаясь понять назначение кнопок. Так, эта, кажется, открывает и закрывает дверь в комнату, а вот эта, где нарисована льющаяся вода, похоже, в ванную, эти управляют выключателями. Нажав на кнопку, она прошла в ванную — во-первых, ей очень хотелось немного ополоснуться, во-вторых, нужно было взять постельное белье, не спать же на голом матрасе. Это помещение удивило Кассандру ничуть не меньше, чем предыдущее: все было совершенно не похоже на привычный ей родной дом. В ее усадьбе на Каладане люди пользовались старинной ванной на выгнутых кованых бронзовых ножках, зеркало давно потемнело и облезло от времени, а кран открывался и регулировался вручную,

здесь же ванна сверкала белоснежной эмалью, зеркало было идеально новым, а рядом с краном и душем находились две кнопки, видимо, включающие подачу воды. Никаких полок или шкафов в ванной не было, но девушка обратила внимание, как ее спаситель в прихожей открыл нишу для одежды в стене, всего лишь положив куда-то ладонь, и решила, что здесь наверняка должна быть такая же система. Приглядевшись, она увидела на хромированной панели изображение полка с вещами и дотронулась до него рукой; в стене сразу же открылась ниша, в которой Кассандра увидела сложенные стопками полотенца — белые или светло-серые, под стать интерьеру всего дома, одеяло, пододеяльники, наволочки, простыни — все, что ей было необходимо. Взяв себе комплект белья и два полотенца, она закрыла автоматическую дверцу, снова приложив руку к изображению, вернулась в комнату, застелила постель, присела на край кровати и тут почувствовала, что, несмотря на съеденный сухпак, снова отчаянно проголодалась — дорога была достаточно долгой. Вспомнив, что ее новый знакомый попросил ее саму позаботиться о себе и не беспокоить его по всяким мелочам, она решила попробовать самостоятельно найти кухню или столовую.

Выйдя на лестничную клетку, она огляделась: лампочка зажглась автоматически. Она спустилась вниз и увидела перед собой несколько дверей; одна была закрыта, но из-за нее доносился тихий монотонный гул — словно кто-то о чем-то рассказывал, примерно как ее учителя на уроке. Ей подумалось, что Ордос наверняка находится в этой комнате и смотрит новости или еще какую-нибудь программу, и она решила повернуть направо; тут перед ней как раз оказалось нужное место. Кухня или даже по совместительству кухня-столовая была не заперта и оказалась оснащена таким же автоматическим освещением, видимо, выключатель срабатывал при помощи датчика движения. Шкаф с едой она нашла быстро по тому же принципу, что и шкаф с постельным бельем, и решила для начала заварить чай. Еще в родительском доме она несколько раз видела, как это делали слуги или нянюшка, самой ей, конечно же, не приходилось этим заниматься — девушке знатного рода не место на кухне, но общий принцип она себе представляла: нужно взять чай, заварочный чайник, поставить чайник для кипячения на огонь, насыпать немного чая в заварочный чайник... но тут ничего этого нет, вернее, скорее всего, оно есть, но устроено совсем иначе, и она совершенно не представляла себе, как именно! Встроенных шкафов у нее дома тоже не было — белье хранили в большом деревянном стеллаже, который запирался на ключ, а не открывался движением руки, но тут она хотя бы увидела, как это работает! Оставалось одно: обратиться за помощью к своему более чем неприветливому спасителю... пусть он и просил его не беспокоить, но не сидеть же ей без еды и питья.

Дверь соседней комнаты автоматически открылась перед Кассандрой, стоило ей встать на пороге. Хозяин дома сидел на стуле перед закрепленным на стене экраном и, как и думала девушка, смотрел новости; ей сразу подумалось, что для повседневной обстановки его наряд выглядит неуместно богатым и даже роскошным — каладанская знать надевала подобное лишь в крайне редких случаях на званые приемы у первых лиц государства. Свет лампы падал на драгоценные камни в его поясе, отражался от золотой цепочки с алмазами, охватывавшей его огненно-рыжие волосы, рассыпался яркими пятнышками по ворсу белого ковра на полу. Услышав шаги Кассандры, он нехотя повернул голову.

— Что-то случилось?

— Я хотела немного перекусить и нашла, где у вас кухня и продукты, — сказала она извиняющимся тоном, словно оправдываясь за само свое существование, — но теперь не знаю, как включить чайник.

Ордос посмотрел на нее, как на слабоумную, но все же поднялся со стула.

— Давайте покажу. Я думал, все чайники на просторах галактики совершенно одинаковы, — она впервые за все время увидела, как он улыбается самыми краешками губ, едва заметно.

— У меня дома был совсем другой, — ответила Кассандра. Его комната показалась ей еще больше, чем та, в которой временно поселилась она; неужели он живет здесь совершенно один?! Должны же быть у него родители или еще какие-нибудь родственники?

— Пойдемте, покажу.

На кухне он снял с подставки какую-то блестящую металлическую посудину с черной кнопкой сбоку.

— Смотрите, вот чайник. Нажмите кнопку, вода польется из крана. Когда вы уберете чайник, она выключится сама собой, кран сенсорный. Потом снова ставите чайник вот сюда, нажимаете кнопку. Когда он закипит, выключится тоже сам, а для заваривания у нас вот такая стеклянная колба. Насыпаете чай, сколько вам нужно, заливаете кипятком, опускаете крышку и ждете до готовности.

Кассандра смотрела на него, раскрыв рот от удивления: она впервые в жизни видела такую продвинутую технику, ведь дома ее нянюшка ставила на открытый огонь чайник со свистком, который приходилось выключать вручную. Наверняка в этом доме найдется еще много интересного... почему такого не было у них на Каладане?

— Спасибо, — сдержанно поблагодарила она. — Я приношу свои извинения, что нарушила ваш покой.

Тот чуть заметно кивнул и вышел из кухни.